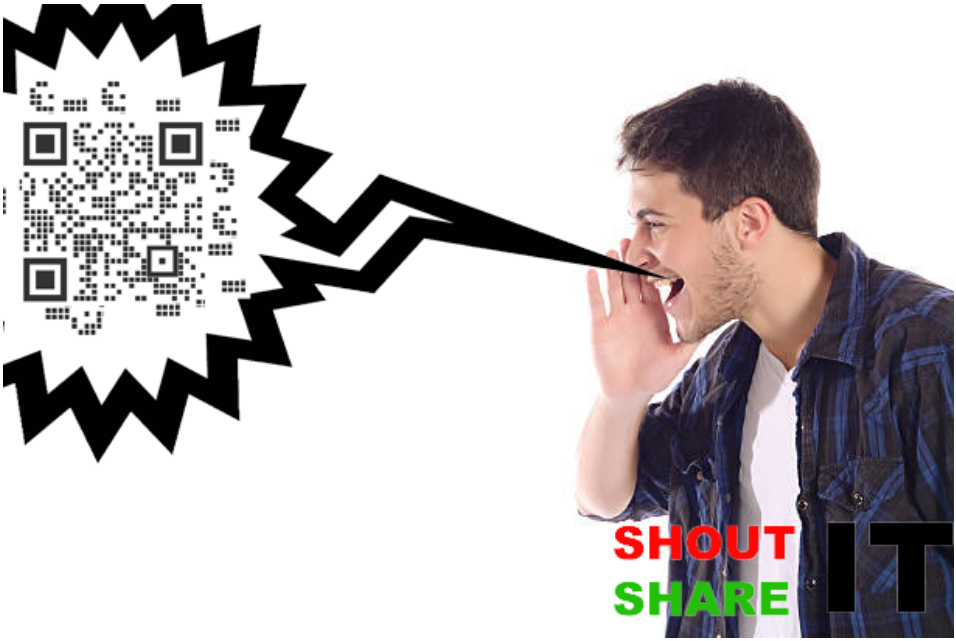
Над волнами Балтики

Александр Васильевич Пресняков


SHOUT
SHARE
IT

- Пресняков Александр Васильевич

Пресняков Александр Васильевич
Над волнами Балтики

Пресняков Александр Васильевич
Над волнами Балтики

Аннотация издательства: Войну лейтенант А. В. Пресняков встретил под Ригой. Вместе с товарищами - балтийскими летчиками он участвовал в тяжелых боях в Прибалтике. Эскадрилья, в которой воевал лейтенант, обороняла Ленинград, прикрывала Дорогу жизни. Затем он служил в прославленном на Балтике 1-м гвардейском минно-торпедном полку. О мужестве боевых друзей, их стойкости рассказывают дневниковые записи балтийского аса, дополненные его же воспоминаниями.

Содержание

От автора
Часть первая. Сорок первая отдельная
Первые испытания
Над Ладогой
Боевые будни
В тылу врага
Часть вторая. Крылатая гвардия
Гвардейцы
Третья Краснознаменная
Остров Соммерс
Неудачный полет
Конец ленинградской блокады
Под крылом - Балтика
За сотым
"Торпедоносцы, вперед!"
Эпилог

От автора

На пожелтевших страничках скупые, торопливые карандашные строки. Почерк неровный, местами почти неразборчивый. Фронтовые записки... За каждой фразой кроется многое: горечь утрат и радость побед, непримиримая ярость жестоких боев и повседневная тяжесть фронтовых невзгод и лишений. За лаконизмом как бы укрылись штрихи и детали минувших неповторимых событий. Но стоит только вчитаться, и воскресают в памяти, казалось бы, забытые дни и недели войны, лица друзей, командиров, товарищей, фронтовые разговоры, характерные жесты... Их ничто не может стереть и изгладить.

Летят годы. Все меньше становится друзей, тех, с кем

пройдены в небе Балтики фронтовые огненные трассы. Эта книга написана в память о них, об их смелости, мужестве, преданности Отчизне.

Пусть строгий читатель не подумает, что за штурвалом самолета я имел время делать подробные записи. Это не так. Отдельные абзацы из дневника приведены дословно, другие - детализированы позднее, по памяти и архивным документам. Но повсюду сохранена документальная точность, достоверность событий и фактов. Возможно, о ком-то я не сумел написать как следовало бы, о чем-то сказал слишком мало. Надеюсь, читатель простит мне все это, так как для автора штурвал боевого самолета более привычен, чем перо писателя.

А. Пресняков

Сорок первая отдельная.

Закаленная в боях.

Наша ярость беспредельная

На врагов наводит страх!

(Из фронтовой песни)

Часть первая.

Сорок первая отдельная

Первые испытания

"24 июня 1941 года. Стрелки часов на приборной доске будто замерли. Тринадцать ноль-ноль. Прямо над головой, в белесом от зноя небе, недвижно зависло огромное слепящее солнце. Отражая его лучи, волнистая поверхность гидроаэродрома Киш-озеро сверкает яркими солнечными бликами.

К запуску мотора и взлету все подготовлено. Еще раз осматриваю кабину и, защелкнув замок входной дверки, подгоняю привязные ремни..."

- Штурман к полету готов, - с подчеркнутым равнодушием докладывает лейтенант Николай Шеремет, глядя на меня через лобовое стекло кабины. Только вряд ли сегодня мы поднимемся в воздух. Связи со штабом ВВС все нет. Поэтому батя сильно волнуется и не рискнет вылетать без приказа.

- А сам-то ты как? Не волнуешься?

- Я?.. Кажется, ну ни капельки, - пожимает он нервно плечами. - Только палец на левой ноге почему-то подрагивает. Остальные детали пригнаны намертво. Как говорится: к полету и бою готовы.

- Но мизинец все же дрожит?

- Мелочь в счет не берем. Как-никак первый бой. Я же не балерина на пальчиках бегать. Надо будет, и боя него обойдусь. Лишь бы быстрее решение приняли. Думаю я и жалею, что на писателя не учился, - балагурит он. - После этого вылета нужно

бы сразу статью написать. И начало ей дать боевое, задорное. Например: "Распластав серебристые крылья, наши грозные "эмбээрухи" (так называли морские летчики гидросамолеты МВР-2) плавно покачивались на воде. Все двадцать самолетов 41-й отдельной авиаэскадрильи ВВС Краснознаменного Балтийского флота с утра находились в готовности номер один. Их отважные экипажи горели желанием быстрее подняться в небо и сразиться с врагом". Ну как? Имеются критические замечания?

- Молодец! И просто, и обстановке вполне соответствует, - улыбаюсь я одобрительно. - Если еще наждачком подшлифуешь - будет совсем как у классиков. Конечно, литературным талантом нас, видимо, обошли при рождении, однако ты не смущайся, пиши...

Картинно бросив на палубу краги, Николай отвечает горделивым кивком головы. Но взгляд у него тревожный. Энергичный, веселый парень, он и сейчас хочет казаться неунывающим балагуром, явно бравирует: впереди первый бой...

Мне тоже не до шуток. Война идет третьи сутки. Где-то Красная Армия яростно бьется с фашистами. Разразилась война, к которой мы постоянно готовились и которая тем не менее оказалась для нас внезапной. В те дни, находясь на Киш-озере, мы, разумеется, не могли и представить, какая гигантская военная сила обрушилась на нашу страну, не знали, что гитлеровцы стремились именно в первые дни и часы войны мощными таранными ударами подвижных танковых соединений, авиации, артиллерии и мотопехоты уничтожить основные кадровые силы Красной Армии, сломить нашу волю к сопротивлению, добиться полного превосходства в силах на земле, на воде и в воздухе. В этот момент нас особенно угнетало и нервировало то, что уже третьи сутки мы не принимаем никакого участия в боевых действиях. Нет связи с вышестоящим командованием в Таллине. Отсутствие конкретных задач и четко сформулированных данных об обстановке угнетало личный состав. Правда, наши машины последним словом техники не назовешь. "Летающие лодки" имели один мотор, развивали крейсерскую скорость сто шестьдесят километров в час, были вооружены двумя пулеметами, несли бомбовую нагрузку шестьсот килограммов. И все-таки... Вот и сейчас мы сидим и гадаем: рискнет ли батя - командир эскадрильи - принять самостоятельное решение или не рискнет?..

- На ЦПУ поднят флажный сигнал "Добро"! - восклицает воздушный стрелок-радист Ускребков. - Ведущий подал команду на запуск.

Что такое ЦПУ - объяснять не нужно. Это центральный пост

управления.

- Выходит, летим? - удивляется Шеремет. - А я был уверен, что батя на риск не пойдет.

На машине ведущего лопасти винта чуть качнулись и, набрав обороты, образовали сверкающий диск. Включив зажигание, я открываю воздушный вентиль. В уши врывается прерывистое шипение сжатого воздуха. Выбросив клубы черного дыма, мотор запускается. Вспарывая носом ветровую рябь Киш-озера, самолет плавно трогается с места.

Впереди рулит капитан Григорий Гончаренко. Под крыльями его самолета большими черными каплями свисают осколочно-фугасные стокилограммовые бомбы. Вспенивая форштевнем воду, машина выполняет разворот и начинает взлет с ходу. Нажимаю на левую педаль. Кренясь и зарываясь левым поплавком, мой МБР послушно разворачивается на взлетную полосу. Впереди необозримая водная гладь. Самолет капитана Гончаренко уже на отрыве. Плавно передвигаю вперед сектор газа. Гул мотора сразу же нарастает, и спинка кресла толкает меня вперед, навстречу упруго звенящему ветру.

Первый вылет на бомбовый удар по врагу!.. Наверное, ничто не изгладит из памяти даже самые незначительные детали того полета.

...Две девятки самолетов взлетели. Пристроившись концевым в правом пеленге, вижу весь боевой порядок. Будто связанные невидимой нитью, машины четко выдерживают заданные дистанции и интервалы. Кажется, они застыли в синеющем небе. Только стрелки-радисты, наблюдая за воздушным пространством, непрерывно вращают кормовые остекленные башни, и пулеметные стволы, словно маятники, качаются из стороны в сторону. Пока это лишь обычная предосторожность: "мессершмитты" здесь вряд ли появятся. Вчера, ясным солнечным днем, фашисты бомбили Ригу: их грузные, неповоротливые "хейнкели" пролетели над городом, не имея воздушного прикрытия. Значит, у вражеских истребителей для полета сюда не хватает горючего.

Картину бомбежки мы наблюдали с берега озера. Армада тяжелых тупорылых машин медленно приближалась к рижскому порту. Тогда мне все это казалось кошмарным сном: и надрывный, воющий стон сирен, прерываемый обвальным грохотом орудийных залпов; и частые вспышки зенитных разрывов, пятнавшие лазурное небо грязно-серыми дымовыми разводьями. Гулкие раскаты бомбовых взрывов как бы не умещались в моем сознании. А потом, как-то сразу, наступила гнетущая мертвая тишина. Только над портом, как

подтверждение реальности происходящего, клубились черные дымные тучи.

Ночью фашисты повторили налет. Теперь они нацелились на корабли Балтийского флота. Под куполом темно-фиолетового неба на парашютах сверкающими гирляндами повисли серии осветительных бомб. И сразу же яркие лучи корабельных прожекторов, словно щупальца, заметались по небу. Время от времени они замирали на месте, высвечивая искрящиеся силуэты медленно ползущих вражеских самолетов. И тотчас окружавший их мрак окаймлялся вспышками зенитных разрывов. Пытаясь вырваться из огненного кольца, "юнкерсы" и "хейнкели" горкой взмывали вверх, затем бросались в пике, выписывали восьмерки и змейки. Но зенитчики-моряки били точно. Кольцо разрывов почти мгновенно сужалось, и очередной фашистский бомбардировщик на наших глазах разваливался на части или горящим валился в море.

Наконец налет прекратился, и над укрывшейся в темноте Ригой снова воцарилась тревожная тишина. От возбуждения спать не хотелось. Собравшись в курилке, мы бурно обменивались впечатлениями. Иногда пытались пройти на КП. Начальник штаба эскадрильи капитан В. Ковель, беспрерывно накручивая ручку полевого телефона, сердито отмахивался от нас и сипел сорванным голосом:

- Уходите. Не мешайте работать. Нового ничего сообщить не могу.

* * *

Утреннее солнце багряным шаром нависло над кромкой прибрежного леса. Его косые лучи, с трудом пробиваясь сквозь ветвистые кроны, расцвечивали зеркало озера алыми пятнами. Прохладная вода освежала тело, но не могла смыть тревоги. Закончив купание, мы торопливо оделись. Неожиданно на берегу появился капитан Ковель и сразу направился к командиру.

- Товарищ майор, - заговорил он взволнованно, - из Либавы пришло сообщение, что в районе маяка Павилоста противник высаживает морской десант. Для уточнения мы связались с Виндавой. Она эти данные не подтверждает. А связь с Либавой снова прервалась.

- Нам боевая задача поставлена? - живо прервал его майор Баканов.

- Я уже доложил: связи со штабом ВВС пока нет, а с Либавской военно-морской базой...

- Прикажите готовить к вылету всю эскадрилью. Если не восстановится связь, окончательное решение буду принимать самостоятельно.

...И вот мы в воздухе. Цель уже близко, и Шеремет неотрывно смотрит вперед. Изредка он оборачивается ко мне, и я вижу приплюснутый летными очками широкий нос, прищуренные глаза и упрямо сжатые губы. Вдруг он исчезает в кабине, и через люк в перегородке доносится его громкий голос:

- Видимость отличная. В море ни единой посудины. Десанта здесь нет. Виндава оказалась права.

Теперь и я ясно вижу, что морской десант не высаживался. Песчаный берег совершенно безлюден, а в море не только больших кораблей, даже шлюпок не видно. Выходит, Либава ошиблась и наш удар по десанту не состоится. А жаль. Стало быть, нам с Кудряшовым предстоит выполнение запасного варианта задания: парой пройти над шоссейной дорогой вдоль побережья и установить линию соприкосновения наших войск с передовыми частями противника. Покачиванием крыльев даю команду ведомому следовать за мной и энергичным разворотом отваливаю от общего строя.

Снизившись до высоты двести метров, мы летим чуть правее пустынного шоссе. Прямая темно-серая лента ведет нас в район Либавы. Как быстро тут все изменилось! Еще вчера крохотные, будто игрушечные, автомобильчики почти непрерывным потоком мчались туда и обратно, стремительно обгоняя медленно ползущие конные повозки. Всего несколько часов назад эта дорога, как артерия, пульсировала ритмично и полнокровно. А сейчас она словно вымерла: внизу не только автомашин, даже пешеходов не заметно.

Впереди, на лесной опушке, виднеется летний военный лагерь. Выгоревшие до белизны брезентовые палатки стройными рядами раскинулись на пригорке. Полосатый придорожный шлагбаум как одинокий журавль вскинул длинную тонкую шею. Но на дорожках не заметно движения. Только ветер шевелит обрывки бумаги на присыпанной желтым песком парадной линейке.

Лагерь покинут. Бойцы уходили поспешно, даже палатки снять не успели...

Дальше дорога юркнула в лес, запетляла, временами скрываясь под густыми древесными кронами. Свесив голову за борт, Шеремет напряженно следит за извилистой узенькой нитью. Неожиданно скрывшись в кабине, он кричит через дверцу:

- Командир! Слева в просеке - танки! Штук шесть.

- Чьи?

- Звезд на броне не заметил.

- Тогда зайдем еще разик и разглядим их получше!

А под нами уже стелется обширное поле. Выбежавшая из леса

дорога рассекает его на две половины и, постепенно сужаясь, упирается в пышную зелень садов. За ними виднеются крыши деревенских строений. Хотя горизонт чист и ясен, щедро залитое солнечным светом село как бы плавает в пепельном мареве пыли. Откуда взялась эта пыль? Неужели так рано пригнали с выпаса стадо?..

- Может, в селе войска? - кричит Шеремет. - Надо бы уточнить - чьи и сколько.

- А танки?

- Танки рассмотрим потом. Место я помню. Они не движутся. А здесь мы все быстро осмотрим.

Кивнув в знак согласия, плавно отжимаю штурвал и Поворачиваю машину на центральную часть селения. Придорожные столбы замелькали у самого борта "лодки". Контуры деревенских строений как бы ринулись прямо на нас, с каждой секундой разрастаясь в размерах. Уже явственно различимы отдельно стоящие дома и сараи, а между ними машины, фургоны, повозки. Обернувшись, Шеремет поднимает над палубой переносную электрокнопку бомбосбрасывателя. В ответ я указываю ему на глаза. Нужно смотреть и смотреть. На таком удалении от границы могут быть только наши наземные части. И обнаружить противника, не заметив своих, просто немыслимо... Внезапно мысль обрывается. Из садов, от домов, с огородов нам навстречу несутся белые, красные и зеленые шарики.

По самолетам стреляют с земли! Неужели фашисты?..

Разноцветные трассы снарядов и пуль проносятся над кабиной, оплетают машину искрящейся паутиной, пронзают насквозь обшивку. От сильных ударов самолет резко вздрагивает, а на серебристой поверхности крыльев вздуваются темные рваные дыры.

Неужто конец?..

Коротким толчком штурвала инстинктивно бросаю машину вниз, почти прижимаю ее к земле. Теперь снаряды пролетают чуть выше. Качнув самолет с крыла на крыло, успеваю оглянуться назад и направо. МБР Кудряшова подтянулся в строй фронта и скольжением увеличивает интервал. Молодец Иван! Маневрирует правильно. Теперь по нас поведут раздельный огонь и вероятность попадания должна уменьшиться.

Прильнув головой к бортовому прицелу, Шеремет дает команды для доворотов. Ветви деревьев и крыши домов мелькают буквально под днищем машины. Подняв автоматы, солдаты стреляют по самолетам почти в упор. Но мы продолжаем лететь, и машина пока управляется...

Наконец Шеремет нажимает на кнопку, и бомбы одна за другой устремляются вниз, в скопление вражеской техники. Их взрывы толчками подбрасывают самолет. А штурман уже схватился за пулемет и длиннющими очередями полосует сады и деревенские улицы, запруженные машинами и солдатскими толпами. Слышу, как сзади, в кабине стрелка, рассыпает частую дробь пулемет Ускребкова. Самолет Кудряшова маневрирует справа. Стреляя из пулеметов, он проносится вихрем над самыми крышами.

Тупые удары сотрясают машину. Кажется, я чувствую ее, как собственное, застывшее от напряжения тело. Секунды тянутся медленно, словно нарочно хотят увеличить время обстрела. А ведь каждая может для нас оказаться последней. Только бы не в мотор!.. Только бы не попали в мотор, и мы выскочим из этого ада...

На посадку заходим по одному. Истерзанный самолет Кудряшова еле держится в воздухе. Я пропускаю его вперед. Приводнившись, он быстро рулит в направлении берега, а в небо взлетает серия красных ракет. Теперь наша очередь. С тревожным чувством плавно сбавляю газ и притираю днище машины к водной поверхности.

- В "лодке" вода! - кричит Шеремет, заряжая ракетницу.

Сразу же прибавляю обороты мотору, и мы стремительно приближаемся к отмели. Теперь на учете доли секунды. Только скорость может спасти нас от затопления. У берега к самолету торопятся водолазы и мгновенно закрепляют на "лодке" выкатные шасси. Откинувшись на спинку сиденья, расслабляю одеревеневшие мускулы. Только сейчас замечаю, что лицо у Николая побледнело, осунулось, но глаза смотрят весело, возбужденно.

- С первым боем тебя, командир!

- И тебя, Николай, с нашей первой удачей!

...Слушает нас командир эскадрильи внимательно, придирчиво уточняя самые незначительные детали полета.

- Значит, Либава отрезана?

- Видимо, так.

- Ну что ж, теперь кое-что проясняется, - хмурит густые брови майор Баканов. - Конечно, в штабе Либавской военно-морской базы не могли и предположить, что фашисты так быстро прорвутся через границу и обойдут их по суше. Отсюда и домыслы о высадке морского десанта у Павилосты. Но где же наши войска? Почему вы не встретили их на всем пути от Виндавы? Может, в леса отошли, группируются для контрудара?

- В лесах, по маршруту полета войск нет. Мы бы хоть

признаки их обнаружили. Возможно, отходят в другом направлении...

- Что ж, за разведку спасибо. Задачу свою вы выполнили, однако из пекла вырвались чудом: ошибки серьезные допустили. Вечером их разберем перед летным составом. А пока все свободны.

В курилке нас встретили нетерпеливые взгляды товарищей. Со всех сторон потянулись руки с раскрытыми портсигарами, раскупоренными пачками папирос.

- Ну, братцы! Что с нами было!.. - загадочно проговорил Виктор Чванов, неторопливо усаживаясь на "председательское" место около бочки с окурками. Однако даю интервью всем желающим. Географические названия, а также особо сильные выражения в открытой печати не помещать. Слабонервным рекомендую немедленно удалиться из зала...

- Теперь понес, - подмигнул мне Иван Кудряшов, безнадежно махнув рукой в сторону своего говорливого штурмана. - Способности колоссальные! Может травить как по поводу, так и без оного. Предлагаю к машинам пройтись. Я на своей даже дырки как следует осмотреть не успел. А надо еще попросить, чтобы их сегодня заделали.

На берегу около тщательно замаскированных самолетов собрался весь технический состав эскадрильи. Тут же разложены листы фанеры, рулоны перкаля, стоят бидоны с серебрином и эмалитом.

- Придется вам денька три на земле посидеть, - встретил нас нерадостным сообщением инженер эскадрильи Иван Григорьевич Денисов. - На каждой машине больше сотни пробоин. Есть и такие, что вон те бидоны свободно пролезут.

Детальный осмотр подтвердил справедливость его прогноза. Удрученные, мы присели в сторонке на замшелый пень. Потянувший от озера ветер освежал разгоряченную голову и вместе с шелестом листьев доносил из курилки голос Виктора Чванова, иногда прерываемый взрывами смеха.

- Взгляните на карту и отыщите деревню, в которой мы долбанули фашистов, - говорил он. - По-латышски ее именуют Гробиня. Название, можно сказать, символическое. В переводе на русский оно означает гроб фашистам. Значит, сегодня нашими бомбами мы вогнали свой первый гвоздь в крышку этого гроба. Сообщение окончено. Имеются ли вопросы, товарищи?..

- Вот это хватил! - рассмеялся Иван. - Одним махом немецкий фашизм крышкой гроба накрыть умудрился. Только думаю я, - снова нахмурился Кудряшов, - не так-то просто удастся нам загнать их в могилу. А в общем, пошли к ребятам. Там веселее...

* * *

Утренний туман укутывает землю плотным покрывалом. Липкая морось лезет в глаза и холодит кожу. На бетонной площадке прибрежного спуска еле видны два самолета. Машины майора Баканова и лейтенанта Петрова уже подготовлены к вылету. Командир эскадрильи Василий Михайлович Баканов нервно прохаживается по берегу. Среднего роста, немного тучный, он для своей комплекции удивительно подвижен и энергичен. Прямой в обращении, иногда даже резкий, майор всегда внимателен к людям. В эскадрилье все его любят и за глаза зовут батей. Обладая импульсным характером и быстрой реакцией, командир эскадрильи принимает свои решения почти мгновенно, излагает их четко, немногословно и не терпит медлительности в выполнении. Сейчас он явно не в духе. Видимо, задержка с вылетом нарушает намеченные планы.

Анатолий Петров стоит с экипажем около самолета. Толю я знаю давно. В училище мы летали в одной летной группе. Кареглазый, с открытым загорелым лицом, он относится к людям, вызывающим симпатию с первого взгляда. Однако характер у Анатолия трудный. Оспа еще в раннем детстве запятнала его лицо. Считая себя некрасивым, он всегда стремится к уединению и с трудом выбирает друзей. Но летает Толя классически. Поэтому комэск и назначил его ведомым.

Еще издали замечаю, что Анатолий немного волнуется. Оно и понятно. Быть ведомым у командира в первом вылете на боевую разведку - значит пользоваться его полным доверием. Такая ответственность выпадает не каждому. Да и погода никак не наладится. Морось становится гуще, прохладнее. Уже один вид нахохленных воробьев, усевшихся в ряд, не сулит ничего хорошего.

Волнение Толи передается и мне. Оно дополняется чувством жгучей досады. Вчера при разборе полета командир отругал меня правильно. Нас послали в бой первыми, оказали такое доверие, а я, как мальчишка, не продумав задачу как следует, понесся вперед сломя голову. Отсюда и куча ошибок. Непонятно зачем снижался до высоты двухсот метров. Видимость под самолетом, конечно, улучшилась, зато площадь обзора сократилась в несколько раз и условия поиска резко ухудшились. А мы как раз поиском и занимались. Как сказал на разборе комэск: "Потерял возможность увидеть врага на большом удалении, - значит, дал ему преимущество в более раннем обнаружении твоего самолета". А уж коль нас фашисты заметили первыми, то они подготовить успели все виды оружия. И открыли огонь неожиданно. Уцелели мы просто случайно.

Там же, во время разбора, инженер эскадрильи преподнес мне "на память" здоровенный булыжник. Его обнаружили в самолете рядом с огромной пробоиной в днище. Ведь бомбили мы с высоты двадцать метров, а взрыватели в бомбах были мгновенного действия. Пришлось покраснеть и за эту ошибку. Как самолеты не развалились от собственных взрывов, до сих пор непонятно... Друзья потом утешали: "Не горюй! Молодцы! По фашистам врезали здорово". Им хорошо, а мы сидим без машин, и я в этом главный виновник.

По сникшим макушкам деревьев прошел ветер. Влажные листья тихонечко вздрогнули. Ветер дохнул посильнее, и кроны деревьев зашелестели, ожили. Отрываясь от мокрой травы, стали редеть и клубиться седые гривы тумана, подниматься все выше. В стороне показался кусочек лазурного неба. Капли росы засверкали под солнцем. Выпорхнув из-под крыши сарая, воробьи ринулись ввысь...

Засуетились и люди на площадке бетонного спуска. Техники вынимают из чехлов парашюты, помогают пилотам надеть и расправить непослушные лямки. Оружейники ловко и быстро вворачивают пиропатроны в бомбодержатели, последний раз проверяют контровку взрывателей.

- Экипажам занять места! Самолеты на воду! - командует в мегафон руководитель полетов.

У машин остаются одни водолазы. Они выбивают колодки из-под колес и по наклонной дорожке осторожно спускают машины к воде. Неожиданно сзади слышится чье-то дыхание и тихий прерывистый шепот:

- Наш самолет тоже будет как новенький...

Это ж мой техник - Владимиров. Лицо у старшины нездорового землистого цвета. Под глазами бугрятся мешки.

- Еще не ложился?

- Пока не пришлось, - отвечает он нехотя.

- Так ты вконец измотаешься и ремонт не закончишь.

- Уж теперь-то закончу. Часа через два доложу о готовности и отсыпаться залягу.

- Часа через два!.. Ты не шутишь?

Не разбирая дороги бегу к самолету. Недоверчиво щупаю днище, оглядываю борта и крылья, залезаю в кабину...

- Родной ты мой! За ночь самолет воскресил! Дай я тебя расцелую!

Лицо старшины расцветает в улыбке.

- Это вы лишнее. Я ж не один, - бормочет он смущенно. - Ночью товарищи помогли. И механики - парни что надо. Осталось регулировку мотора проверить - и все...

Уходя от машины, я оглянулся. Владимиров уже забрался на центроплан и склонился к мотору. Лицо его словно преобразилось, стало сосредоточенным, строгим, без тени усталости. Кремень человек, не отойдет от машины, пока не введет ее в строй. А я засидеться боялся...

Радио сообщило, что наши войска оставили Вильно.

Столпившись около командного пункта, все возбужденно обсуждают это известие. Большинство сомневается в его достоверности, считает, что кто-то что-то напутал.

Рядом со мной ожесточенно полемизируют старший лейтенант Леонид Овсянников и капитан Ковель.

- Ведь фашисты уже под Либавой, а мы все сидим! - горячится Овсянников. - Их нужно немедленно бить, не давать закрепляться на захваченных землях.

- Действовать без приказа уставом запрещено, - спокойно парирует Ковель. - Обстановка сейчас крайне сложная, и замысел командования нам неизвестен.

- Пора бы уж нашим разведчикам и вернуться, - взглянув на часы, говорит штурман отряда Федор Рыжов, стремясь разрядить обстановку.

- Что-то батя с Петровым задерживаются.

Томясь в ожидании, я снова вернулся на спуск. Говорить ни с кем не хотелось, хотя в мыслях все время вставали одни и те же вопросы. Почему мы сидим? Почему до сих пор нет приказа? В Литве мы уже оставили Вильно. В Латвии враг был вчера под Либавой. Я это видел своими глазами. Где он сегодня, сейчас? Может, подходит к Виндаве и Риге?

- Ле-тя-ят! - протяжно кричит матрос с ЦПУ, указывая рукой на шпиль католического костела.

Теперь уже все замечают машину. Промелькнув над вершинами сосен, она, словно чайка, парит над водой, распластав серебристые крылья. Но где же вторая? Где Толя? Неужели отстал?..

Разрезая форштевнем ценные струи, самолет рулит прямо к спуску. Рев мотора стихает, и над озером воцаряется тишина. Только воздушный винт, продолжая вращение, со свистом рассекает упругий воздух.

Майор Баканов тяжело ступает по трапу. Плечи его ссутулены. На округлых щеках проступают багровые пятна. Но глаза, как и прежде, смотрят на нас своим цепким немигающим взглядом.

- Нет у нас больше отличного летчика лейтенанта Петрова, товарищи, говорит он сурово. - Никогда не увидим мы храброго штурмана лейтенанта Хоменко и стрелка-радиста сержанта

Луценко. Перехватили нас "мессершмитты". Экипаж лейтенанта Петрова дрался геройски и погиб в неравном бою. Мы никогда не забудем их подвига.

Голос у командира звенит как металл, плечи его распрямились. Только багровые пятна на строгом лице говорят о душевном волнении.

- Друзья! Враг наступает, как саранча расползаясь по нашей земле. Повсюду дороги забиты колоннами танков, машин и пехоты. Борьба будет трудной, жестокой, не на жизнь, а на смерть. Но мы победим и отомстим за погибших товарищей.

"26 июня. Война взбудоражила мысли и обострила чувства. Она изменила смысл нашей жизни. И ее главной целью стала борьба с ненавистным фашизмом.

События возникают стремительно, развиваются бурно, но детали часто забываются. А ведь все, что мы видим, что ощущаем сейчас, больше не повторится. Для памяти систематически буду вести дневник. Не знаю, удастся ли дописать его до последней страницы, но твердо уверен, что он доживет до разгрома врага, до нашей победы.

Сегодня покинули Ригу. Подняли нас ночью и объявили, что танки противника прорвались на подступы к Даугавпилсу. Потом зачитали приказ о перелете к новому месту базирования. Подготовку воздушного эшелона закончили быстро. Мой самолет тяжело загрузили разным имуществом, запасными частями и инструментом...

Всего лишь пятые сутки войны, а мы уже около Таллина. Кто мог подумать, что так развернутся события!"

Помню, в тот раз мы взлетали последними. Самолеты один за другим проносились по озеру и исчезали за лесом. Наконец наступила и наша очередь. На разбеге машина вела себя странно. Перегруженная сверх предела, она совершенно не слушалась рулей. Пробежав всю длину огромного озера, мы так и не смогли подняться. Я выключил перегретый мотор и, выбросив за борт часть груза, решил обождать, пока остынет вода в радиаторе. Последние самолеты, сделав прощальный круг, развернулись курсом на север, и над озером установилась непривычная тишина. Оно будто замерло, стояло как обрамленное лесом огромное зеркало. Отраженные в нем облака казались гигантскими айсбергами.

И вдруг мы услышали гул. Его раскаты породили в душе какое-то смутное беспокойство.

- Для грозы, пожалуй, рановато, - с сомнением покачал головой Шеремет. - Это орудия бьют. Война на пороге Риги.

Наконец мотор охладился, и мы благополучно взлетели.

Сразу же перед нами раскинулась панорама большого живописного города. Лучи восходящего солнца золотили крыши домов и костелов, переливались слепящими бликами в стеклах окон. Пустынные мостовые и тротуары были словно припудрены тонким налетом утренней дымки. Внешне Рига казалась спокойной, будто еще не знала, что враг где-то рядом, будто не догадывалась, что, возможно, через несколько часов фашисты ворвутся на эти широкие улицы, заполнят их лязгом и грохотам танковых гусениц, серой солдатской лавиной расползутся по скверам и паркам.

В Таллине приводнились на озере Харку, имеющем длину чуть более километра. После просторов Киш-озера оно казалось маленьким и неуютным. А главное, осложнился взлет, особенно с предельной бомбовой нагрузкой.

К вечеру установили палатки. Кроватей не привезли, но мы прямо на землю настелили свежее сено и накрыли его брезентовыми чехлами. Постель получилась мягкой и пахучей.

"28 июня. Вчера в паре со старшим лейтенантом Овсянниковым летали на поиск вражеского десанта в Рижский залив. Сначала низкая облачность прижала нас почти к воде, а потом, над Ирбенскии проливом, мы попали в густой туман и потеряли друг друга. Кораблей и десантных судов противника не обнаружили.

Сегодня, сразу же после завтрака, наш экипаж вызвал майор Баканов. Окинув взглядом хмурое небо, он вздохнул и угрюмо сказал:

- Неделю назад при таких вот условиях я бы и близко вас к самолетам не подпустил. Однако война диктует иные решения. Фашистам сейчас очень выгодно перебросить по морю крупные силы и высадить их в глубоком тылу наших войск. Поэтому Рижский залив нельзя оставлять без контроля...

После взлета, на высоте десяти - пятнадцати метров, моя кабина начала цеплять за клочья свинцовых дождевых облаков. Морось растекалась по лобовому стеклу непроглядной пузырчатой пленкой. Управляя машиной, я наблюдал за мелькавшей землей только через открытую боковую форточку. Нервы и мускулы были напряжены до предела: ведь вот-вот самолет зацепится за трубу или вышку или врежется в крышу высокого дома. Наконец пролетели над кромкой берега, и напряжение сразу же спало. Опасность столкновения с препятствием осталась позади. Теперь под нами виднелись лишь одни волны.

Четыре часа мы летали над Рижским заливом, устали смертельно, но ничего не обнаружили. Вскоре после нашей

посадки вернулись из поиска экипажи старших лейтенантов Бусыгина и Шепелева. Им также не довелось повстречаться с противником. Видимо, предположения о десанте оказались опять ошибочными.

В курилке у всех на устах последние известия. Но в них пока ничего утешительного. На фронте наши войска ведут тяжелые, кровопролитные бои и продолжают отход почти на всех направлениях. А недавно пришло сообщение, что гитлеровцы захватили Минск".

В те дни о событиях на фронте ходили самые различные слухи. Даже штабные сводки зачастую противоречили друг другу. Но, несмотря на этот разноречивый поток информации, все твердо сходились в одном мнении: решительный поворот событий должен наступить в самые ближайшие дни. Тогда мы считали, что внезапность удара предоставила фашистам большие военные преимущества именно в приграничном сражении, однако, как только в соприкосновение с противником войдут наши главные силы, обстановка в корне изменится и мы вышвырнем захватчиков с нашей земли. И причины нашего отступления объясняли по-разному. Однажды к нам в эскадрилью прибыл новый очередной докладчик. Во время перекура он пытался нам изложить "сугубо личное" толкование происходящих событий. С его слов выходило, что отход наших войск был заранее запланирован как большой стратегический замысел, что мы не отступаем, а заманиваем врага в глубь своей территории. Высокий темп продвижения, длительность маршей изматывают фашистов. Увеличение протяженности коммуникаций противника от линии фронта до тыловых баз снабжения снижает его боевые возможности, а большие потери подрывают моральную стойкость войск. Мы же, напротив, приближаемся к собственным базам, сводим силы в ударный кулак, уплотняем боевые порядки... Таким образом, быстрый отход наших войск сулит врагу непременную скорую гибель...

Трудно сказать, чем бы лектор закончил свои "откровения". Неожиданно начался ливень, и все разбежались по палаткам, а когда вновь собрались, докладчика уже не было. За ужином комиссар эскадрильи Виктор Михайлович Калашников громогласно высмеял эту "теорию", назвав ее "стратегическим бредом".

- Эту ересь необходимо быстрее забыть, - подвел он итог разговору. Обстановка на фронте тяжелая. Причины отхода войск от границы в глубь территории нам пока не известны. Но мы их скоро узнаем из более надежных источников. А пока для нас главное не растеряться, не удариться в панику и бить врага

непрерывно, умело, нанося ему максимальный урон.

"29 июня. На нашем участке фронта обстановка все более усложняется. В районе Даугавпилса противник форсировал Двину и сосредоточивает силы на правом ее берегу. Ниже по течению гитлеровцы захватили Крустпилс и навели еще одну переправу. Наши войска отходят в сторону Риги.

Сегодня всей эскадрильей нанесли бомбоштурмовой удар по большой колонне фашистов и потрепали ее основательно. У нас потерь нет".

Тогда мы летали тремя отрядами по шесть самолетов в каждом. От взлета и почти до Крустпилса майор Баканов вел группу над лесом на высоте двадцати метров. Поэтому к цели приблизились незаметно и над длинной колонной вражеской мотопехоты появились внезапно. Горкой набрав высоту, с ходу сбросили бомбы. Фашисты налета не ожидали и так растерялись, что не сделали ни единого выстрела. А бомбы легли на редкость удачно. От взрывов горели автомобили, дымились танки, летели в кювет мотоциклы. Солдаты в панике бросились прочь от дороги. Снова снизившись, мы летали над ними на бреющем. Тридцать шесть пулеметов били одновременно. Сверху казалось, что на землю обрушился частый сверкающий ливень...

После посадки сразу же стали готовить машины к повторному вылету. Чтобы ускорить заправку, к самолетам подкатили бочки с бензином и ведрами подавали его к горловинам топливных баков. Летчики, штурманы и стрелки-радисты трудились наравне с техсоставом. Все работали молча и быстро, без суеты. Но вылет не состоялся: машины, отправленные за бомбами, застряли где-то на складах. Командир, комиссар и начальник штаба поочередно звонили по телефону, кого-то просили, с кем-то ругались и спорили, тем не менее первую партию бомб нам доставили уже поздно вечером.

На разборе майор Баканов подчеркнул, что скрытность полета до цели обеспечила нам внезапность удара и явилась основой его успеха. Да, громить фашистов необходимо умело. Под Либавой мы с Кудряшовым тоже отбомбились удачно, но и нас потрепали изрядно. А сегодня на самолетах не обнаружено ни единой царапины, тогда как колонна вражеских войск была разгромлена.

"3 июля. Кажется, что в ушах еще слышится голос товарища Сталина. Негромкий, но выразительный, он прозвучал для советских людей как набат, как призыв к жестокой схватке, к священной Отечественной войне с ненавистным германским фашизмом.

Неторопливо и обстоятельно товарищ Сталин раскрыл перед

нами всю тяжесть сложившейся обстановки, нарисовал зловещую картину вероломного нападения на нашу страну, картину зверств фашистских разбойников и те неисчислимые беды, которые они принесли мирному советскому народу. И каждое его слово западало в душу, отдавалось в ней болью, распаляло жгучую ненависть к врагу и неукротимую ярость".

Столпившись у репродукторов, мы затаили дыхание, стараясь не пропустить ни единого слова.

Прослушав доклад, коммунисты призвали весь личный состав эскадрильи на открытое партийное собрание.

Один за другим выступали летчики, техники, мотористы, механики, коммунисты и беспартийные. Все клялись в верности нашей Советской Родине, делу Коммунистической партии, в готовности драться с врагом до последнего вздоха. В ходе собрания одиннадцать человек подали заявление в партию и были приняты единогласно.

Взволнованный, я завидовал этим счастливцам. Молодцы!.. Они поступили так, как повелевала им совесть. А я?.. Я не мог вступить в ряды коммунистов. Дорога в партию была для меня закрыта: в прошлом году как сына "врага народа" меня исключили из комсомола. Тогда я не смог доказать собранию, что отец арестован ошибочно, что роковая ошибка со временем должна быть исправлена и мое отречение от него равносильно предательству. К несчастью, истекшее время не принесло ожидаемых мной изменений, и тень его мнимой вины лежала на мне, мешала вступить в боевой авангард народа, в братский союз борцов за счастье Советской Отчизны...

"6 июля. На нашем боевом счету уже четырнадцать боевых вылетов. Шеремет ходит гоголем: как-никак через чертову дюжину перемахнули!"

В "роковые" числа и прочую подобную дребедень мы оба, конечно, не верили. Однако, когда полетели в тринадцатый раз, у меня вдруг исчезла уверенность в благополучном исходе полета: почему-то стало казаться, что гул мотора неровный и он работает с перебоями. От нервного напряжения движения стали то скованными, то нерасчетливо резкими. В таком состоянии малейшее усложнение обстановки могло привести к непоправимым последствиям. Но мне повезло и в тринадцатом: полет проходил на редкость успешно. Всем отрядом, почти без помех, отбомбились по заданной цели и вернулись домой невредимыми. К тому моменту такие удачи уже стали редкостью. Прочувствовав силу ударов советских летчиков, гитлеровцы немедленно отрешились от прежней беспечности, и застать их врасплох стало трудно. Правда, после гибели экипажа лейтенанта

Петрова мы не несли потерь в людях, однако зенитчики стали мешать нам изрядно. По низко летящим машинам они били из пулеметов и автоматических пушек ("эрликонов"), сочетая прицельный огонь с заградительными завесами. Поэтому после каждого вылета два-три продырявленных самолета направлялись в ремонт на несколько суток, а машина старшего лейтенанта Овсянникова затонула при приводнении.

"10 июля. Кажется, я совершил еще один промах, только не в воздухе, а на земле. Прилетели мы с задания злые, усталые. Вылез я из машины, прилег на траву, задумался: "И откуда у фашистов силища такая? Полегли уже тысячи, а живые все рвутся вперед, наступают напористо, не считаясь с потерями..." Вот тут как раз наш отрядный комсорг старшина Зимин появился.

- Ты бы хоть парочку строк в стенгазету черкнул, - начал он разговор укоризненным тоном. - В отряде все летчики выступают активно, а тебя до сих пор упросить невозможно.

А у меня в тот момент, как в кино, перед глазами горящие села, потоки беженцев на дорогах, трупы людей по обочинам... Вот тогда вынул я лист бумаги, положил на планшет и начал стихи сочинять. Так и слепил кое-что под горячую руку: сначала о зверствах фашистов и муках наших людей, закончил призывом к летчикам - бить врагов до конца без пощады.

Не позже чем через час стихотворение появилось в отрядной стенной газете под заголовком "К балтийским соколам". А еще через тридцать минут я успел убедиться сполна, что поэтам приходится туго. Каждый встречный стремился поздравить с успехом и тут же похлопать по плечам и спине, да так, что сразу заныли кости. А остряки окрестили балтийским ашугом".

"22 июля. Вот и закончился первый месяц войны. Наполненный до предела событиями, он чем-то напоминает кошмарный сон, в котором наши войска продолжают отход. А враг пока наступает. Он торжествует. Но скоро придет наше время, и мы опрокинем фашистов. Обязательно опрокинем и погоним с нашей земли. И чем дольше длится их пир, тем тяжелее будет расплата.

Около двух недель не прикасался к заветной тетради: не хватало ни сил, ни времени. Но вчера самолет стал для смены мотора, мы отоспались, и можно вернуться к запискам.

В моей жизни произошло исключительное событие. Я вступил в ряды великой, непобедимой армии коммунистов. Меня приняли в партию!.."

Этому столь памятному для меня событию предшествовал один эпизод, причиной которому, как ни странно, явились мои стихи, напечатанные впервые в стенной газете.

Парторг, он же штурман отряда, старший лейтенант Рыжов словно бы ненароком подошел к нам тогда, когда мы с Шереметом распластались под кустиком после очередного вылета на разведку.

- Как слетали? - спросил Федор Гаврилович, присаживаясь рядом на траву.

- Нормально, - равнодушно ответил я, не имея желания делиться подробностями.

- Что ж, очень рад за ваш экипаж. И командир эскадрильи вашей работой доволен. Но об этом потом, а сначала хочу узнать: стихи ты сам написал или где-нибудь вычитал?

Удивленный такой постановкой вопроса, я быстро взглянул на него. Из-под нависших рыжеватых бровей парторга на меня внимательно глядели голубые с прищуром глаза. Но в них, вопреки ожиданию, я не заметил насмешки. Наоборот, они как бы светились теплом и каким-то особо приятным участием.

- Вроде бы сам, - не понимая, куда он клонит, неожиданно резко ответил я. - Наверное, в них вам что-нибудь не понравилось?

- Да ты не ершись, - спокойно остановил он меня и, оглянувшись на задремавшего Николая, понизил голос почти до шепота. - Прочитал я их раз и другой и... задумался. Стишки, скажем прямо, по форме не очень удачные. Однако ребятам понравились. Значит, нашел ты слова настоящие, те, что сердце волнуют и за душу берут. А хорошее слово, сам знаешь, цены не имеет. Да и я тебя в этих словах вроде глубже узнал, будто в душу твою заглянул неожиданно. Потому и спросил, потому и задумался...

Затянувшись, Рыжов отбросил окурок и, тряхнув головой, продолжил:

- Такие слова по заказу не пишут. Значит, от сердца они на бумагу легли, и сердце твое к людям тянется. Тогда непонятно, почему ты повсюду один, почему от людей сторонишься? В воздухе вроде за всех и со всеми. А на земле норовишь обособиться... И воюешь неплохо, командир тебя ценит. Но с кем твои мысли, твоя душа? Вот что меня волнует...

- За мысли и душу мою беспокоиться нечего, - перебил я его, не дослушав. - Они на виду, и не только в стихах, нужно лишь захотеть их увидеть. Да что об этом теперь говорить! Разве не вы комсомольский билет у меня отбирали? Это я запомнил, да и другие наверняка не забыли. Так к кому мне идти, с кем дружить?

- А ты вокруг посмотри! Посмотри хорошенько! - воскликнул Рыжов. Может, друзья где-то рядом стоят? Может, с тыла тебя прикрывают? Коллектив в эскадрилье дружный. А летчики, все

как один, - коммунисты. И в воздухе, и на земле - в едином строю. Дело это, конечно, личное. Но я к тебе как товарищ...

- Но я же уверен: отец не враг. И не могу от него отречься! Кто же решится принять меня в партию? Кто за меня поручится?

Наступило молчание. Федор Гаврилович протянул мне свои папиросы.

- А может, и я, - вдруг сказал он спокойно. - Может, и я поручусь за тебя перед партией...

В тот вечер я написал заявление. Рекомендации дали парторг Рыжов и комиссар эскадрильи Калашников. А через несколько дней на партийном собрании рассмотрели вопрос о моем приеме. Я сидел сам не свой и слушал, как гулко колотится сердце. Думал, что кто-то выступит и обязательно даст мне отвод. Но опасения не подтвердились.

- Я - "за". Человек он проверенный, - сказал командир отряда капитан Гончаренко. - Уверен - не подведет.

- Согласен с Григорием Даниловичем, - поддержал его командир второго отряда старший лейтенант Дмитрий Зорин.

Так же немногословно выступил и воентехник первого ранга Габрахман Гимадеев.

- Думаю, здесь прозвучало общее мнение, - обвел он всех взглядом. Предлагаю голосовать.

После собрания первым крепко пожал мою руку командир эскадрильи майор Баканов.

- Помни, - проговорил он, глядя прямо в глаза, - ты теперь коммунист, то есть правофланговый первой шеренги, на которого все равняются. Неси это звание с честью, как подобает ленинцу!

Так сбылась мечта моей жизни: я стал членом партии коммунистов. Так вернулась вера в друзей, в торжество справедливости, в нерушимое братство товарищей по оружию.

"25 июля. Сегодняшней ночью мы впервые летали строем девятки на бомбометание по военно-морской базе. Поначалу, особенно перед взлетом, меня одолевала некоторая неуверенность в собственных силах: в темное время суток я не летал с прошлого года, да и тогда получил тренировку лишь в составе одиночного экипажа. Но эти волнения оказались напрасными. Боевой вылет получился на редкость удачным. И опять командир эскадрильи показал нам образчик выдержки, смелости и находчивости..."

После взлета и сбора, когда стрелка высотомера перевалила за тысячу метров, небольшая болтанка совсем прекратилась. Навигационные огни ярко горели на всех самолетах. Ориентируясь по ним, я свободно пилотировал машину и уверенно выдерживал заданное место в строю. Первоначальное

напряжение сразу же спало. Однако, когда мы подлетали к финскому берегу, мне снова стало не по себе: ведь скоро наша "иллюминация" будет замечена вражескими наблюдателями, а ведущий почему-то затягивает с ее выключением... Подтянувшись к самолету комэска, я помигал огоньками и снова занял свое место. Мигнув мне в ответ, майор Баканов оставил огни включенными. Значит, он о них не забыл, а делает так преднамеренно?..

Берег все приближался. Наверняка теперь нас увидели не только посты наблюдения, но и вражеские зенитчики. Если они откроют огонь, потери почти неминуемы уже с первого залпа... Я сидел как на углях. Даже кожа перчаток стала мокрой от пота. Ну зачем этот риск? Кому из нас нужен парад над противником?.. Однако девятка летела все дальше и дальше, и никто по нас не стрелял...

Наконец миновали береговую черту и углубились на финскую территорию. Внизу, куда ни посмотришь, простиралась лесная глухомань. Лишь местами, освещенные восходящей луной, тускло поблескивали небольшие озера. Конечно, зениток здесь быть не должно. Фу, кажется, в этот раз пронесло!..

Через пятнадцать минут ведущий меняет курс. Теперь его замысел становится ясным: он выводит нас к объекту противника с тыла, а включенными бортовыми огнями имитирует возвращение вражеских самолетов на свою территорию. Ведь в ночной темноте самолеты по силуэтам не распознаешь...

Когда подлетали к цели, высотомер показывал 1650 метров. Непрерывно маневрируя курсом, командир увеличил скорость полета за счет снижения. Впереди показалась морская база противника. Она словно бы затаилась: на берегу ни вспышки, ни огонька. Но мы и без них находим заданные объекты. Причальные линии порта довольно четко вырисовываются на фоне черной воды. Свет луны серебрит стены зданий, круглые крыши топливных баков.

Высота подходит к тысяче метров. Майор Баканов переводит машину в горизонтальный полет. Бортовые огни неожиданно гаснут, и вся девятка, как по волшебству, растворяется в темноте. Короткие довороты на боевом курсе - и фугасные бомбы, отделившись от крыльев его самолета, падают вниз. Освобождаясь от тяжкого груза, тихонько вздрагивает и моя машина.

Теперь все внимание - на ведущего. Контуры его самолета почти не видны, сверкают лишь синеватые вспышки выхлопов от мотора. Командир маневрирует непрерывно, и светлячки то уходят в сторону, то наползают на мой самолет. Упусти их хоть

на секунду из поля зрения, и столкновения не миновать.

Отблески бомбовых взрывов на мгновение озаряют наши машины, и тотчас лучи прожекторов, как лезвия длинных мечей, вонзаются в темное небо. Через мгновение яркие блики зенитных разрывов, будто искры бенгальских огней, рассыпаются вокруг самолетов. Но мы уже проскочили береговую черту. Через минуту вся эскадрилья выйдет из зоны обстрела. Шеремет, свесив голову за борт, внимательно смотрит назад, затем исчезает в кабине.

- Цель перекрыли! Отбомбились отлично! - кричит он восторженно и добавляет скороговоркой: - Но батя каков! Надо ж такое придумать?! Вот у кого нужно выдержке поучиться!

"26 июля. Получили приказ подготовиться к перебазированию. Говорят, что на ленинградском направлении обстановка крайне тяжелая.

Ленинградское направление... В сводках оно появилось недавно и даже в мыслях не воспринимается серьезно. Кто до войны мог подумать, что германские фашисты прорвутся так далеко в глубь России и смогут угрожать нашей святыне - городу великого Ленина, колыбели Октябрьской революции!.."

"27 июля. Перелетели на озеро Липовское. Вода в нем прозрачная, чистая, берега обрывистые, высокие. Вокруг зеленой стеной вздымается лес. Прямые высокие сосны и ели стоят неподвижно, как великаны, будто хранят вековую, непривычную для нас тишину. Но война приближается и сюда. Фашисты движутся к Луге, Кингисеппу и Нарве, крупными группировками танков непрерывно теснят наши части, вынуждая их отходить на новые рубежи. От Луги и Нарвы до Ленинграда - чуть более ста километров, и на этом, теперь уже небольшом участке земли наши войска должны измотать, обескровить врага, заставить его прекратить наступление.

После посадки почти до полуночи работали на самолетах. Рассредоточили их по всему берегу, сделали для каждой машины отдельную бревенчатую стоянку со спуском, потом замаскировали еловыми ветками так, что не видно ни сверху, ни сбоку".

"2 августа. Летаем почти непрерывно, как днем, так и ночью. Бомбим скопления танков, автоколонны, пехоту на марше, аэродромы за Лугой. Спим урывками по два-три часа, обычно в период перед вечерними сумерками и перед самым рассветом.

Огневое противодействие врага нарастает от вылета к вылету. За пять дней потеряли три самолета, но их экипажи благополучно прошли через линию фронта и вернулись домой. Теперь у нас осталось пятнадцать машин, а пополнение не поступает.

Наконец-то пехота закрепилась на лужском оборонительном

рубеже. Фашисты пытаются раздавить ее танками, уничтожить бомбежками с воздуха, сами несут потери колоссальные, а пробиться не могут. Слава нашей пехоте! Наконец-то она остановила врага!"

"3 августа. Вот когда маскировка нас выручила, всю эскадрилью от разгрома спасла!

Проснулись мы на рассвете от гула штурмовиков Ме-110. Подкрались фашисты удачно, на бреющем, разомкнулись с набором высоты для пикирования и построились в круг. И время выбрали самое подходящее (мы все находились на аэродроме), а штурмовка не получилась. Кружатся враги над нами, видят озеро, лес и палатки, в которых мы ночью спали, а самого главного, за чем прилетели, обнаружить не могут: самолеты-то спрятаны здорово. Покрутились они, повертелись, расстреляли из пушек пустой палаточный городок и ни с чем улетели.

Зато наш ответ оказался удачней. За линией фронта мы сразу же обнаружили колонну вражеских танков и четыре из них сожгли.

Выходит, здорово насолили наши машины фашистам, если они своих "визитеров" специально прислали".

"15 августа. Свободного времени почти нет, до дневника не доходят руки. Кратко, для памяти, запишу, что вчера экипажи Петровичева и Кудряшова сбили в воздушном бою самолет противника..."

Произошло это уже под вечер. Вернувшись с задания, старший лейтенант Петровичев и лейтенант Кудряшов доложили, что во время прикрытия своих транспортов от ударов подводных лодок они сбили фашистский бомбардировщик Ю-88.

- Может, вы что-то напутали? - недоверчиво улыбнулся начальник штаба. Поверить в такое да тем более записать в донесение без подтверждения я не могу.

Сомнения его были понятными. Уж кто-кто, а капитан Ковель действительно разбирался и в "эмбэрухах", и в "юнкерсах", и в их отнюдь не равных боевых возможностях. Однако в данном конкретном случае он явно поторопился с выводами.

Петровичев и Кудряшов патрулировали над транспортами, на которых эвакуировались из Таллина люди и ценные грузы. Неожиданно в стороне появился "юнкерс". Фашистский самолет приближался к беззащитным судам, чтобы разбомбить их с пикирования. Мгновенно оценив обстановку, Петровичев повел свою пару наперерез самолету противника и угрозой лобового тарана заставил его отвернуть с боевого курса. "Юнкерс" несколько раз повторял свой маневр, но "эмбээры" лобовыми атаками все время срывали ему вход в пикирование. Тогда

фашист бросил бомбы с горизонтального полета. Их взрывы султанами вздыбились около бортов, не причинив транспортам никакого вреда. И взбешенный враг решил отомстить за допущенный промах. Обладая значительно большей скоростью, фашистский пилот догнал нашу пару и открыл пулеметный огонь. Завязался ожесточенный, доселе невиданный бой между двумя "эмбээрами" и "юнкерсом". Снизившись к самой воде, наши самолеты глубокими виражами легко уклонялись от огненных трасс, непрерывно обстреливая противника из четырех пулеметов. Оказавшись в невыгодном положении, фашист продолжал атаки. Он явно переоценивал маневренные преимущества своего самолета и был уверен в успехе. И тут мотор у "юнкерса" вспыхнул. Яркое пламя, вырываясь из-под моторного обтекателя, перебросилось на крыло и приблизилось к фюзеляжу. Черный дым полосой расстелился над водной поверхностью. Судорожно раскачиваясь, машина теряла скорость и, накренившись, врезалась в волны.

Тотчас на транспортах взвились флаги расцвечивания. Сотни людей, находившихся на их палубах и наблюдавших за этой схваткой, приветствовали наших пилотов. Вскоре из штаба флота запросили фамилии летчиков, сбивших фашистский Ю-88 прямо над транспортами. И Ковелю пришлось не только писать дополнительно донесение, но и извиниться перед ребятами.

"20 августа. Сегодня срочно перелетели на новое месте базирования. Наш гидроаэродром на Липовском озере уже захвачен фашистами".

Сигнал тревоги был подан перед рассветом. Я проснулся от голоса Ускребкова, который яростно тормошил меня за плечи, повторяя всего два слова:

- Командир, танки! Командир, танки!..

- Какие танки? - недоуменно переспросил я, стараясь стряхнуть с себя сонную одурь. Накануне мы были просто измотаны почти непрерывными вылетами.

- Фашистские танки к аэродрому прорвались! - крикнул он.

И тут я услышал шум близкого боя. От взрывов стены землянки дрожали, а через щели в накате сыпался песок...

Пока грузили имущество, я узнал, что противник уже захватил Кингисепп и Сиверскую и рвется к Ленинграду через Красногвардейск. А нам приказано срочно перелететь в Новую Ладогу.

Посадку произвели на реке Волхов и до обеда вгрызались ломами и кирками в обрывистый берег, строили площадки и индивидуальные спуски для самолетов. Потом за деревней Юшки, в склоне оврага, вырыли небольшой котлован, обшили его

неструганым горбылем и оборудовали топчанами. Землянка для экипажа получилась довольно ветхая, но крышу над головой мы все же слепили.

"22 августа. Фашисты рвутся вперед, к Ленинграду, не считаясь ни с какими потерями. Сотни танков и самолетов одновременно утюжат небо и землю. Тысячи бомб, снарядов и мин с воем и грохотом рвут и кромсают нашу оборону. Но пехота, балтийские моряки и народное ополчение дерутся геройски. Поэтому Ленинград стоит как твердыня, как несокрушимый бастион революции.

Ночью летали на бомбежку вражеских автоколонн, растянувшихся по дорогам севернее Любани. Первый вылет я сделал в паре с заместителем командира эскадрильи капитаном Климовым. Войска противника здесь не маскируются, наверно, еще не пуганые..."

Длинную колонну автомашин мы обнаружили издалека: включенные фары светили словно прожекторы. Гула наших моторов фашисты, конечно, не слышали, поэтому мы спокойно прицелились и с высоты шестьсот метров сбросили двенадцать осколочно-фугасных стокилограммовых бомб. На дороге взметнулись серии взрывов и вспыхнуло пламя пожаров, и тут же фашисты открыли беспорядочный зенитный огонь. Но мы уже снизились и ударили по ним из пулеметов. Пылающие машины никто яе тушил. Они разгорались ярче и ярче. Затем стали рваться боеприпасы...

При отходе увидели, что колонна накрыта новой серией взрывов. Значит, по ней отбомбилась пара старшего лейтенанта Бусыгина, вылетавшая следом за нами.

- Порядок! - удовлетворенно проговорил Шеремет. - Эти фрицы с боеприпасами до Ленинграда уже не дотопают. На огонек сейчас подлетят и другие наши соколики...

"1 сентября. Летаем теперь только ночью. Продолжительность темного времени позволяет каждому экипажу сделать не менее двух вылетов. Объекты ударов нам выделяют различные. Бомбим колонны на марше, переправы, аэродромы, артиллерийские позиции. Но вчера произошла какая-то путаница, и мы чуть не улетели в глубокий тыл..."

По команде из вышестоящего штаба мы подготовились к очередному перебазированию. Вылет планировался сразу после обеда, однако с продуктами получилась какая-то неувязка. Устроив разнос начпроду и начальнику штаба, майор Баканов отсрочил вылет. Когда мы снова пришли в столовую, туда вдруг вошел командующий ВВС КБФ генерал Самохин. Он оглядел нас, нахмурился и спросил:

- Что-то вид у вас постный, иль кормят плохо?

- Да вот, - отвечаем, - в тыл улетать собираемся. Поэтому думы тревожат не о еде, а о дальней дороге.

- Значит, в тыл разогнались? - прищурился генерал. - От Ленинграда подальше? А воевать за вас кто останется?

Мы, разумеется, пояснили, что начальству, наверно, виднее, кого где поставить и кому Ленинград защищать. А наше дело нехитрое - выполнять приказ. Потому навострили лыжи за Вологду, на Кубинское озеро.

- А бомб у вас много? - поинтересовался командующий.

- Чего другого, а бомб на складах не перечесть.

- Ну коли так, - добродушно смеется Самохин, - быстрей вынимайте свое барахлишко из самолетов и бомбы подвешивайте. Пока на противника все их не сбросите, никуда отсюда не улетите.

И мы действительно не улетели. Вот что значит "своевременно опоздать".

Над Ладогой

- Зимовать так зимовать! - басит Шеремет, вваливаясь в землянку. Вижу, в одной заброшенной баньке рама оконная пропадает без надобности, и прихватил ее по пути, можно сказать, на нужды войны реквизировал. Заодно Ускребкова в деревню послал. Может, для печки чем-нибудь разживется.

Положив молоток на скамейку, беру "реквизированную" раму. Размерами в половину газетного листа, она застеклена малюсенькими осколками, давно утратившими свою первозданную чистоту и прозрачность.

- Подначивать и критиковать у нас все умеют, - опережая мои замечания, говорит Николай. - Вот оценить по-хозяйски нужную вещь могут лишь люди с богатым жизненным опытом...

С утра мы утепляем нашу землянку. Наспех отрытая, без печки, с дыркой вместо оконца и большими щелями в дверях, она насквозь продувается ветром. А на дворе уже холодно.

Прогрохотав железом о доски ступенек, Ускребков пытается втиснуть в дверной проем здоровенную бочку из-под бензина.

- Печка будет что надо! - обещает он, слегка отдуваясь. - Я и отверстия в ней уже сделал. Одно приспособим для топки, другое пойдет под трубу.

- Боюсь, как бы с этим твоим барабаном мы сами в трубу не вылетели, выражает сомнения штурман.

Работа уже подходила к концу, когда в землянку вбежал посыльный и обратился ко мне:

- Товарищ лейтенант! Вас начальник штаба на КП вызывает.

- С экипажем?

- Так точно.

Порывистый ветер раскачивает деревья, срывает с ветвей холодные капли. На галоши унтов комьями липнет загустевшая грязь.

- И зачем мы понадобились? - удивляется вслух Ускребков. - Погода же явно нелетная. И темнота наступает...

- Сейчас нет нелетной погоды, сержант, - отвечает ему Шеремет назидательным тоном. - В этом вы через пять минут убедитесь.

* * *

Увидев нас, капитан Ковель кивком головы указывает на табуретки, стоящие около стола.

- Садитесь и приготовьте полетные карты. Сейчас командир поставит задачу.

В просторной, обшитой тесом землянке командного пункта пахнет смолой от подсыхающей древесины. Расстелив на столе полетную карту, Шеремет аккуратно раскладывает карандаши. Смекалистый, дьявол, угадал, что придется лететь. Но куда? На дворе уже сумерки, слабая морось и низкая облачность...

Из комнаты оперативного дежурного появляется командир эскадрильи.

- Как отдохнули? Лететь сейчас сможете? - спрашивает он, присаживаясь к столу.

Взяв карандаш, майор Баканов аккуратно вычерчивает на карте малюсенький кружочек.

- Здесь, на опушке леса, находится артиллерийская батарея противника. Интервал между ее залпами - пять минут. Необходимо скрытно пройти в район цели и внезапным ударом вывести батарею из строя. Маршрут полета выбрать не по кратчайшему расстоянию до цели, а с уклонением к востоку километров на тридцать, после чего пролететь вот сюда...

Кончик карандаша, отметив примерную точку прохода над линией фронта, перемещается во вражеский тыл и упирается в маленькое озерко за батареей.

- От озера до батареи пятнадцать километров. Находясь над ним, вы должны дождаться очередного залпа орудий. На таком удалении гул самолета артиллеристам не слышен, а вы вспышки выстрелов увидите обязательно. Взяв курс на вспышку, держите такую скорость, чтобы выйти на батарею не раньше очередного залпа. Уточнив по нему расположение орудий, бомбите их с ходу. Высота минимальная. Взрыватели установить с замедлением. Задание ясно?

Положив карандаш, он встает и зябко поводит плечами.

- Теперь о погоде. Условия, сами видите, сложные.

Весь маршрут необходимо пройти визуально. Если не будет уверенности в благополучном исходе полета до цели, возвращайтесь немедленно. Остальные детали уточните со штурманом эскадрильи. Взлет - по готовности.

* * *

В сгустившихся сумерках кажется, что лохматые облака проплывают прямо над головой, чуть не цепляя за летные шлемы.

- Н-да... Высота-то того, для ночного полета неподходящая, - нервно крутит головой Шеремет и направляется к тралу.

На мое плечо ложится чья-то рука.

- Ну как? Справитесь? Погодка и в самом деле прескверная.

Комиссар... Его сочный грудной баритон не спутаешь ни с чьим голосом. Если пришел проводить нас в полет, значит, тоже волнуется.

- Ну, счастливо! - напутствует он и, помолчав, добавляет: - Не рискуйте напрасно, а постарайтесь по-настоящему, по-партийному. Пехотинцы вас очень просят о помощи: батарея у них в печенках сидит.

...Перегруженная машина медленно набирает скорость. Темные контуры берегов кажутся неподвижными. Постепенно скольжение улучшается. Наконец почти незаметный рывок - и самолет отрывается от воды, становится легким, послушным.

Летим над руслом реки. Стрелка высотомера медленно подползает к пятидесяти метрам. Облаков пока нет, значит, можно развернуть самолет на заданный курс и лететь над сушей.

На высотомере сто десять, сто двадцать метров. Временами машина врезается в нижний край облаков, и тогда земля исчезает из виду. Снижаюсь до ста метров. Впереди по маршруту превышение местности достигает восьмидесяти метров. Запаса высоты почти нет, и по летным законам дальше лететь нельзя. Но то по законам мирного времени, а сейчас... Ведь ждут нас пехотинцы...

Вершины деревьев мелькают почти под крыльями. Впереди темнота. Так и хочется легонечко потянуть штурвал на себя и взмыть в высоту, подальше от темной, теперь страшно опасной земли. Но там облака, сквозь них не пробьешься к цели...

Левее курса нижняя кромка облачности вдруг заискрилась мерцающим бледно-желтым сиянием. Голова Шеремета сразу же скрылась в кабине, и через люк послышался его голос:

- Немецкая "люстра"! Линия фронта минут через десять. Теперь до цели дотопаем обязательно.

Свет ракет постепенно становится ярче. Вспыхивая одна за другой, они высвечивают узенькую щель между землей и облаками. Прав Николай! Теперь мы пройдем к батарее,

"дотопаем" до нее обязательно.

Под самолетом, блеснув желтоватыми бликами, промелькнули тонкие ниточки рельсов. Пролетели железную дорогу Мга - Кириши. Линия фронта теперь уже рядом. Мышцы рук напружинились. Вижу, как, приподнявшись в кабине, Шеремет ухватился за пулемет.

Впереди за деревьями обширное поле. В ярком мерцающем свете ракет оно кажется совершенно безжизненным. Видны лишь узкие змейки траншей да черные пятна воронок, окаймленных комьями вывороченной земли.

Фронт... Короткое слово. Но сколько боли, ужаса, страха, сколько страданий несет оно людям.

Движением штурвала посылаю машину ниже, к самой земле. Здесь, на открытом месте, нам особо опасен пулеметный огонь противника. Длинными очередями штурман стреляет вперед, туда, где могут располагаться огневые точки фашистов. Их нужно сковать и ошеломить внезапным ударом.

Проскочив поле, резко меняю курс и перевожу машину в набор высоты. После яркого света ракет перед глазами образуется непроглядная темень. Лишь через несколько секунд я вновь различаю под самолетом контуры сероватых полян и темные провалы оврагов...

Под нами небольшое, круглое, как пятак, озерко. Погода здесь лучше: облака не давят к земле, и видимость чуть увеличилась. Накренившись, медленно разворачиваю машину, удерживая береговую озерную кромку у левого обреза кабины. Шеремет не отрываясь смотрит в том направлении, где должна находиться вражеская батарея. Минуты кажутся вечностью. В голове роятся неспокойные мысли: "А вдруг фашисты разгадали наш замысел и не откроют огонь, пока мы здесь летаем? Да и заметим ли мы на таком удалении вспышки пушечных выстрелов?.."

Яркое алое зарево на мгновение проступает из тьмы. Довернув на него самолет, засекаю курс по компасу. Николай одобрительно кивает головой и кричит:

- Снижайся до предела! Держи точно скорость! Лучше чуть опоздать, чем прилететь раньше времени.

Напряженно всматриваюсь вперед и стараюсь вести машину почти над макушками деревьев. Душу наполнил охотничий азарт: "Лишь бы пальнули еще разочек... Только не уклониться в сторону и увидеть расположение орудий..."

Внезапно разметав темноту, впереди, чуть правее, снова вспыхивает красноватое пламя. Прижавшись лицом к бортовому визиру, Николай уточняет боковую наводку. Вот он командует:

"Так держать!" - и бомбы срываются с подкрыльных держателей. Они рвутся не сразу, а с небольшим замедлением. Шеремет через люк показывает большой палец...

И снова макушки деревьев мелькают у самого днища машины, а впереди маячат проклятые "люстры". Опять наш путь преграждает линия фронта. Фактор внезапности нами уже исчерпан, и возвращаться будет, наверно, труднее.

...На КП тепло и уютно. В расстегнутом кителе батя выглядит по-домашнему просто.

- Доклад не нужен, - приветливо улыбается он. - О результатах нам уже сообщили. Пехота благодарит авиаторов от всей души. Заполните донесение и быстрее на ужин.

Вернувшись в свою землянку, быстро записываю в тетрадь:

"2 сентября. Подавили артиллерийскую батарею противника. Еле пролезли к ней ночью под низкими облаками. При возвращении над линией фронта обстреляны сильным автоматным и пулеметным огнем. Командиром эскадрильи всему экипажу объявлена благодарность, и мы назначены разведчиками погоды".

"4 сентября. Как же быстро промерзает наша землянка. К утру на постелях образуется иней. Вернувшись, мы первым делом затопили времянку, именуемую для солидности камином. Шеремет с Ускребковым сразу залезли под одеяла, а я примостился у столика..."

В тот раз мы бомбили железнодорожную станцию Шапки. На разведку погоды наш экипаж вылетел еще засветло. Линию фронта прошли в облаках. Постепенно совсем стемнело. В отличие от вчерашнего полет протекал на редкость спокойно. Высота в полторы тысячи метров надежно гарантировала нас от всяких неожиданностей. Вдруг самолет оказался за верхней облачной кромкой, и перед моим взором предстала фантастическая панорама: сверкающая луна возвышалась над небосклоном. Под ней, словно залитые призрачным светом, громоздились вершины кучевых облаков. Искрясь золотистыми переливами хрусталя, они казались медленно плывущими в небе айсбергами...

Секунды - и мы снова в облачной пелене. Опять глаза как прикованные стали следить за бледными дисками фосфорных циферблатов. Но еще долго, как на экране кино, я видел эту неповторимую картину.

Чтобы запутать зенитчиков, над целью прошли в облаках. Потом, по расчету времени, развернулись обратно и уменьшили обороты мотора. Самолет снижался почти бесшумно. С высоты девятьсот метров увидели землю. Полотно железной дороги и

станционные строения просматривались особенно четко. Уточнив расположение железнодорожных составов, Шеремет бросил бомбы. Линия ярких вспышек пересекла станционные пути около выходных стрелок. В тот же момент с деревенской окраины ударили зенитные автоматы. Светящиеся трассы пронеслись недалеко от кабины и погасли в плотной облачной кромке. Следом тремя огненными молниями обозначила себя пушечная зенитная батарея, а с разных сторон в направлении нашего самолета потянулись цветастые ниточки пуль. Не прекращая снижения, мы быстро скрылись от обстрела за лесом.

* * *

Доложив обстановку в районе цели и по маршруту, мы подготовились к повторному вылету. Вскоре по затемненному летному полю один за другим побежали тяжело груженные самолеты. Оторвавшись, они сразу исчезали в ночной темноте.

- А меня с собой не возьмете? - неожиданно обратился ко мне стоявший неподалеку комиссар.

- Отчего это вдруг вам лететь захотелось? - удивленно спросил его Шеремет.

- Хочется посмотреть, как соколики наши воюют, и самому нюхнуть пороху, - ответил ему Калашников. - Да вы не волнуйтесь, к штурвалу я не притронусь, - добавил он торопливо. - А в нужный момент, возможно, и помогу.

Желание комиссара мне было понятно. В прошлом прекрасный летчик, он и в мирное время тяжко переживал отстранение от полетов. Но врачи оказались неумолимыми. Теперь же тем более ему на земле не сиделось...

Мы летели последними, имея задачей фиксацию результатов удара. Уже издали было видно, как стреляют зенитки фашистов по самолетам и рвутся бомбы в районе цели. Виктор Михайлович неподвижно сидел в кресле правого летчика. Чуть наклонившись вперед, он словно забыл обо всем, наблюдая за ходом ночного бомбоудара. Вот осколочно-фугасные сотки старшего лейтенанта Бусыгина будто горящими снопами накрыли позицию "эрликонов". А экипаж лейтенанта Блинова точно ударил по эшелону. Следом к цели уже подходили экипажи Овсянникова, Гончаренко, Ручкина, Зорина, Кудряшова, Колесника, Климова... С интервалами в пять-шесть минут серии мощных взрывов разбивали вагоны, коверкали железнодорожные пути, разрушали станционные постройки. Глядя на это, хотелось кричать:

- Это вам за муки советских людей! Нет вам пощады на нашей земле! Придет время, и мы доберемся до вашего фатерланда!..

"6 сентября. Не летаем вторые сутки. Из облаков непрерывно сыплется дождь. Земля стала влажной и вязкой, лесные дорожки

непроходимыми. Но друзья не забывают нашей тропинки и приходят в любую погоду. Иван Кудряшов, Виктор Чванов, Павел Колесник, Александр Блинов, Виктор Лысенко, Евгений Климанов постоянные гости. В своих землянках они только спят. Когда полеты срываются, все появляются после ужина и уже от порога декламируют хором:

Огонек времянки,
Пару сухарей,
Много ли в землянке
Нужно для друзей!

Часто на огонек забредают и другие пилоты. Любители шахмат устраиваются на узеньких нарах, четверка игроков в домино группируется за дощатым столом, а все остальные составляют "козлиный резерв" для замены проигравшихся неудачников.

Есть у нас и гитара. Но перезвон ее струн слышится только тогда, когда диктор Советского информбюро Левитан хоть немного порадует нас известиями об успешных действиях наших войск. Пока, к сожалению, гитара в руках появляется редко..."

Здесь следует сказать, что, несмотря на неутешительные вести с фронтов, моральное состояние личного состава эскадрильи заметно окрепло. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, целеустремленная партийно-политическая работа. В самых различных формах она непрерывно велась в эскадрилье. Командир, комиссар, парторг, инженер, наиболее опытные коммунисты использовали любую возможность, чтобы быстро сообщить летчикам об изменении обстановки, о любом успехе наших воздушных бойцов, о примерах самоотверженной работы техников и механиков. Особенно большое воздействие на людей оказывали индивидуальные беседы. Проводимые часто накоротке, ненавязчиво и тактично, они отличались высокой принципиальностью и коммунистической убежденностью. Поэтому каждый из нас всегда чувствовал, что им дорожат, ему верят, на него возлагают большие надежды, заботятся о здоровье, об отдыхе. И это укрепляло веру в собственные силы, в силы коллектива, пробуждало в характере смелость, отвагу, решительность, вызывало стремление выполнить долг до конца. Часто после беседы снималось душевное напряжение, пропадала усталость, взгляды светлели. Значит, вновь обреталась уверенность в том, что неудачи вот-вот закончатся, что мы еще повоюем и скоро покажем фашистам где раки зимуют!..

Так исподволь, незаметно представители партии делали свое трудное, но очень важное дело, нацеливали личный состав на

борьбу с ненавистным врагом.

Во-вторых, людей ободрил значительный успех боевых действий по наземным войскам противника. Подготовленные для ведения воздушной разведки над морем, наши летные экипажи почти с первых дней войны непрерывно наносили эффективные бомбоудары по различным объектам фашистов на суше. Большое впечатление произвел на всех эпизод, когда два "эмбээра" вогнали в морскую пучину вражеский "юнкерс". И люди познали самих себя в деле, поверили в боевые возможности своих самолетов, которые так умело использовали для нанесения максимального урона противнику. Они поняли, что при смелых, решительных действиях мы одолеем врага в любой ситуации и победа в конечном итоге будет за нами.

"...Но сегодня в землянке непривычная тишина. Только что мы проводили в летное училище нашего стрелка-радиста Ускребкова, смелого воздушного бойца и верного товарища. Еще до призыва в Военно-Морской Флот Ускребков закончил аэроклуб и стал пилотом-спортсменом, мечтая в дальнейшем пересесть на военный самолет. И мечта наконец сбылась. А вместо него в наш экипаж назначили Диомида Кистяева. Старший сержант сверхсрочной службы все это время числился в экипаже майора Баканова, однако с начала войны не летал ни разу. На боевые задания батя обычно брал с собой за радиста начальника связи эскадрильи Максимова.

В мирное время Кистяев считался прекрасным воздушным стрелком и стрелял по мишеням действительно виртуозно. Ценили его и как спортсмена - чемпиона флота по плаванию, как комсомольского активиста, как отзывчивого товарища. Теперь Дим Димыч, как все его называют, у нас в экипаже. А мы с Николаем грустим - не можем так быстро забыть Ускребкова".

"8 сентября. Фашисты прорвались к Шлиссельбургу!.. Ленинград взят в кольцо! Трудно поверить, но эту страшную новость нам сообщили официально, при уточнении линии фронта.

"Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!"

так сказал Александр Сергеевич Пушкин еще в 1833 году. А сегодня, сейчас? Врагу уже сданы Рига, Киев, Таллин, Смоленск, даже Сталино. Задыхаясь в горящем кольце, истекает кровью Одесса. Теперь кровавые лапы фашизма вцепились в горло России, в город, названный именем Ленина!.. Почему так случилось? Ведь сумели разбить фашистов под Ельней. Там наши войска разгромили отборные силы противника, наступавшие на Москву. А Ленинград?.. Неужели не выстоим?.. Такого случиться

не может. Россия - непобедима!.."

"10 сентября. Утром внезапно в землянку скатился посыльный.

- Товарищ лейтенант! - еле вымолвил он задыхаясь. - На Ладоге фашисты баржи бомбили! Сообщили, что люди там гибнут. Командир приказал вылетать на помощь. Начальник штаба у самолета вас ожидает..."

Капитан Ковель действительно находился у самолета. Показав на карте примерное место тонущих барж, он передал указания командира: действовать в зависимости от обстановки. Риск в разумных пределах.

Взлетели прямо от спуска. Проскочив устье Волхова, развернулись на заданный курс. С небольшой высоты вода в озере казалась нам мрачной, бескрайней, серо-свинцовой равниной. Минут через двадцать обнаружили первую затопленную баржу. Ее деревянные борта погрузились вровень с водной поверхностью, и вспененные волны лениво перекатывались через дощатую палубу. Людей нигде не было. Либо их уже смыло, либо сняло другое судно. На воде вокруг баржи плавали обломки досок и множество серых однообразных предметов, похожих на кирпичи. Шеремет, перегнувшись за борт, внимательно их рассматривал. Сигналом я вызвал его к себе:

- Трупов не видно?

- Не обнаружил.

- А что там за кирпичи?

- Похоже - буханки хлеба. Баржи-то в Питер плыли. Хлеб везли ленинградцам. Здесь искать больше нечего. Нужно смотреть в другом месте.

Через несколько минут увидели еще две разбитые баржи. Вода вокруг них была словно укрыта сплошной серой массой хлебных буханок. На притопленной палубе одного из судов стоял высокий мужчина. Он держался руками за большую чугунную тумбу, на которой болтался длинный обрывок буксирного троса. Увидев наш самолет, мужчина поднял одну руку. Тут же волна отшвырнула его от тумбы и свалила на палубу. Ухватившись за обрывок каната, мужчина поднялся на четвереньки, снова дополз до тумбы и, прижимаясь к ней телом, медленно встал на ноги.

- Раненый! На палубе раненый! - закричал Шеремет, пролезая в мою кабину. - Быстрее садись, а то его смоет.

Я видел, что человек еле держится на ногах, но приводниться около баржи не позволяли обломки досок и месиво из плавающего хлеба. Выбрав чистое место и определив направление ветра, решил садиться вдоль волнового наката.

Днище "лодки" коснулось поверхности озера. Неровный шорох зыби от трения скул реданов постепенно сменился глухими боковыми ударами. Теряя скорость, самолет довернул против ветра и закачался на волнах. До баржи было не менее километра. Прибавив обороты мотору, начал руление. Почти сразу же на пути появились обломки брусьев и досок. При ударе они могли пробить фанерную обшивку самолета. Пришлось сбавить скорость. Ловко орудуя длинным багром, Шеремет отводил от форштевня наиболее крупные куски дерева.

Когда до баржи осталось не более сотни метров, руление пришлось прекратить. Среди плотного слоя хлебных буханок бревна совсем не просматривались. Я выключил зажигание. Кистяев вытащил на крыло резиновую надувную шлюпку и начал ее накачивать. Продвинувшись по инерции еще метров на двадцать, самолет прекратил движение.

- А где раненый? - тревожно выкрикнул Шеремет.

Я оглянулся. На разбитой, залитой водою палубе виднелась лишь черная тумба с обвисшим обрывком троса. Человек куда-то исчез...

- Смыло беднягу, - вздохнул Кистяев.

Не глядя на баржу, мы молча расселись в кабинах...

Пролетав в указанном районе еще минут двадцать, больше ничего не обнаружили и взяли курс на Новую Ладогу. И тут,

далеко в стороне, Шеремет вдруг заметил светлую" точку. Хотя до нее было около четырех километров, она хорошо просматривалась на фоне темной воды. Одновременно вокруг вырисовывались неясные очертания какого-то предмета. Вскоре мы различили надстройки буксирного пароходика. Он затонул на мели. Из воды выступали лишь мостик, труба и мачта. И каждый сантиметр этой "площади" был буквально облеплен людьми. Около тридцати человек умудрились как-то пристроиться, зацепившись за скобы и выступы. На мостике была женщина. Ее беличья шубка оказалась той точкой, которую мы заметили.

- Что будем делать? - спросил Николай, заглядывая в мою кабину. - Если приводнимся и подрулим, они кинутся на самолет и, чего доброго, нас утопят. Бросить тоже нельзя. Часа через два стемнеет, а ночи они не выдержат: волны наверняка разобьют этот ноев ковчег или смоют с него всех. По-моему, среди них есть и раненые.

Выполняя вираж за виражом, я с волнением наблюдал, как несчастные, ждущие смерти люди протягивают к нам руки, машут шарфами и шапками, призывая на помощь.

- А далеко отсюда корабли Ладожской военной флотилии?

- Корабли-то недалеко, - прикинул Шеремет линейкой на карте, - да вряд ли успеют морячки подойти сюда до темноты.

- Давай курс на флотилию. Нельзя терять ни минуты. Сами мы все равно ничего не сделаем.

Пролетев над буксиром, мы покачали крыльями и дали зеленую ракету. Хотелось внушить терпящим бедствие людям, что мы их не бросим, вернемся к ним обязательно, и не одни, а с подмогой. И тут я представил, каким безнадежным, отчаянным взглядом провожают они улетающий самолет и как проклинают нас, не оказавших им помощи в минуту гибели.

* * *

Окрашенные в шаровый цвет корабли, ощетинившись стволами орудий и пулеметов, тихо покачивались на стоянке. От них до затопленного буксира было не более двадцати километров. Заложив глубокий вираж над флагманом, я ожидал, пока Шеремет подготовит вымпел. Матросы, столпившись на палубе, разглядывали нас, задрав головы. Их вид мне напомнил людей, облепивших надстройку буксира, и одинокого человека, перекатывающегося в ледяной пене по скользкой дощатой палубе.

Наконец Николай появился в турели. В его руке трепетал красный флажок, привязанный к металлическому патрону. Выполнив необходимый маневр, мы зашли на корабль против ветра. На высоте десяти метров я старался провести самолет как можно точнее. Маленький красный комочек, перелетев через борт

корабля, ударился о волну совсем рядом. Длинными крюками матросы пытались подцепить тонущий флажок, но не успели. В мою кабину снова пролез Шеремет и огорченно взмахнул рукой:

- Амба, командир! Остался всего один вымпел. А если и он утонет?

Задняя дверь отсека внезапно открылась, и в кабине оказался Кистяев. В руке он держал свой надувной пояс.

- Привяжите вымпел к нему. Наверняка не утонет.

- А ты? Как же ты в крайнем случае?

- Я чемпион, - ответил он улыбаясь. - Коль доведется, как-нибудь выплыву.

Через минуту сигнальщик с флагмана написал семафором: "Вас понял. Выхожу указанным курсом".

И сразу палуба оживилась. Матросы забегали по кораблю. Затрепетали флажки на фалах. Медленно разворачиваясь, корабли двинулись с места.

...Подлетев к затонувшему буксиру, мы опять помахали крыльями и дали зеленую ракету. Как и в первый раз, люди протягивали к нам руки, махали шарфами, шапками. Покружившись, мы снова улетели к кораблям. Флагман уже шел полным ходом. У него за кормой огромным кипящим валом вздымался бурун из водяной пены. Ровный кильватерный след уходил далеко к горизонту. Пройдя над ним, мы скорректировали его курс.

С каждым галсом от кораблей до буксира наш путь становился короче. Теперь люди поняли, что мы кого-то наводим. Они успокоились и все время смотрели в ту сторону, откуда мы к ним прилетали. Наконец корабельный сигнальщик опять написал: "Благодарю за наведение. Буксир наблюдаю".

- Домой, командир? - спросил Шеремет, пролезая на правое сиденье. Теперь моряки наведут порядок. Хорошо, что успели до сумерек. А в их каютах всем места хватит.

Усевшись поудобнее, он долго всматривался в удалявшийся буксир и неожиданно рассмеялся:

- А на буксире и не знают, кому они спасением обязаны, не подозревают, что спаситель среди них находится. Если б не дамочка в беличьей шубке, я бы этот буксирчик ни за что не заметил. И тогда...

Сделав выразительный жест рукой, Николай устало закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

"13 сентября. Вчера и сегодня по нескольку раз вылетали на разведку, но у линии фронта врезались в непроходимую стену дождя и пробиться к цели не смогли. Теперь в эскадрилье шутливо называют наш экипаж "разведчики непогоды".

Мой самолет переработал все нормы, и приказано отправить его в мастерские. Хорошо, если сразу дадут другую машину. Сейчас от безделья можно сойти с ума.

Утром из эскадрильи убыли летчики, штурманы и стрелки, оставшиеся без самолетов. Счастливцы! Они через несколько дней увидят Москву, а потом отправятся на переучивание: будут летать на новых штурмовиках и пикирующих бомбардировщиках. А мы пока повоюем на стареньких "эмбээрах"..."

Помню, тогда к горечи расставания добавились невеселые мысли о том, с какой быстротой убывают силы у нашей 41-й отдельной разведывательной авиаэскадрильи. Еще в июне она была полнокровной авиационной частью, состоящей из трех отрядов по шесть самолетов в каждом. Вместе со звеном управления в ней числилось двадцать боевых машин и двадцать подготовленных экипажей, большинство из которых имели боевой опыт, полученный в войне с белофиннами. Но вот началась кровавая битва с фашизмом, и не стало в ее рядах экипажа лейтенанта Анатолия Петрова. Потом затонули при приводнении издырявленные снарядами и осколками самолеты старшего лейтенанта Овсянникова, лейтенантов Кудряшова и Ручкина, а три машины были подбиты зенитным огнем и покинуты экипажами за линией фронта. Теперь в эскадрилье осталось тринадцать боевых самолетов и шесть экипажей оказались свободными. Их и направили на переучивание, так как в тот острый момент фронту были очень нужны авиационные части, укомплектованные новыми, наиболее современными самолетами и опытным, уже обстрелянным летным составом.

"16 сентября. Отогнал машину в ремонт. Мастерские расположились на окраине Ленинграда в Гребном порту.

Мне удалось почти сутки побыть в самом городе. Недалеко от Балтийского вокзала неожиданно попал под обстрел вражеских тяжелых орудий. По-моему, я даже не испугался, так как был до глубины души потрясен всем тем, что увидел. Когда наблюдаешь, как рушатся стены прекрасных домов, как падают мертвыми женщины, дети и старики, ужас холодит сердце, а волосы становятся дыбом. Это ужасно!

Владимиров уже сдал самолет в мастерские и заканчивал приемку другой, только отремонтированной машины, а я сидел и писал стихи, и в душе закипала такая злоба, что хотелось не просто громить фашистов, а грызть их зубами..."

В ту ночь на новой машине прямо из Гребного порта мы совершили три боевых вылета. В каждом ударе сбрасывали по шесть бомб. Когда они отделялись от подкрыльных держателей, я переводил машину в вираж и смотрел на темную мрачную землю.

Не проходило минуты, как там, далеко внизу, шесть ярких взрывов на мгновение вырывали из тьмы контуры приземистых строений, отрезки железной дороги, стены железнодорожных вагонов, а раскаленные осколки снопами искр прорезали пространство и гасли. И тогда земля казалась еще чернее. Она будто мертвела...

После третьего бомбоудара, уже на рассвете, мы прилетели в Новую Ладогу. А в Ленинграде, в Гребном порту, осталась наша боевая "старушка". Избитая пулями и осколками, залатанная кусочками фанеры и перкаля, она более сотни раз выносила нас из зоны обстрела вражеских зениток. Пятьдесят три боевых вылета и триста восемнадцать сброшенных бомб было на боевом счету у этой машины. Около ста тысяч патронов расстреляли ее пулеметы при штурмовках фашистских колонн на дорогах. Теперь умелые рабочие руки поставят новые крылья, сменят мотор, отремонтируют узлы и детали и снова дадут ей путевку в небо.

Мы же получили другой самолет. Еще до вылета из Гребного порта Владимиров целый день придирчиво осматривал каждый его винтик, каждую гаечку, переживая при этом, что машину нельзя испытать, как положено, в воздухе.

- На вид самолет добротный, - доложил он к концу приемки. - Ремонтники потрудились на совесть. Но основные дефекты мы на земле обнаружить не можем. Нельзя подписывать акт без облета, заранее зная, что дальше придется летать только ночью, да еще с бомбами.

- Ух и настырный механик у вас! - улыбался в ответ инженер мастерских. - "Мессеры" непрерывно шныряют на бреющем. Только взлетите - и они тут как тут. Я и бумагу ему показал, что дневные полеты у нас запретили, и своими словами это втолковываю, а он, словно дятел, долбит и долбит в одну точку...

Потому мы дневной облет заменили ночным и три раза бомбили фашистов в районе Стрельны, так как до нее всего пятнадцать минут полета. И новый самолет не подвел. В управлении он оказался послушным и легким. Только мотор настораживал: временами он как бы подрагивал, и тогда вся машина неприятно гудела. В последнем полете участвовал и Владимиров. Ерзая на правом сиденье, он с тревогой прислушивался к этим звукам, а после посадки в Новой Ладоге проговорил озабоченным голосом:

- Почему вы мне там, в мастерских, ничего не сказали? Она же трясется, словно припадочная. Не нужно было ее принимать. Разве вам жить надоело?

- Сбавь обороты, - урезонивал его Шеремет. - Не могли же мы ждать целый месяц, пока нашу "старушку" отремонтируют...

Претензии Владимирова инженер доложил командиру эскадрильи. Рассердившийся батя разнес меня в пух и прах, приказал проверить регулировку мотора и снова облетать самолет в воздухе.

"18 сентября. Двое суток почти не отходили от самолета. Проверяли и регулировали все системы, от которых может возникнуть вибрация. Но ничего не добились. В воздухе тряска усиливалась. Теперь даже мне стало ясно, что машину приняли зря.

После настойчивых уговоров командир согласился считать самолет исправным. А что еще можно сделать? Дефект, на мой взгляд, не особенно страшен. Другие машины чуть лучше нашей.

Сегодня война опять нанесла нам жестокий удар. Ночью не вернулся с задания экипаж лейтенанта Михаила Ручкина. Штурманом с ним летал старший лейтенант Алексей Жандаров, стрелком-радистом краснофлотец Крылов..."

Ручкин - мой однокашник. Мы летали в училище в одной летной группе и вместе прибыли в эскадрилью. Летчик он был смелый и опытный. В июле при возвращении с боевого задания на его самолете отказал мотор. Посадив машину на воду недалеко от финского берега, Михаил обнаружил, что осколком снаряда перебит бензопровод. До рассвета всем экипажем они пытались найти какой-нибудь выход и срастить изломанные концы. Но приспособить что-либо не удавалось.

Утром их обнаружили финны с ближайшего острова. На берегу появились солдаты со шлюпкой. Михаил обстрелял их из пулемета. Солдаты укрылись за каменными валунами и больше активности не проявляли.

- Раз не стреляют, значит, подмогу вызвали, сволочи, - сказал Михаил экипажу. - Решили взять нас живыми. Когда появятся катера, будем отбиваться из пулеметов. Пистолеты нам пригодятся для стрельбы в упор, если они подойдут вплотную. А пока подготовим самолет к затоплению.

Спустился он в "лодку", чтобы донные люки проверить, и увидел, что резервный масляный бак соединен с основной магистралью гибким резиновым шлангом. Решение созрело мгновенно. Быстро сняв шланг, он вставил в него концы разорванного бензопровода. Как на зло, диаметр резинового шланга оказался несколько большим, чем диаметр дюралевой трубки. Сняв рубашку, Михаил разорвал ее на полосы, подмотал концы трубки и, плотно загнав их в шланг, затянул хомуты.

Когда фашистские катера выскочили из-за острова, Ручкин уже запустил мотор. Финны открыли пулеметный огонь, но машина взлетела и на бреющем скрылась за небольшим

островком.

Однако на этом их приключения еще не закончились. Минут через пять мотор снова остановился. Опять пришлось садиться между островами. Самолет не успел закончить пробег, а штурман Алексей Жандаров уже карабкался по центроплану, где от вибрации вторично рассоединился резиновый шланг. Разорвана на полосы очередная рубашка. И опять быстроходные катера обстреляли их в момент взлета.

Когда мотор отказал в третий раз, Михаил решил действовать по-другому. Соединив бензопровод, он посадил стрелка-радиста краснофлотца Крылова на центроплан, ремнями привязал его к стойкам подмоторной рамы и показал, как нужно предохранить бензопровод от расстыковки. Затем перед носом у катеров он вывел самолет на реданы, убавил обороты мотору и, как глиссер, понесся по водной поверхности. Катера погнались за ним, но быстро отстали и скрылись за горизонтом.

Без достаточного обдува мотор постепенно перегревался. Оторвавшись от противника на значительное расстояние, Ручкин прекратил руление и, пользуясь передышкой, надежно состыковал бензопровод со шлангом, привязав его к подмоторной раме. Крылова оставить на центроплане он не решился. Беднягу так трепало воздушным потоком, что он мог не выдержать и свалиться под воздушный винт.

На горизонте опять показались черные точки. За ними вскипали белоснежные буруны. Казалось, что стремительные катера пытаются оторваться от нагонявшего их огромного пенного вала. Но вода в моторе уже охладилась, и самолет легко заскользил по зеркальной поверхности залива...

Более пятидесяти километров продолжалась погоня. Наконец катера отстали совсем. Может, поняли, что не догнать им огромную белую птицу? А может быть, испугались встречи с нашими кораблями? Только последние сто пятьдесят километров Ручкин проплыл без помех и к вечеру был у нашего берега.

Здорово он тогда отличился. Можно сказать, сухим со дна моря вынырнул. А в этот раз, хоть и бомбил у самой линии фронта, вернуться не смог...

"23 сентября. За три ночи сделал всего пять вылетов, и с каждым полетом машину трясет все сильнее. Если об этом узнает батя, то еще раз отругает и запретит нам летать. Тогда придется сидеть на земле целый месяц и ждать окончания ремонта "старушки". Посовещались мы в экипаже и решили пока никому ничего не докладывать.

Волхов скоро замерзнет. Ночью к его берегам прикипают полоски льда, а на темной воде образуется "сало". Мы перекатили

машины на сухопутную взлетно-посадочную площадку и поставили на колесные шасси. Получилось, что раз летаем все время над сушей, то и машины стали совсем сухопутные".

"25 сентября. На Ленинградском и Волховском фронтах фашисты, кажется, выдохлись. Они прекратили атаки, роют окопы и рвы, укрепляют позиции для обороны. А наша пехота теперь непрерывно контратакует врага у Синявино и метр за метром упорно прогрызает блокаду.

Положение в Ленинграде ужасное. Бомбежками и обстрелами из дальнобойных орудий фашисты варварски разрушают жилые кварталы. От осколков и под развалинами зданий бессмысленно гибнет мирное население. Разведав место расположения продовольственных запасов, гитлеровцы разбомбили и сожгли Бадаевские склады. А ведь в городе вместе с многомиллионным населением окружены и отрезаны от страны сотни тысяч солдат и матросов. Вот почему не жалеют себя бойцы, рвутся вперед сквозь болота и топи Синявина. Рвутся в окопы врага - в штыковую атаку. Нужно спасти ленинградцев от гибели, защитить от голодной смерти..."

Помню, тогда и у нас, за чертой блокады, тоже урезали норму продуктов. Даже у летчиков от пайка не осталось и половины. Хлеба стали давать по четыреста граммов только за завтраком и сразу всю норму. Выпекался он из какой-то особой, очень черной, суррогатной муки. Получишь продолговатый, тяжелый, будто налитый свинцом, кирпичик, а резать его нельзя - превращается в крошку. Поэтому и съедали хлеб сразу, в один присест. Кроме того, в суточный рацион входили: два кусочка сахара (один мы сразу отдавали в пользу ленинградских детишек), три малюсеньких порции горохового пюре (на завтрак, обед и ужин), одна тарелка жиденького горохового супа (на обед) и неограниченное количество кипятка с заваркой из морковного чая. Летчики исхудали, по держались бодро. Техникам приходилось труднее. Ночью они боевые полеты обеспечивали, днем неисправности устраняли и обслуживали самолеты согласно регламентам, то есть трудились на аэродроме почти круглые сутки. А хлебная норма у них была вдвое меньше. Тогда Владимиров так исхудал, что мы диву давались: в чем у него душа только держится? Казалось, что из кожи скелет выпирает и без рентгена можно проверить все косточки.

"27 сентября. Ночью случилось такое, что и сейчас не могу успокоиться. Из-за ошибки ведущего штурмана мы чуть не сели на аэродроме противника. Подробности этого страшного случая запишу немного позднее, когда перестанут дрожать руки и я приду в себя окончательно..."

В ту ночь мы летали парами. Я был ведомым у капитана Климова. Погода стояла отличная: над головой звездное небо, и видимость изумительная. Но именно тот полет для меня оказался сложнее, чем все предыдущие. В строю нужно левую руку не отрывая держать на секторе газа, а управлять штурвалом только правой рукой. Вот тут неожиданно и сказалась вибрация самолета. Удержать штурвал одной правой рукой я не мог. Баранка буквально вырывалась из пальцев, и приходилось все время хвататься левой то за штурвал, то за сектор газа. Ведь если хоть чуть отпустишь ведущего, он сразу скроется в темноте...

Наш маршрут пролегал над лесистой местностью. Ориентиров под нами не было. Но штурман отряда старший лейтенант Савченко провел нас до цели словно по струночке. Отбомбившись по переправе, мы легли на обратный курс.

Домой лететь было проще. Уже не волновали вопросы поиска цели, а также где, когда и чем именно встретит тебя противник. Да и результаты удара виднелись издалека. В ночной темноте два пожара освещали багровыми отблесками изуродованные автомашины врага. Вот тут-то мы что-то и упустили. Наверное, расслабившись, Савченко плохо следил за курсом и вместо Волхова вывел пару на реку Свирь. Считая себя уже дома, мы полетели вдоль берега к ее устью. А у фашистов в том месте аэродром расположен - точь-в-точь как у нас. На нем и огни для посадки включили: садитесь, мол, милости просим...

Мигнул мне Климов бортовыми огнями и пошел на посадку. А я отстаю от него потихонечку. Гляжу, Шеремет мне на землю показывает и кулаками грозится. Потом метнулся ко мне в кабину да как закричит:

- Куда он садится?! Там гитлеровцы!

От этого крика меня словно током пронзило, а глаза ошибку увидели: наш-то аэродром расположен вдоль левого берега, а этот на правом. Рванул я сектор на полный газ - и вдогонку за Климовым. Сердце в груди будто молот стучит, горло перехватило: успеем догнать или нет?..

Поравнялись мы уже на выравнивании. Выскочил я вперед и красной ракетой прямо в лоб ему выстрелил. Гляжу, из моторных патрубков искры снопами посыпались и языки пламени весь самолет осветили, как бывает на форсаже. А противник прожекторами нас над землей осветил и стал из автоматов расстреливать. Чудом прорвавшись к темневшему лесу, мы бреющим вышли из зоны обстрела...

"30 сентября. Ночи стали такими длинными, что успеваем выполнить по четыре-пять вылетов. Устаем очень сильно, а проклятая вибрация выматывает меня до предела.

Позавчера приезжала летная медкомиссия. Нужно было видеть лица врачей, когда мы предстали пред ними без летных доспехов. Мне кажется, они онемели от удивления. Думали комиссовать пилотов-здоровяков, а встретились с группой скелетов, обтянутых белым пергаментом..."

Помню, после осмотра седенький старикашка невропатолог расстроился чуть не до слез.

- Вы, мои дорогие, прямо на грани физического и нервного истощения, проговорил он дрожащим голосом. - При таком состоянии мы не даем никаких гарантий. О полетах и думать нельзя. Только покой, абсолютный покой и усиленное питание.

- Может, вы заодно и постельный режим нам пропишете? - попытался сострить Виктор Чванов, гипнотизируя старичка выражением полной покорности.

- Возможны и эти рекомендации, - не улавливая насмешки, продолжил доктор, встряхнув седыми кудряшками. - Конечно, не всем, но лично для вас я вынужден требовать не просто постельный, а даже госпитальный режим.

На совещании комиссии ее председатель заявил командиру и комиссару, что согласно приказу он вынужден отстранить от полетов почти всех наших летчиков.

Выслушав его, батя покачал головой и ответил:

- Значит, если летчики утомились, нужно кончать войну и сдаваться? Ведь на этом участке фронта подменить нас пока еще некем. Для себя вы пишите любые выводы, а нам придется искать другой, более приемлемый выход.

Врачи пытались протестовать, но так ни с чем и уехали.

"1 октября. После полетов комиссар задержал нас в столовой и предложил создать эскадрильский дом отдыха. Все поддержали его предложение, но как его можно реализовать - это пока непонятно..."

В ту ночь я впервые сделал шесть вылетов и от усталости еле сидел. Голова немного побаливала, а веки отяжелели и будто слипались. Наверно, поэтому баритон комиссара слышался словно издалека:

- Выводы медкомиссии оказались серьезнее, чем мы думали. У командира и у меня возникла идея создать эскадрильский дом отдыха. Летных экипажей у нас снова больше, чем самолетов. Организовав замену, мы имеем возможность давать кратковременную передышку одному или двум экипажам.

"Раз решили, чего же теперь уговаривать?" - раздраженно подумал я. Словно угадав эту мысль, Калашников посмотрел в мою сторону.

- Могут быть разные мнения, - проговорил он

нахмурившись, - но мы даже домик сумели арендовать. Избушка вполне подходящая. Стоит над обрывом, около речки. А кругом бор сосновый. Если еще и питание дать подходящее, получится именно то, что нам нужно. Вот тут мы и столкнулись с проблемой...

Затянув почему-то паузу, комиссар отхлебнул глоток остывшего чая. Казалось, он забыл и про нас, и про выдвинутую идею. Затем, будто сбросив тяжелую ношу, он шумно вздохнул и продолжил:

- Нужно усилить питание. А как? Резерва продуктов мы не имеем. Придется немного урезать летный паек. Для всех это будет не так ощутимо, зато для двух экипажей мы кое-что выкроим. В удаленных от дорог деревнях крестьяне охотно меняют крупу и горох на муку и мясные продукты. И сельсоветы помочь обещали, Ну как? Подойдет ли мое предложение?

Пригладив ладонью черные волосы, комиссар устало откинулся на спинку стула.

"А ведь, пожалуй, он прав. Другого сейчас ничего не придумаешь", подумал я, вглядываясь в лица товарищей. Они одобрительно улыбались.

* * *

...Глухо урча на крутых подъемах, машина несет нас все дальше и дальше. Извилистая дорога петляет по непроходимой с виду лесной чащобе. Стволы неохватных сосен, чередуясь с огромными разлапистыми елями, стремительно проносятся возле самых бортов. Их ветвистые многопалые сучья гулко хлещут по фанерному домику кузова.

- Красотища-то! Красотища какая! - восхищенно твердит Шеремет. - Отсюда глядеть - не сверху макушки высматривать. Кончится эта война, распрощаюсь я с авиацией и стану лесничим. Буду каждое деревце, каждую веточку пуще глаза оберегать.

- У войны дороженька длинная, - с ухмылкой подковыривает его Дим Димыч Кистяев. - Пройти до ее конца не каждому доведется.

- А я пройду! - говорит Шеремет с задором. - До самого края пройду не сгибаясь. И на последнем километровом столбе последней очередью из пулемета роспись свою поставлю.

Слушая их болтовню, я задумался. Устали мы действительно здорово. Ведь каждую ночь вылетаем первыми, а садимся последними. И машина, будь она проклята, своей трясучкой последние силы выматывает... Когда предложение комиссара одобрили, он посмотрел в мою сторону и улыбнулся.

- Ну что ж, раз решение принято, будем его выполнять без задержки, проговорил он, вставая. - А первый выезд на отдых

поручим разведчикам. Ребята они надежные, проверят все сами и нам сообщат...

И вот мы в пути. Даже не верится. Может, все это во сне?

Но старенький газик несет нас все дальше и дальше, а в кабине, рядом с шофером, сидит комиссар...

В деревушку въезжаем затемно. На лесной опушке, точно грибы под мохнатыми шапками, ютятся темные домики. Света в окошках не видно. На улице ни души.

Только собаки встречают машину дружным заливистым лаем.

Арендованный домик прилепился у берега речки над самым обрывом. Пройдя через сенцы, мы дружно вваливаемся в просторную чистую горницу. Над большим деревенским столом ярко светится керосиновая семилинейная лампа. На бревенчатых стенах подвешены новые книжные полки. В углу, на бамбуковой этажерке, баян и гитара. Через открытую дверь видно спальню. В ней шесть сверкающих никелем новых кроватей. Они застланы белоснежным бельем.

Хозяин дома, худощавый седой старичок Емельян Степанович, и его пятнадцатилетняя внучка Машенька, приветливо поздоровавшись, молча наблюдают за нами. Чувствую, это они потрудились, чтобы нам здесь понравилось, постарались создать тот уют, ту домашнюю теплоту, которых нам так не хватало.

- Как уговор, Емельян Степанович? - спросил комиссар, подходя к хозяину.

- Исполнено в точности, Виктор Михайлович, - степенно ответил старик.

- Тогда быстро сложить барахлишко и - в баню! Косточки хорошенько пропарим, перекусим с дороги - и спать. Эту разведку вам нужно начать не только с чистой душой, но и с чистым телом.

* * *

Проснулся от непривычно яркого света. Пробуравив оконный ледовый панцирь, тоненький солнечный луч упирался прямо в лицо. В доме царила полнейшая тишина. Я уже выспался, но вставать не хотелось. Сознание тешилось мыслью, что можно лежать и лежать без движения на мягком пружинном матрасе, расслабив все мускулы. Сразу припомнились подробности вчерашней бани и непривычно обильного, неторопливого ужина.

...Когда, сбросив белье, мы втиснулись в маленькую рубленую парную, Калашников зачерпнул кипяток и выплеснул его на раскаленные камни. У меня защипало уши. Стало трудно дышать. А Виктор Михайлович уже потрясал березовым веником и покрякивал от удовольствия. Быстро освоившись в непривычных условиях, я тоже взялся за веник и начал орудовать им как

заправский парильщик. Потом мы долго плескались, с наслаждением намыливая тело рогожными мочалками.

На ужин нам приготовили сибирские пельмени, хрустящие соленые огурчики и крепкий горячий чай. Разморенные банным жаром, осоловевшие от сытости, мы еле добрались до коек...

За тонкой дощатой перегородкой послышались чьи-то шаги. Привстав, я увидел пустую кровать комиссара. Значит, он уже встал! Пожалуй, пора и нам подниматься.

- Вы там не умерли? - пророкотал баритон за дверной занавеской. - Так и завтрак проспите. И мне в дорогу пора...

"4 октября. Два дня наслаждаемся нежданно свалившимся отдыхом. Спим сколько хочется. Едим до отвала. Вчера познакомились с деревенскими ребятишками и вместе с ними катались на самодельных коньках. Сегодня на лыжах ходили по лесу..."

В тот год зима наступила ранняя, с первых дней октября закружила метелями. Но во время нашего отдыха погода стояла как по заказу. Помню, в лесу ни шороха, ни дуновения. Сосновые великаны замерли как часовые. На иглах еловых ветвей нежным узорчатым покрывалом искрились пласты пушистого снега. Приминаясь под лыжами, наст тихонько похрустывал. Упиваясь открывшейся красотой, мы шагали все дальше и дальше, и лишь чувство голода заставляло прекращать эти прогулки. А когда являлись в наш дом, на столе уже дымились глиняные миски с наваристыми щами, а посередине вздымались горкой куски нарезанного ломтями ржаного хлеба.

- И откуда вы хлеб такой достаете? - как-то спросил Кистяев, вгрызаясь зубами в пахучую мякоть.

- Начпрод ваш, интендант Лагунович, несколько дней по району мотался. Сельсоветы откликнулись и наскребли из запасов всего понемножку, - пояснил Емельян Степанович.

Сразу вспомнились командир с комиссаром. Начпрод Лагунович лишь исполнитель их замысла. А отдых действительно замечательный...

После ужина к Емельяну Степановичу потянулись односельчане. Заходили по одному, по двое. Поздоровавшись, рассаживались по лавкам. Постепенно разговорились. Мы рассказали о Ленинграде, о положении на фронтах, о героизме красноармейцев и краснофлотцев.

И вдруг нам задали вопрос: "А когда же мы отступать перестанем?" Поначалу я растерялся. Что мы могли сказать этим людям? Пауза затянулась. Но помощь пришла неожиданно.

- Да что говорить-то? - взмахнул руками кряжистый старик с красноватым, через всю щеку, сабельным шрамом. - Октябрь

начинается только, а снегу уже по пояс. И холодина такая, что из глаз слезу вышибает. Выходит, зима будет лютая. А на танках в сугробах не разгуляешься. Завязнут фашисты в российских просторах и силу свою растеряют. Вот тут уж им туго придется.

Говорил он так просто, с такой подкупающей убедительностью, что сразу стало легко и радостно. Конечно, все понимали, что танки сугробами не остановишь, что силу противника можно сломить только силой, но разубеждать старика никому не хотелось. Взяв гитару, я заиграл про Катюшу. Затем мы спели про трактористов, танкистов и даже про летчиков. Гости у нас засиделись и разошлись неохотно, когда перевалило за полночь.

"5 октября. Случилось чудо! Наш Миша Ручкин, можно сказать, с того света вернулся! Мы его дважды похоронили, а он вдруг явился сюда живой и целехонький. Между прочим, сегодня я даже во сне его видел. Будто что-то предчувствовал..."

В ту ночь мне приснилось, что мы - курсанты - находимся в увольнении. Побродив немного по городу, решили покататься на яхте и вернулись в училище. И вот белоснежная "Тендра", склонившись к воде до фальшборта, словно лебедь несется по Южному Бугу. Я лежу на носу и, свесившись за борт, смотрю, как форштевень с шипением врезается в волны. Миша Ручкин за рулевого. Другой курсант, Василий Коняев, усевшись на крыше каюты, что-то наигрывает на баяне. И вдруг, не подав команды, Миша делает поворот. Паруса моментально обвисли, заполоскались, а тяжеленная снасть стремительно двинулась прямо на Васю. Прыгнув на палубу, он с трудом уклоняется от удара и роняет баян. Вбежав на корму, я хватаюсь за руль. А Михаил отодвинулся в сторону и рассмеялся. Разозлившись, я стал кричать на него, а голоса почему-то не слышу. Чувствую, от палящего солнца духота нестерпимая давит... Проснулся в поту. В комнате жарко. Спать уж не хочется. Так и лежал до утра, вспоминая курсантские годы, наши походы под парусами и Михаила...

На лыжной прогулке я рассказал ребятам про сон, и мы говорили про Ручкина. Из леса вышли к обеду. Пересекая дорогу, заметили свежие отпечатки автомобильных шин. Однако около дома машины не было. Сняв лыжи, стали отряхиваться. Дим Димыч вскочил на крыльцо за веником. Толчком открыв дверь, он шагнул за порог и попятился. Следом за ним из сеней выходил Михаил. Бледный, без шапки, он словно явился из наших воспоминаний. Мы замерли от неожиданности. А Миша, перемахнув через ступеньки крыльца, стиснул меня в объятиях. Только тогда я понял, что это живой, настоящий Мишка, что он

не погиб, а вернулся "оттуда" и теперь приехал на отдых.

За обедом Ручкин поведал свою историю:

- Отбомбились мы без каких-либо трудностей и домой возвращались. Глядим, по проселку грузовик здоровенный тихонечко движется. Свет от фар на снегу еле-еле проблескивает. Фашисты совсем пугливые стали, маскировку освоили, одиночками по проселкам шныряют. Мы, конечно, обрадовались. Патроны-то неприятно домой привозить. Я быстро снизился, а Жандаров с Крыловым из пулеметов ударили. На третьем заходе грузовичок загорелся. Только огонь поначалу был слабеньким. Думаю, если сейчас улетим, то потушат, снегом пламя собьют и поедут. Поэтому и решил задержаться. Чуть отлечу и обратно вернусь, и еще одну очередь - прямо в пожар, для страховки. Когда грузовик совсем разгорелся, влезает в мою кабину Крылов и шепотом на ухо: "Кажется, нам труба, командир, масло из-под капотов как из пожарной кишки выливается". Вы же Крылова прекрасно знаете. Он и умрет обязательно с шуткой. Глянул я на приборы, ж холодок по спине: давление масла почти на нуле, антифриз в радиаторе перегрелся. Чувствую, перестарались мы малость. Нужно быстрей к своим добираться. Выходит, и фашисты по нас стреляли, а мы их огня и не видели. Спасло нас лишь то, что фронт был под боком. Через передний край кое-как переехали, а дальше моторчик не выдержал, взял и заклинил. Тут мы, конечно, к земле устремились. Сели на небольшую полянку нормально. Но на пробеге в деревья уперлись, и ноги Жандарову чуть повредило. Потом из резиновой лодки носилки соорудили и понесли Алексея, как говорится, "через рельеф"...

За разговором обед затянулся. Ручкин бодрился, шутил, но закончил рассказ уже лежа в кровати. Хоть вида не подает, а ослаб он заметно. Но здесь поправится быстро. Это мы по себе уже чувствуем. Нам бы теперь на комиссию!..

* * *

Отдых быстро закончился. На наше место прибыли экипажи Колесника и Блинова. Михаил остался за главного и принял команду над новой группой. Проводив их в парную, мы распростились с хозяевами. Простые, милые люди. Доведется ли побывать здесь еще и, отрешившись от забот и волнений, пожить вместе с ними?..

Домой приехали засветло. На КП командир, комиссар и начальник штаба что-то решали, склонившись над картой. Как они изменились! У бати на исхудавшем лице появились морщины. На лице комиссара природная смуглая кожа стала еще темнее. У Ковеля под глазами обрисовались синеватые бугорки. Нашим видом они остались довольны. После недолгих расспросов

об отдыхе батя сделал мне серьезное замечание. Оказывается, он уже знал о сильной вибрации на моем самолете. Ее обнаружил капитан Климов, когда попытался на нем слетать на задание. С того момента машина стоит на приколе. Набравшись смелости, я попросил разрешения полетать на его самолете. Командир, рассердившись, сначала не соглашался, но потом уступил.

Боевые будни

"11 октября. Вести с фронтов ужасные. Фашисты рвутся к Москве. Наши войска оставили Брянск и Орел. Бои идут у Мосальска и Юхнова. Вчера самолет противника сбросил массу листовок. В них враги расписывают свое "генеральное наступление", кричат о скорой победе и предстоящем параде на Красной площади. Нам же рекомендуют быстрее сдаваться в плен и использовать эти листовки как пропуск.

Неужели находятся подлецы, продающие свою совесть и честь, предающие Родину, близких, друзей и товарищей ради спасения собственной шкуры? Конечно, нам тяжело. Но мы должны победить. Может быть, не сегодня, не завтра, но враг обязательно будет сломлен. А Москву мы не отдадим никому, никогда!.."

"14 октября. Сегодня день моего рождения. Позади уже двадцать два года жизни, а пролетели они незаметно, словно бы двадцать два месяца..."

Из семилетки пошел в фабрично-заводское училище. Отец уговаривал в техникум, а мне не хотелось. Зачем штаны понапрасну просиживать, когда твердо решил учиться на летчика. Вот дождусь восемнадцати и поступлю в летную школу. Знания есть. Здоровье хорошее. И ФЗУ подобрал подходящее. Квалификация авиационного моториста всегда пригодится и летчику. Заодно, без отрыва от основной учебы, поступил в планерную школу. Планер, конечно, не самолет, но и на нем без умения не поднимешься в небо.

Год промелькнул незаметно. ФЗУ я закончил 14 октября. Вернувшись с работы, отец поздравил меня с днем рождения, потом прочитал документы.

- Пятнадцать лет от роду в сочетании с профессией моториста - это уже достижение, - пожал он мне руку. - Скоро покинешь Москву, будешь работать вдали от родителей. Жить придется самостоятельно, а трудиться вместе со взрослыми. Ты теперь стал гражданином. Смотри не подведи меня, старика, и помни всю жизнь о матери. Смолоду береги свою честь и уважай достоинство рабочего человека...

В Николаеве, на железнодорожном перроне, я обратился к чернявому чубатому пареньку:

- Скажите, где размещается школа полярной авиации Главного управления Северного морского пути?

Недоуменно пожав плечами, он вдруг спохватился:

- Так вы, может, школу летчиков ищите? Если ее, то садитесь в трамвай. На нем доедете до яхтклуба. Там на Спортивной улице она и размещается.

Уже сидя в трамвае, я почему-то подумал: "И зачем это школу полярных летчиков на Украину загнали? Здесь и зимы-то порядочной наверняка не бывает".

Инженер отряда Петренко поначалу встретил меня неприветливо. С высоты огромного роста он долго разглядывал мою далеко не внушительную фигуру, после чего басовито изрек:

- Ну?..

Стараясь казаться солиднее, я коротко, по-военному, доложил:

- Прибыл в ваше распоряжение на должность авиационного моториста.

- Мотористом? - переспросил он насмешливо. - Ты ж еще хлопчик. А наша работа серьезная, знаний в опыта требует.

- В Москве при крупных заводах я ФЗУ закончил. Знания есть, а опыт приобрету. Документы в отделе кадров.

- Ах, ФЗУ? - деланно удивился Петренко. - Коль ФЗУ, то давай приступай. Посмотрим, чему тебя там научили.

Долго, целых полгода, пришлось мне работать под непрерывным присмотром инженера. Задания на ремонт агрегатов он давал лично сам и придирчиво контролировал их выполнение. Эта придирчивость выводила меня из себя. Казалось, он делает все, чтобы я добровольно ушел из школы. Но однажды я понял, что был не прав. Как-то при мне командир отряда спросил инженера:

- Почему не летает машина Власенко?

- Власенко убыл на сборы, - ответил Петренко. - Замены из техников ему нет.

- Начинается массовый вылет курсантов. Самолеты нужны до зарезу, а мы маринуем машину без техника. Вы инженер и должны понимать обстановку.

- Хочу попросить у вас разрешения закрепить вместо Власенко нового моториста, - поглядев в мою сторону, понизил голос Петренко. - Изучал я его внимательно...

Тут разговор заглушил проезжавший мимо автостартер. А когда шум мотора утих, до меня донеслась последняя фраза:

- Делайте как угодно, но машина должна летать. Так в неполных шестнадцать лет довелось мне стать техником самолета. Ох и трудная это работа! За машиной пришлось

ухаживать больше, чем за собой. Днем и ночью смотрел, чистил, смазывал. И товарищи помогали. Старший техник Зубенин и техник Михайлов постоянно были вблизи, часто подсказывали, что и как нужно сделать.

Вместе с опытом постепенно пришла и уверенность в собственных силах. Обидным было лишь то, что, едва дотягиваясь до лопасти воздушного винта, я с трудом его проворачивал для запуска мотора. Но вскоре и это наладилось. Рослые курсанты, увидев мои потуги, сразу же подбегают и тактично упрашивают:

- Товарищ техник, разрешите для тренировочки запустить.

Однажды в разговоре с начальником школы я попросился зачислить меня курсантом. С сомнением покачивая головой, он долго не соглашался:

- Последний набор уже полгода теорией занимается. Курсанты летали в аэроклубах, программу пилотов закончили. Народ сильный, грамотный. Разве таких догонишь?

- А я на планере летал. Самолет и мотор лучше их знаю.

- Мотор и самолет - хорошо, но не все. Даже на первый случай тебе нужно знать аэродинамику, навигацию.

- Догоню их, товарищ полковник! Обязательно догоню! Честное комсомольское.

- Тебе недавно шестнадцать исполнилось? А мы берем с восемнадцати. Случись что, с кого тогда спрашивать?

- А кто за меня самолет выпускает? Кто за него в ответе?

- Я ж тебе дело советую! - начал сердиться полковник Ванюшин. - Молод еще. Переждать нужно годик и - в новый набор.

- В новый набор вы тем более не зачислите. Положение нам недавно зачитывали: принимать только с девятилетним образованием.

- Кажется, доконал окончательно, - тяжело вздыхает полковник. - Приму, но с непременным условием. Через месяц у первого курса экзамены. Сдашь вместе с ними - будешь летать. Не сдашь - пеняй на себя и больше не обращайся...

И время будто рванулось вперед с новой силой.

...Первый самостоятельный на У-2 - один рубеж позади.

...Первый самостоятельный на Р-5 - на левом рукаве курсантского кителя уже блестят золотистые крылышки летной эмблемы - знак самостоятельного освоения первого боевого самолета. Теперь мне не нужно никого догонять. Можно учиться без напряжения. Но время не ждет.

Оно движется...

...Слепые полеты под колпаком.

...Полеты в ночных условиях.

Будущим полярным летчикам школа старается дать высокую летную выучку. Ведь впереди перспектива сложнейших полетов в тяжелых условиях Арктики, с посадками на неизведанных островах и плавучих льдинах, с зимовками на необжитых площадках...

Двухлетняя программа успешно закончена за год и пять месяцев. Остается последний годичный курс. Помимо теории нужно освоить технику пилотирования гидросамолета и сдать госэкзамены. И вдруг все меняется. На базе школы формируется военное авиационное училище, а мы - курсанты-полярники зачисляемся на его третий курс. Тактика ВВС и морская тактика, теория бомбометания и воздушной стрельбы становятся ведущими дисциплинами. За полгода нужно усвоить все то, что изучают в военных училищах за два с половиной.

Времени не хватает. Учимся днем и ночью. Закончить программу до первого мая и вовремя приступить к полетам - наша первая боевая задача.

Наконец мы выходим на аэродром. Только теперь это не бескрайнее зеленое поле около деревни Сливино, а сверкающая водная гладь Южного Буга. Первые же полеты выявляют высокую летную закалку, полученную нами в школе полярников. Инструктор - младший лейтенант Седов - с каждым днем проникается к нам все большим доверием. Разбирая возникающие ошибки, он говорит серьезно, с упреком:

- Как же вы допустили такую оплошность? Подобное и курсанту уже непростительно.

Самолет МБР-2 - тяжелая и очень строгая машина, но осваиваем ее мы легко и неизменно получаем высокие оценки.

Наконец-то слетал на последний зачет. В конце летной книжки появляется лаконичная запись:

"Техника пилотирования на боевом самолете отработана с общей оценкой "отлично". Допускаю к полетам по программе государственной экзаменационной комиссии.

Командир звена капитан Кудрявцев".

У меня оценка "отлично"! И поставил ее не инструктор, а самый главный и строгий наш "летный бог" - командир звена. Еще и еще перечитываю запись. От радости хочется прыгать, дурачиться, петь. Но внешне нужно казаться серьезным - я уж не мальчик и не просто курсант, а почти законченный летчик.

* * *

В просторной комнате, где обычно проводят разборы полетов, мы словно бы затерялись. Всего четыре десятка курсантов и командир батальона капитан Петросьян. А стульев здесь более двухсот. От волнения ноет под ложечкой. Зачем нас сюда

пригласили прямо с аэродрома? Перед началом полетов вдруг зачитали список. Из нашей группы вызвали только Петрова, Рыбалкина и меня. Сказали, что кто-то будет беседовать. Но о чем?

Команда "Смирно!" заставила всех замереть.

К столу подходит начальник училища полковник Пузанов.

- То, что здесь вы услышите, - говорит он негромко, - не подлежит разглашению. Никому, даже самому верному другу, вы не должны говорить об этом. Понятно?

- Так точно! - отвечает за всех капитан Петросьян.

- Теперь, - продолжает Пузанов, - я доведу вам решение Народного комиссара Военно-Морского Флота и порядок его выполнения.

В интонациях его грудного тихого голоса мы инстинктивно улавливаем бодрые, радостные нотки. Значит, он скажет что-то приятное.

- Во-первых, - говорит полковник чуть громче, - исходя из условий обстановки, нарком ВМФ издал приказ о досрочном выпуске без госэкзаменов лучших курсантов нашего училища. Этим приказом выпускникам присваивается воинское звание "лейтенант" и они назначаются летчиками в строевые части.

Пузанов прервался. Все замерли. В комнате установилась напряженная тишина. Тут же в мозгу промелькнула мысль: "Кто же эти счастливчики? Без экзаменов - и уже лейтенанты..."

- Наверное, вы догадались, что мы собрали сюда только тех, кто числится в этом приказе, - со вздохом сказал полковник. - Жаль, очень жаль расставаться с отличниками. Теперь же послушайте, о чем я скажу во-вторых. После объявления приказа вам выдадут командирское обмундирование, командировочные предписания, удостоверения личности, деньги и билеты на проезд. До прибытия курсантов с аэродрома всем надлежит рассчитаться с училищем и организованно убыть на вокзал. Майору Суркову объявить приказ Народного комиссара!..

* * *

Лязгнув буферами, вагон резко дернулся. Станционные строения словно бы вздрогнули и медленно поплыли мимо грязного от паровозной копоти, наглухо забитого окошка. Свесив голову с третьей полки, смотрю на убегающую ленту железнодорожной платформы и на одиноко стоящую фигурку. Младший лейтенант Николай Седов. Подняв руки над головой, он торопливо машет ладонями и что-то кричит. Но слова разобрать невозможно. Прощай, дорогой наставник и товарищ! Это ты подписал мне путевку в небо, вложил свои силы, энергию, знания, опыт, чтобы научить меня величайшему из искусств - искусству

сильных и смелых духом, искусству орлиного полета. Может, мы никогда и не встретимся, но помнить тебя я буду всю жизнь.

Давно уже скрылся вокзал. Вспарывая густую ночную темень, поезд мчит нас в туманные неведомые дали, в новую жизнь. Раскачиваясь на поворотах, вагон тревожно поскрипывает, и его колеса, мягко ударяясь о стыки рельсов, словно выговаривают услышанное сегодня, такое живое, манящее слово: дос-роч-но, дос-роч-по...

...А время летит и летит. А листки отрывного календаря, ичезая один за другим, осыпаются, как осенние листья.

Леденящая душу зимняя стужа и жаркие бои финской военной кампании сменяются тревожным ожиданием новых событий. Находясь у границ Восточной Пруссии, оплота юнкерства, мы наблюдаем за концентрацией фашистских сил и торопимся стать настоящими воинами. Напряженные дни боевой подготовки сменяют не менее тяжелые ночи. Каждые новые сутки напоминают о приближении военной угрозы, непрерывно подстегивают призывом: нуж-но дос-роч-но, нуж-но дос-роч-но...

И война разразилась. Потоками крови и слез залила нашу землю. Смрадным дымом пожарищ окутала мирное синее небо. И время стало суровым, жестоким. Вместе с листками календаря оно вырывает из наших рядов десятки и сотни защитников Родины. Уже никогда не вернутся к родным мои однокашники: Толя Петров, Николай Дубровин, Толя Язов, Иван Вязоветский. Погибли в огне сражений Дмитрий Столяров, Лев Брейтовский, Сергей Лазарев, Николай Юрин...

А мне сегодня исполнилось двадцать два года. Всего двадцать два, но время мое не исчерпано. А время - это оружие: новые бомбы и пули, удары по танкам, машинам, орудиям, это месть за друзей и борьба до победы.

"15 октября. С каждым днем положение под Москвой ухудшается. Наши войска оставили Калинин. Фашисты захватили Калугу и рвутся к Серпухову. От переднего края до центра Москвы осталось не более ста пятидесяти километров. Конечно, бои идут там жестокие, и мы обязательно остановим врага, но все равно на душе неспокойно.

На нашем фронте пока сравнительно тихо. Фашисты активности не проявляют. Наверно, все силы к Москве направили. Теперь бы их здесь посильнее ударить. Да видно, и у нашего войска силенок не густо. А жаль!..

Хотели поговорить с комиссаром, но у него и своих забот не пересчитать. К нему какой-то инспектор приехал и в нашем присутствии отчитал за дом отдыха. "Вы, - говорит, - товарищ Калашников, не о войне думаете и не туда смотрите. Вместо того

чтобы настраивать летчиков на борьбу в самых трудных условиях, вы нежите их на отдыхе и лишаете возможности пройти через горнило самой суровой войны в условиях блокады". Виктор Михайлович пытался его образумить, потом безнадежно махнул рукой и ушел. Теперь у него неприятности будут..."

"16 октября. Как быстро и неожиданно меняется обстановка. Вчера я писал, что противник активности не проявляет, а сегодня затишье у нас закончилось. Фашисты нанесли внезапный удар по левому флангу 54-й армии. Пехота не устояла и начала отходить.

Комиссар говорит, что это наступление вот-вот захлебнется, что враги нанесли лишь демонстративный удар, а для серьезной наступательной операции сил у них здесь недостаточно".

"19 октября. Под Москвой обстановка все более осложняется. Фашисты захватили Малоярославец, Боровск, Можайск. На карте начальника штаба направления их ударов обозначены синими стрелами. Словно щупальца гигантского спрута, они тянутся к сердцу нашей Отчизны.

Когда мы рассматривали карту, из висевшего на стене репродуктора вдруг донеслись слова незнакомой песни:

...И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!..

Бодрый темп марша словно окрылил, вдохнул уверенность в скорой победе. Дорогая моя столица! Враг почти у ворот. Но народ борется и победит!..

Конечно, это пока лишь надежды. Противник нас атакует и под Москвой, и на Волхове. Похоже, что здесь, у Ладоги, командующий группой армий "Север" генерал-фельдмаршал фон Лееб решил окружить Ленинград еще одним блокадным кольцом. Наши солдаты пока не могут сдержать наступления фашистов. А мы, как назло, сидим в ожидании летной погоды и ничем им не можем помочь..."

"23 октября. Вместо букв рука с трудом выводит каракули. Позавчера, во время аварии, я разбил самолет, сильно поранил штурмана и повредился сам. Чувствую себя отвратительно: головные боли не прекращаются, в ушах непрерывный звон. Что будет дальше, пока не знаю..."

После выхода из столовой нас ослепляет ночная темнота. Морозный ветер обжигает кожу лица, колет глаза невидимыми снежными иголками. Петляя по частым извилина" узкой тропинки, капитан Ковель старательно вышагивает впереди. Его спина то скрывается в темноте, то появляется вновь между стволами деревьев. Около закутанного в тулуп часового он

замедляет шаги и, нащупав ногами ступеньки, как бы проваливается под землю.

На КП Ковель быстро вешает куртку и зябко сутулит угловатые плечи. Оторвавшись от карты, командир и комиссар поворачиваются к нам. Быстрыми и четкими штрихами батя рисует на карте стрелу, острие которой вонзается в линию обороны наших наземных войск.

- На этом участке противник наносит главный удар, - дает пояснения комиссар. - Сюда подтянул он и основную массу своей артиллерии. После полуночи ожидается улучшение погоды. К этому времени необходимо иметь точные данные об интересующих нас объектах.

- Ваша задача по вспышкам выстрелов выявить расположение батарей, дополняет его командир. - Полетите на моем самолете. Бомбить разрешаю только танки, да и то не в ущерб выполнению основного задания.

* * *

Шеремет почти непрерывно подкачивает воздух компрессором, но мотор почему-то не запускается. При каждой попытке винт с шипением проворачивается на несколько оборотов и останавливается. Безнадежно махнув рукой, инженер эскадрильи Денисов спрыгивает со стремянки на землю.

- Застоялся, как конь у худого хозяина, - сердито выговаривает он технику самолета. - Быстро накиньте чехол и проверьте пусковое магнето. Да следите за радиатором! Если остынет, немедленно слейте воду.

- Значит, вылет не состоится?

Обернувшись ко мне, Денисов неопределенно пожимает плечами.

- Может, мою запустим? Она по приказу в резерве.

- Твою? - усмехается инженер. - Шутник же ты, парень. Она как осиновый лист трясется, а ты ночью поднять ее хочешь.

- Попробую запустить. Один разочек слетаю. А вы тем временем эту исправите.

- На самолете мотор прогрет, бомбы подвешены, однако советую - доложи командиру.

- Пока доберемся до телефона, время упустим.

- Смотри, пилот! Тебе сверху виднее...

В этот раз мотор запускается с первой попытки. На малых оборотах тряска не ощущается. При прогреве на средних чувствую мелкую дрожь на штурвале. Так было и в предыдущих полетах.

- Ну, сыпок, как делишки? Может, выключим это чудо да бегом к телефону? Заодно и погреемся, - говорит инженер встревоженным голосом.

- Рад бы, папаша, да нужно лететь...

Стартер включает зеленый фонарик. Начинаю разбег. Тряска машины ощущается незначительно. Слева один за другим проносятся направляющие огни. Самолет бежит все быстрее. Он уже должен набрать необходимую скорость и оторваться. Плавно тяну штурвал, но машина продолжает бежать по земле. Впереди остался один фонарь - ограничитель длины разбега. За ним, на границе аэродрома, начинается лес. Промелькнув, огонек исчезает за левым крылом. Мотор выключать уже поздно. Чуть отпускаю, затем энергично беру штурвал на себя. Самолет отрывается. Тут же мелкая дрожь на штурвале превращается в сильную тряску. Упершись ногами, еле удерживаю педали. Стрелка высотомера чуть движется вверх. Скорее чувствую, чем ощущаю касание веток о днище лодки. Скорость у самолета самая минимальная. Чтобы ее увеличить, на высоте тридцать метров перевожу машину в горизонтальный полет. Из мотора снопами сыплются искры, непривычными вспышками освещают приборную доску. Такого еще не случалось. Необходимо садиться немедленно. Но куда? Прямо по курсу город. Мы уже над его окраиной. Под нами в затемненных домах находятся люди...

На развороте машина не может держать высоту и тихонько снижается. Впереди, чуть левее, виднеется белое поле. К нему подлетим через две-три минуты. Внизу - освещенные яркими искрами вершины огромных деревьев. Они как магнитом притягивают машину. Тряска становится нестерпимой. Стрелки приборов мечутся по циферблатам. Их показания прочитать невозможно. Но белое поле почти уже рядом. Еще десять - пятнадцать секунд и...

Громкий скрежет в моторе на миг сотрясает машину. Его гул обрывается. Внезапно возникшая тишина будто давит на барабанные перепонки. Самолет зависает над темнотой и, кренясь на крыло, стремительно валится вниз, куда-то в бездонную пропасть...

Чувствую, что лежу на постели под одеялом. В горле стоит тошнота. Сильно болит переносица. Сквозь неплотно прикрытые веки вижу Кистяева. Опершись локтем о спинку кровати, он сидит неподвижно около моих ног. Неужели мы живы? Нужно бы расспросить поподробнее. Но губы распухли и почти не шевелятся.

- Что с Николаем?

- Шеремет в хирургической. У него перелом ноги, ключицы и, кажется, ребер, - с готовностью отвечает Дим Димыч.

- А твое самочувствие?

- В основном отделался легким испугом. Самолет зацепил за

деревья левым крылом. При ударе меня из кабины в сугроб выкинуло. Комбинезон порван здорово, а на теле ни единой царапины.

- Здесь-то мы как очутились?

- Неужели не помните? Выбрался я из сугроба и стон услыхал. Кинулся штурман лежит. Его с пулеметной турелью метров на двадцать отбросило. Тогда я вас искать начал. Откопал в снегу, под обломками. Думал, что умерли. Потом, гляжу, вы очнулись, к штурману подошли, из резиновой лодки и весел носилки ему смастерили... Вторично сознание вы потеряли, когда в госпиталь нас привезли. Доктор сказал: "Прямой удар в голову, перелом надбровной дуги и сильное сотрясение мозга..."

Выходит, после аварии я разговаривал, двигался. Даже штурману помогал, нес его на носилках до самой дороги. А в памяти это не сохранилось.

* * *

Голос у капитана Климова дрожит от негодования. Он стремительно вышагивает по землянке, возбужденно размахивая руками.

- Кто разрешил вам покинуть госпиталь? Вы еле стоите. Лоб разбит, глаз завязан. А одежда на что похожа?

Стараясь казаться спокойным, я молча слежу за ним одним глазом. Климов остался за командира эскадрильи.

- Об аварии доложено командующему ВВС. За самовольный вылет на неисправной машине он решил предать вас суду военного трибунала. Это вам ясно?

- Так точно, товарищ капитан. Потому я и прибыл.

- Вы что же, считаете решение неправильным?

- Нет, не считаю. Но...

- "Но" говорить уже поздно. Приказ нарушен, самолет разбит, штурман тяжело ранен. Вы понимаете, как необходимы сейчас для фронта каждый самолет и каждый боевой экипаж?

- Понимаю. Хотелось сделать как лучше...

- Это не оправдание, - перебивает Климов. - И не советую искать отговорок.

* * *

Майор Баканов смотрит на меня не мигая. Чувствую, как по позвоночнику медленно скатываются капельки пота.

- Значит, именем закона к восьми годам лишения свободы? - медленно выговаривает он, переводя взгляд на Ковеля.

- Именно так, - вздохнув, отвечает начальник штаба, - но без поражения в правах, с временной заменой тюремного заключения отбыванием на фронте.

- Что ж, трибунал остается трибуналом, - будто сам для себя

повторяет батя. - Его приговор не обсуждать, а выполнять нужно.

Отвернувшись, он подошел к комиссару.

- К Шеремету сейчас поедем орден ему вручать. Хоть наградой порадуем парня. А твой, - повернулся он снова ко мне, - обратно в штаб ВВС вернуть приказали. Вот взгляни на него и подумай...

* * *

Над искрящимся, плотно утрамбованным полем аэродрома слабый ветер несет снежинки. Около опушки, распластав ребристые крылья, темно-серой громадой высится четырехмоторный ТБ-3. Стоя почти у трапа, мы наблюдаем за погрузкой раненых. Обляпанные белой известью санитарные машины почти непрерывно подъезжают со стороны дороги. Снующие цепочкой солдаты быстро подхватывают носилки и, осторожно ступая по трапу, исчезают за дверью огромного фюзеляжа.

Стараясь не пропустить Николая, мы вглядываемся в каждого раненого. Молодые и старые, бородатые и безбородые, они беспомощно смотрят на нас и, принимая зн членов экипажа, тревожно наблюдают за каждым нашим движением. От их настороженности мне становится не по себе. Наконец пожилой седобородый солдат, по-хозяйски оглядев меня с головы до пяток, попросил закрутить козью ножку.

- Ты, сынок, не из летчиков будешь? - опросил он тревожно.

- Нет, папаша, - ободряюще откликнулся я, - не из летчиков. Мы товарища своего провожаем.

- Вот это подходяще, - выдохнул он успокоение. - А то я совсем испугался лететь-то. Вид у тебя, пожалуй, похуже, чем у меня, ненадежный больно. Нешто в твоем обличье с такой махиной управишься?

После этого разговора, чтобы не пугать отлетающих, я наблюдаю за погрузкой со стороны.

- Тут он! - радостно кричит мне Дим Димыч. - Сейчас мы с Иваном его к штурманам отнесем. С ребятами я договорился.

Отказавшись от услуг санитаров, мы вносим Николая в самолет. К сожалению, неуклюжие носилки в штурманской кабине не умещаются. Пришлось выбирать место в "люксе", напоминающем длинный сарай с гофрированными железными стенками.

- Бросьте вы суетиться, - с вымученной улыбкой говорит Николай и болезненно морщится, косясь на переломанную ногу. - Ставьте вот тут. А то и проститься по-человечески не успеем.

- Срастается? - спрашивает Кистяев, заботливо поправляя сползшее одеяло.

- Врачи говорят - срастается, только короче будет.

- Ты не переживай, - успокаивает его Кудряшов. - Еще и повоюем и потанцуем.

Наклонившись, крепко прижимаюсь губами к растрескавшимся губам Николая.

- Прощай, Коля. Не поминай лихом.

- Неужели не свидимся? - смахивает Николай заблестевшие слезы...

* * *

Повернувшись на скрип открываемой двери, майор Баканов встает и, шагнув навстречу, кладет ладонь на мое плечо.

- Ну, штрафник, как дела? Доктора говорят, на здоровье не жалуешься. Однако видок у тебя...

Покачав головой, он смотрит мне прямо в глаза. Лицо у него простое, открытое. И мягкая, ободряющая улыбка. Но сейчас улыбаются только губы, а голубые глаза глядят испытующе-строго, словно подчеркивают серьезность момента.

Эх, батя!.. Как бы хотелось с глазу на глаз излить тебе свою душу, все-все, что в ней накопилось! И ты бы меня обязательно понял. Ты должен понять! Но, к сожалению, мы не одни. А на людях разве скажешь...

А командир уже больше не улыбается. Его глаза смотрят в упор. Чувствую: он меня понял, без слов ощутил мою боль, разгадал несказанное.

- Насчет приговора давай решим так, - заговорил он. - То, что тебя осудили да вдобавок лишили ордена, не только наказание, но и наука. От такого урока правильный человек возьмет многое, на всю жизнь. А наказание штука не вечная. Исправится человек, искупит вину, и снимут с него это тяжкое бремя.

Его глаза опять стали привычно суровыми. Медленно разжав пальцы, он отпускает мое плечо.

- Военный трибунал согласился с нашим ходатайством и разрешил оставить тебя в эскадрилье. Люди тебя осудили, но доверия не лишили. А это великая честь. Ее нужно уметь ценить. Надеюсь, мы в тебе не ошиблись. Понял?..

"1 ноября. Наконец-то все определилось. Для снятия судимости нужно сделать не менее тридцати успешных боевых вылетов, после чего трибунал еще раз заслушает мое дело.

Вчера на партийном собрании коммунисты прямо и справедливо осудили мое поведение. Выло больно и стыдно слушать их обвинения в том, что я увлекся успехами, переоценил свои силы, в результате разбил боевую машину и вывел из строя прекрасного штурмана. Но тут же я понял, что нет и не будет большего счастья, чем счастье, когда тебя окружают, когда в тебя

верят настоящие боевые товарищи. Меня покарали жестоко, но не бросили одного, не исключили из партии, а дали наказ искупить вину в кровопролитной борьбе с врагами. Прав батя - мне верят. И я оправдаю это доверие. Завтра принимаю машину и начинаю полеты. Самочувствие пока неважнецкое. От раны на лбу сильно болит голова и почти непрерывно звенит в ушах. Но сидеть сейчас некогда.

На нашем участке фронта положение тяжелейшее. Захватив Погостье, Оломну и Городище, фашисты рвутся к Волховстрою и Тихвину. Если они подойдут к Новой Ладоге, положение ленинградцев еще больше ухудшится. Без хлеба, без поддержки по озеру они погибнут от голода. Сейчас здесь, под Волховом и под Тихвином, решается судьба Ленинграда. Наша пехота не отступает. Она буквально исходит кровью и гибнет, Но враг наседает. Он движется дальше и дальше..."

"2 ноября. Прилетел из Ленинграда Владимиров. С командиром отряда старшим лейтенантом Зориным он перегнал из ремонта мою боевую "старушку". Зарулив на стоянку, Зорин попросил выгрузить из самолета ленинградских детишек, которых ему посадили перед вылетом из Гребного порта. Когда я пролез в отсек лодки, то не поверил глазам. Укутанные в одеяла и шерстяные платки, плотно прижавшись друг к другу, ребятишки не двигались. Их исхудавшие личики были похожи на восковые. Только запавшие, тусклые глазенки смотрели на меня печально и недоверчиво...

Вот он - блокадный голод. В течение полутора месяцев по сто двадцать пять граммов хлеба в сутки. И больше ничего. Ни молока, ни сахара, ни круп, ни картофеля. Только кусочек ржаного хлеба, а потом леденящий холод нетопленных помещений...

Помню, взяв на руки ближайшего малыша, я не почувствовал его веса. В ворохе одежды с трудом прощупывалось истощенное тельце. Передав его Кистяеву, я нагнулся за следующим. Так передавая детишек одного за другим по цепочке, мы моментально перегрузили ребят в подъехавшую машину. Провожая взглядом автобус, Дим Димыч схватился за голову и прошептал:

- Ужас! Это же ужас!..

- В Питере и не такое можно увидеть, - угрюмо добавил Владимиров. - По четвертушке - двести пятьдесят граммов ржаного хлеба положено только рабочим. Всем остальным, в том числе и детишкам, выдают по осьмушке - сто двадцать пять граммов. Располневших людей в Ленинграде не встретите. Разве только отечных. От голода все исхудали. На иных смотреть даже боязно. Идут и от ветра шатаются. Улицы замело. Паровое

отопление не действует. Водопровод и канализация заморожены. Обстрелы сменяются бомбежками, бомбежки обстрелами. Одни умирают от голода, другие - от ран и ожогов. Но люди все это выдерживают. В городе никакой паники. Дисциплина железная. Пожарники и добровольцы тушат пожары, разбирают завалы, извлекают из-под обломков убитых и раненых. Рабочие, не считаясь ни с чем, трудятся на заводах и фабриках. Глядел я на них и диву давался, - продолжил он, оживляясь. - По цеху идут еле ноги переставляют. А работать начнут, будто новые силы у них появляются. Бомбы, снаряды рвутся на улице - от станков не отходят. Спят в цехах: по углам, на столах, где придется, силу свою сберегают. Чуть отдохнут - и снова к станку. У нас, говорят, не так, как в тылу. Там делают "все для фронта", а здесь мы сами на фронте. Да вы на нашу "старушку" взгляните. Сделали так залюбуешься!..

Машину я облетал. Сделали ее ленинградцы действительно замечательно. А штурманом в наш экипаж назначили старшего лейтенанта Петра Голенкова. Как только он появился в землянке, мне сразу вспомнился Николай Шеремет.

- Обиды я не имею, - сказал Николай тогда на прощание. - Все и всегда мы делали вместе. И воевали не хуже других. В этот раз подвела нас машина. А если б не подвела?..

В нем потерял я не только прекрасного штурмана, но и самого верного друга, бесстрашного боевого товарища.

"4 ноября. Сегодня ночью тремя успешными боевыми вылетами открыл свой новый боевой счет. В четвертом вылете задание не выполнил из-за сильной головной боли..."

Артиллерийскую батарею в районе деревни Замошье мы засекли до перелета через линию фронта. Далеко впереди в ночной темноте яркие вспышки орудийных выстрелов сверкали как молнии. Набрав высоту над своей территорией и убрав газ, мы бесшумно спланировали прямо на вражескую позицию. Ничего не подозревая, не соблюдая никакой маскировки, фашисты вели интенсивный беглый огонь. Наверное, наши бомбы упали на них как снег на голову. Прицелился Голенков хорошо, и шести стокилограммовых фугасок оказалось достаточно. В течение ночи батарея больше не сделала ни одного выстрела.

Второй и третий вылеты выполнил в паре с капитаном Гончаренко. На участке Посадниково, Андреево было обнаружено интенсивное движение фашистских автоколонн. Действительно, по укатанной снежной дороге машины двигались почти непрерывным потоком. Бомбили их с бреющего полета с индивидуальным прицеливанием. Промахнуться в таких условиях невозможно. Сбросили двадцать четыре осколочно-фугасные

бомбы и расстреляли восемь тысяч патронов. Зафиксирован результат: три пожара, из них два со взрывами.

В четвертый раз мы снова вылетели одиночным экипажем, уже перед самым рассветом. При подлете к линии фронта шум у меня в ушах стал усиливаться и появилась сильная боль в переносице. Так продолжалось с минуту. Затем послышался треск в ушах, и я начал слепнуть: цифры на шкалах приборов утратили четкость своих очертаний, а топкие стрелки расплылись, растворились на фоне бесформенных циферблатов. Он нервного напряжения я сразу покрылся холодным потом и немедленно развернулся на аэродром. Вскоре начался рассвет, и видимость ориентиров улучшилась.

После посадки на КП не пошел. Там, посмотрев на меня, сразу бы обо всем догадались. С аэродрома по телефону доложил капитану Ковелю, что принял решение вернуться из-за недостатка темного времени. Когда добрел до землянки, зрение снова улучшилось, но переносица ныла и голова буквально раскалывалась. Однако уснул моментально, и после отдыха самочувствие вошло в норму.

"7 ноября. 24-я годовщина Великого Октября!

У нас на дворе бушует метель, из землянки носа не высунешь, а в Москве состоялся военный парад, и войска прямо с Красной площади направились в бой на защиту столицы.

В передаче по радио Левитан своим выразительным голосом донес до нас несгибаемую волю тех, кто сегодня у Мавзолея вождя дал священную клятву народу и партии: победить или умереть.

Радиосообщение мы слушали молча. Наверное, каждому вспомнились праздничные ноябрьские дни, заполненные ликованием многолюдных демонстраций, улыбками друзей, шутками, ярким сиянием уличных иллюминаций...

Кажется, все это было только вчера. А сегодня перед нами противник германский фашизм, и его гигантская военная машина еще не сломлена.

На нашем фронте положение все более осложняется. Враг упорно продвигается к Волховстрою. Вчера и позавчера мы бомбили скопления его войск в районе деревень Влоя, Хотово, Вындин-Остров, Зеленец. Экипаж Павла Колесника удачно отбомбился по железнодорожному эшелону с боеприпасами. После ударов Гончаренко, Блинова и Кудряшова возникли большие пожары.

За эти две ночи мой экипаж сделал еще девять вылетов. Несмотря на огромное напряжение, мое самочувствие было нормальным. Шум в ушах иногда усиливался, но голова не

болела".

"9 ноября. Фашисты ворвались в Тихвин и перерезали последнюю железнодорожную магистраль, по которой из Вологды к Ладоге поступали грузы для Ленинграда. Теперь и мы почти в окружении".

"10 ноября. Обстановка на фронте так осложнилась, что ночью, несмотря на метель, мы бомбили фашистов, и командующий 54-й армией объявил нам свою благодарность..."

Мы только закончили ужинать, как вбежавший посыльный передал приказание всем экипажам прибыть на КП.

Ночной бор встретил нас какой-то особенной, сказочной тишиной. Дувший до этого резкий порывистый ветер утих, но снегопад продолжался, и погода пока оставалась нелетной. Поэтому неожиданный вызов был непонятее и породил неприятное чувство тревожного недоумения.

В просторном помещении командного пункта мы сразу заметили незнакомца. Его добротный армейский полушубок и тупоносые серые валенки выглядели на КП необычно и невольно приковывали наше внимание. Тихо переговариваясь с майором Банановым, незнакомец слегка покачивался на широко расставленных ногах, как бы разминаясь после длительного сидения. Чуть в стороне, внимательно вслушиваясь в разговор, стояли комиссар и начальник штаба.

Не дожидаясь команды, мы построились по экипажам, и командир эскадрильи представил нам командующего 54-й армией генерала Федюнинского.

Сняв с головы ушанку, генерал шагнул к строю. Выше среднего роста, смуглолицый, черноволосый, с густыми вразлет бровями, он долго глядел на нас темными строгими глазами, будто пытался проникнуть к нам в душу, прочитать наши мысли, познать наши чувства.

- Скажу вам начистоту, товарищи летчики, положение наше неважное, проговорил он негромко. Враг у Гостинополья, в тринадцати километрах от Волховстроя. Пробиваясь по левому берегу реки Волхов, он наносит главный удар в направлении станции Званка, с последующим его развитием в сторону Новой Ладоги. Фашисты рвутся вперед, так как выход на ладожский берег сулит им быстрый захват Ленинграда и высвобождение огромного количества сил для развертывания на московское направление. От нас зависит судьба Ленинграда, и мы должны совершить невозможное: устоять и отбросить врага от Ладоги. Пехота дерется за каждую пядь земли. Сегодня ей очень нужна поддержка. Солдат должен чувствовать, видеть, что он не один, что рядом плечом к плечу стоят наши летчики. Сейчас погода

нелетная, но наш долг, наша совесть требуют свершения подвига. Того, кто согласен лететь добровольно, я попрошу выйти из строя.

Командующий умолк, и в тот же момент весь строй сделал шаг вперед. Исполненный без команды, но четко, по-строевому, он гулким ударом разрубил возникшую тишину, как бы заполнил тревожную паузу...

* * *

Над аэродромом стоит разноголосый гул прогреваемых моторов. Около самолетов снуют механики, техники, оружейники. Одни торопливо подкатывают бомбы, снаряжают взрыватели, укладывают патронные ленты. Другие осматривают механизмы, проверяют заправку, счищают снег с крыльев. Каждый занят своим делом. Несмотря на непогоду, кипит напряженная фронтовая жизнь.

Тут же, в стартовом домике, командир дает нам последние указания:

- Каждому вылетать по готовности. Бомбить только при полной уверенности, что избранная цель - это противник. Для предотвращения столкновений бортовые навигационные огни выключать кратковременно, при выполнении противозенитного маневра. Для выхода на аэродром использовать свет посадочного прожектора, луч которого будет периодически направляться в зенит.

...И вот мы в воздухе. После пролета последнего светового ориентира перехожу на пилотирование по приборам. Высунувшись из кабины, Голенков наклоняется то вправо, то влево. Чувствую - он ищет землю. Но густая снежная пелена окружает машину со всех сторон. Поняв безнадежность этих попыток, он перестает суетиться и усаживается на сиденье. Я тоже пока не волнуюсь. В таком снегопаде можно увидеть только освещенные объекты: пожары, прожекторы, фары автомобилей, вспышки орудийных выстрелов, трассы пуль и снарядов, а они будут там, у линии фронта.

Вдруг Голенков поднимает руку, что означает "внимание". Опустив ее, он указывает направление: немного правее курса. Действительно, там появилось какое-то серое пятнышко. Но мне нельзя долго всматриваться, отвлекаться от пилотажных приборов. Высота всего двести метров. Малейшее упущение, и мы врежемся в землю. По мере сближения пятно увеличивается, становится красноватым. Небольшим доворотом привожу его в поле зрения. Конечно, это пожар. Не костер, не включенные фары автомашины, а только огромный огненный факел может выглядеть в снегопаде вот таким багрово-серым пятном. А пламя становится ярче и ярче. Теперь уже различимы горящие здания.

- Фронт! - кричит Петр, заглядывая в мою кабину.

- Не торопись делать вывод! Деревня, возможно, наша. Подожжена артиллерией. Не отбомбись по своим!

Еще минута - и мы почти над пожаром. Разбушевавшееся пламя буквально пожирает деревенские строения. Горящая крыша огромного сарая проваливается на наших глазах. Вместе с огненными языками в небо вздымаются снопы ярких искр.

Ввожу машину в вираж. Перегнувшись через борт, Петр тщательно всматривается в освещенный кусочек земного пространства. Я смотрю на приборы. Неудержимо хочется отвернуться от фосфорных кружочков и приглядеться к земле: есть ли там люди, видны ли выстрелы? Но именно сейчас я не должен этого делать. Внезапно, боковым зрением, вижу второй пожар. Он проецируется на правом верхнем стекле кабины. Машинальным движением штурвала выравниваю самолет, чтобы пожары справа и слева просматривались на одном уровне. И тут же в равномерный рокот мотора вплетается разноголосый свист, а высота начинает катастрофически уменьшаться. Энергично устанавливаю машину в первоначальное положение. Снижение сразу же прекращается, и стрелка высотомера замирает на пятидесяти метрах. Но пожар почему-то опять находится выше меня. Неужели отказали приборы и мы летим в перевернутом положении? Тогда почему мы не падаем?..

У двух объятых пламенем зданий одновременно обрушиваются крыши. Слева внизу и справа вверху вздымаются два снопа ярких искр. Однообразие поразительное. Выходит, над головой у меня не пожар, а зеркальное отображение горящего внизу здания?..

- Не снижайся! - кричит Голенков. - Я уже все осмотрел. Людей не видно. Кругом лишь воронки от взрывов.

Значит, фронт расположен южнее. Осторожно разворачиваю самолет. От нервного напряжения на лбу выступает испарина. Принять отражение за пожар! Допустить потерю пространственной ориентировки! Такого со мной еще не случалось. Мы просто случайно остались живыми...

Голенков опять поднял руку и указал на мелькающие впереди огоньки. Это трассирующие пули. Они красноватым пунктиром проносятся над землей и исчезают, будто сгорают. Теперь мы уж точно подлетаем к линии фронта. Пули летят примерно на северо-запад. Значит, огонь ведут вражеские пулеметы и автоматы. А там, где они вспыхивают, находятся позиции врага.

Склонившись над бортовым прицелом, Петр выводит самолет в точку сброса. Главное, не отбомбиться по своим, не перепутать чужие и наши окопы. Сейчас не так важно, сколько фашистов мы уничтожим. Конечно, чем больше, тем лучше. Главное то, что нас видит пехота. Самолет над противником. Бортовые огни включены. Через секунду взрывы придавят солдат к земле - и все на глазах у красноармейцев. В такое ненастье, в момент отступления летчики прилетели на помощь...

Петр давит на кнопку - и две бомбы срываются с крыльев. Проходят мгновения - и пламя их взрывов освещает низкую облачность за хвостом самолета. Снова маневр. Опять довороты. И еще две бомбы устремляются вниз. Начинаем третий заход. Кажется, враги опомнились. С земли нам навстречу летят красноватые шарики. Выключаю бортовые огни. Петр бросает последние бомбы. Но есть еще пулеметы...

Голенков и Кистяев начинают стрельбу одновременно. От длинных очередей машина немножечко вздрагивает. Теперь наши пули несутся навстречу противнику и затухают в районе фашистских позиций. Пехотинцы наверняка наблюдают за этой дуэлью. Ведь мы летаем над их головами. Вряд ли они останутся равнодушными и не поддержат нас своим огоньком...

Раздается последний выстрел. В обеих лентах патроны кончились. Пора возвращаться. Энергично вывожу самолет на обратный курс и миганием огней посылаю привет солдатам. Теперь впереди у нас самое сложное: найти в снегопаде аэродром и благополучно на нем приземлиться...

* * *

Световое пятно прожектора возникает далеко в стороне, совсем не там, где мы ожидали его увидеть.

- Ошибся я здорово, - с огорчением говорит Голенков. - Видишь, куда уклонились?

- Отлично, Петро! - возражаю я весело, чтоб хоть немного его подбодрить. - Ты справился просто классически. Сейчас мы

усядемся - и будет порядок.

Два прожектора, включаясь поочередно, непрерывно освещают аэродром. За время войны я впервые вижу их свет на своем летном поле. Обычно для маскировки мы производим посадку вдоль линии керосиновых фонарей. Начинаю снижение, ориентируясь только по курсу и световому пятну. На высоте около пятидесяти метров замечаю темные вершины деревьев. Чуть впереди виднеется кромка леса. За ней должно быть летное поле. Газ убран полностью. Плавно выравниваю машину. Она продолжает лететь с небольшим снижением. Проходят томительные секунды, и, плавно коснувшись земли, самолет быстро катится по посадочной полосе.

- Уф-ф-ф! Кажется, мы и приехали, - отдувается Голенков, снимая очки и защитную маску, сшитую из мягких кротовых шкурок. - Получилось как в сказке. Пером, пожалуй, такое и не опишешь.

Владимиров встречает нас на стоянке. Он уже получил приказание готовить машину к повторному вылету. А мы направляемся в стартовый домик доложить результаты вылета и немного погреться около дышащей жаром железной печурки.

Самолеты садятся один за другим. Скоро в домике становится людно. Прибывающие сразу включаются в разговор, делятся впечатлениями, уточняют данные о погоде. Минут через тридцать, получив сигнал о готовности, мы опять направляемся к самолету...

Сегодня трудно даже представить, как в ту ночь, в то ненастье мы сделали по шесть вылетов на экипаж, сбросили на противника двести тридцать две бомбы и расстреляли восемьдесят четыре тысячи патронов. Гончаренко, Блинов и Колесник подавили огонь трех артиллерийских батарей. Экипажи Блинова и Зорина обнаружили автоколонну с включенными фарами и подожгли несколько машин. Немало фашистов полегло от взрывов бомб и наших пуль. Но главный сюрприз преподнесла нам пехота. Не успели мы сесть за завтрак, как в столовую вошел капитан Ковель и объявил:

- Сегодня ночью на нашем участке фронта войска 54-й армии отразили все атаки противника и контрударом отбросили его на два километра! За отличное взаимодействие с наземными войсками и высокую эффективность ударов командарм Федюнинский передает всем нам горячее солдатское спасибо, а летчикам и штурманам объявляет благодарность.

Тогда от радости моментально исчезла усталость. Захотелось петь и дурачиться. Впервые нас еле разогнали на отдых.

"15 ноября. На фронте установилось затишье, зато у нас

активность повысилась. Погода установилась хорошая, и каждый экипаж в течение ночи успевает сделать не менее пяти вылетов. Техники так наловчились готовить машины между полетами, что и для перекура времена не хватает.

Бомбим эшелоны на станциях и скопления войск в обогревательных пунктах. Ночи стоят морозные, и фашисты, прогнав местных жителей, поочередно отводят войсковые подразделения на кратковременный отдых в прифронтовые деревни. Там они отогреваются и отсыпаются, а мы стараемся "максимально украсить" им этот отдых. По данным разведки, прямым попаданием в дом экипаж Колесника сразу отправил на вечный покой свыше двадцати гитлеровцев. Для начала вроде неплохо".

"21 ноября. Сильным ударом противник снова прорвал наш фронт, захватил железнодорожную станцию Войбокало и перерезал железную дорогу Волхов Назия. Теперь ожесточенные бои идут уже западнее Волховстроя. От переднего края до берега Ладожского озера гитлеровцев отделяет не более двадцати километров. Считая, что цель в основном достигнута, они стремятся сделать последний рывок и зажать Ленинград мертвой хваткой. Но наша пехота срывает их планы. Вместе с балтийскими моряками красноармейцы творят чудеса. Каждые сутки они отбивают десятки атак. Линия боевого соприкосновения то продвинется чуть на север, то опять смещается на юг, и оставшиеся желанные километры снова становятся непроходимыми для фашистов.

Мы интенсивно бомбим и штурмуем резервы врага, наносим удары по батареям, автоколоннам и железнодорожным эшелонам. В эскадрилье осталось всего шесть самолетов, но они летают почти непрерывно, совершая в ночь по пять-шесть вылетов. Фашисты встречают нас шквальным зенитным огнем. Количество пробоин на самолетах увеличивается с каждым вылетом. Но техника не дают им простаивать ни минуты. Специально созданная бригада успевает устранить повреждения в перерывах между полетами".

"24 ноября. Мы потеряли экипаж заместителя командира эскадрильи капитана Климова. На рассвете его внезапно атаковал "мессершмитт". Самолет загорелся и врезался в землю. С капитаном погибли штурман эскадрильи старший лейтенант Григорий Сарочук и начальник связи младший лейтенант Юрий Максимов. Наша маленькая семья понесла еще одну невосполнимую утрату. Даже не верится, что мы их больше никогда не увидим".

"28 ноября. Кажется, теперь фашисты выдохлись

окончательно. По дорогам подвоз резервов почти прекратился. Гитлеровцы уже не рвутся вперед, а стараются удержаться на захваченных рубежах, так как войска генерала Федюнинского их непрерывно контратакуют.

Но на Центральном фронте положение пока не улучшилось. Фашисты снова кричат на весь мир о начале "последнего генерального штурма"..."

В то утро вражеские самолеты разбросали массу листовок. В них говорилось, что солдаты фельдмаршала фон Бока видят московские улицы через бинокли, а его войска полны решимости выполнить приказ фюрера и ворваться в нашу столицу.

Около полудня на проходящем около аэродрома шоссе показалась колонна военнопленных. Их было около сотни, а конвоиров лишь трое. В овчинных полушубках, стеганых ватных штанах и добротных валенках, наши солдаты выглядели богатырями. Парни как на подбор, рослые, сильные. А фашисты шли скрюченные от холода, в ветхих шинельках, в пилотках, надвинутых на уши. У некоторых ботинки были обмотаны соломой, а шея, уши и руки замотаны разным тряпьем.

Среди пленных оказался словак, говоривший по-русски. Рослый, с горделивой осанкой, он был в исправном обмундировании и без признаков обморожения. Мы показали ему листовку. Он громко прочитал ее. В толпе началось волнение, послышались отдельные выкрики.

- Что за галдеж? - спросил у словака Чванов.

- Они говорят, - заторопился переводчик, - что Гитлер их обманул, а Геббельс в этой листовке пишет неправду.

- Ишь ты! - покачал головой капитан Гончаренко. - Выходит, и они кое-что соображать начинают?

- Да-да! Начинают, - кивнул головой переводчик. - И не только те, кто оказался в плену. Даже часть воюющих солдат перестает верить Гитлеру. Их напугала эта война, ваша стойкость и мужество и огромные потери германской армии. Геббельс твердит о победах! А где они? Ленинград защищается. А Москва?!. Хорошо, если удастся увидеть ее в бинокль и остаться живым...

- Так они и об этом начинают задумываться? - спросил комиссар.

- Конечно, даже очень задумываются, - грустно улыбнулся словак. - В России уже потерян цвет армии. Резервы кончаются. С подвозом не клеится. Одежда плохая. Мороз страшный. А зима еще впереди, и война не окончена...

Мы долго смотрели им вслед. Сгорбленные и жалкие, растянувшись нестройной цепочкой, они медленно передвигали

обмороженные ноги.

- Завоеватели, - сквозь зубы процедил Кудряшов, смачно сплюнув. Думали всю Россию под губную гармошку пройти.

- А все-таки здорово, братцы! - рассмеялся Колесник. - Посмотрел я на них и уверился - не бывать им в Москве! До точки, паразиты, доходят. Видать, закваска хреновая...

"3 декабря. Еле выбрал минутку, чтобы черкнуть пару слов. Армия генерала Федюнинского нанесла удар фашистам и отбросила их на всем правом фланге. Это похоже на наступление. Гитлеровцы, конечно, сопротивляются, и наша пехота движется медленно. Но уже не назад, а вперед! Для начала и это не плохо. Сперва заставим противника пятиться. Потом научим бежать. Не все сразу. Пишу эти строки, а самому до сих пор не верится. Ведь мы наступаем!!!"

"11 декабря. Ура!.. Наши войска наступают на фронте от Москвы и до Ленинграда! Разгромлены фашистские группировки под Тихвином и Ельцом. 54-я армия продолжает теснить противника. Вот когда наступил перелом! Вот когда и для нас засветило солнце!

Погода, как по заказу, стоит отменная. Ночи морозные, ясные. Летаем от сумерек до рассвета и выматываемся так, что еле добираемся до землянок. Но настроение бодрое. Все ребята воюют с огоньком, с задором. Несмотря на усталость, хочется летать еще больше, лишь бы прогнать фашистов с нашей земли.

На наш аэродром села эскадрилья новейших штурмовиков Ил-2. Машины замечательные. Не самолеты, а летающие танки. Мотор и кабина летчика забронированы. Пушки и крупнокалиберные пулеметы вмонтированы в крылья. А под крыльями на специальных держателях подвешиваются бомбы и реактивные снаряды. Фашисты прозвали их черной смертью. Мы же ласкательно именуем мечтой пилота. Когда эта "мечта" появляется над полем боя, враги немеют от ужаса.

Командует эскадрильей опытный летчик - майор Челноков. Теперь "иловцы" будут громить противника днем, а мы - ночью.

"19 декабря. На нашем участке фронта оборона фашистов окончательно сломлена. Под непрерывными ударами 54-й армии войска противника откатываются на юго-запад. Длинными, почти непрерывными колоннами они движутся по дорогам в районы населенных пунктов Лодва, Погостье и Кириши, бросая на заснеженных обочинах тяжелую боевую технику и вооружение..."

Да, картина резко переменилась. Наседая на фашистские арьергарды, наши части с боями продвигались все дальше и дальше, не позволяя противнику оторваться и закрепиться на подготовленных рубежах. Там, по ту сторону фронта, машины,

повозки, орудия вперемешку с нестройными солдатскими толпами разбрелись по проселкам, заполнили их.

Нам сверху казалось, что в такой мешанине каждый осколок бомбы, каждая пуля не должны пролететь мимо цели.

А с какой завистью мы - "эмбээристы" - смотрели на штурмовиков. Каждый день эскадрилья майора Николая Васильевича Челнокова выполняла по семьдесят - восемьдесят боевых вылетов и штурмовала отступающих с рассвета до темноты.

- Мы, "иловцы", всегда видим фашистов с близкого расстояния, - сказал нам Николай Васильевич после одного из полетов. - При нашем появлении они начинают метаться, как перепуганные крысы. Один на дерево лезет. Другой в придорожной канаве как крот в снегу зарывается. А иной стоит словно пень, будто от страха у него и руки и ноги отнялись. Главное сейчас - бить оккупантов без передыха, истреблять их безжалостно, быстрее освободить наш народ, нашу землю...

И мы старались бить фашистов действительно без передыха. С наступлением сумерек на смену "илам" выруливали "эмбээры". Экипажи взлетали один за другим. Каждый стремился до начала рассвета выполнить не менее шести вылетов. "Сделать ночь для фашистов кошмаром!" - таков был наш лозунг. А с утренней зорькой в воздух снова взлетали "илы".

В тылу врага

"1 января 1942 года. Даже не верится, что сегодня, в первый день нового года, я снова сижу в своей неуютной, но уже обжитой и такой привычной землянке, склонившись над грубым, самодельным столом.

Неужели мы дома?! Кажется, нам опять повезло. Ну чем другим объясняется наша удача? Искусством летчика? Для меня такой вывод очень приятен, но... Удачный выбор площадки ночью. Точный расчет на посадку, с перетягиванием через лес, при отказавшем моторе. Наконец, посадка в глубокий снег на тяжелой колесной машине. И это в условиях безмоторного снижения над противником, при невозможности исправить даже малейшую ошибку... Одного искусства, пожалуй, здесь недостаточно! Хорошо, что погони за нами не было. Снижение после бомбометания фашисты, видимо, расценили как обычный маневр при выходе из зоны обстрела. Не заметили они и нашего приземления за лесным массивом. Именно в этом нам здорово повезло. Все остальное было значительно проще..."

Взглянув на часы, майор Баканов поворачивается к нам.

- Экипаж подготовку закончил, - докладываю я, собирая гармошкой полетную карту.

- Что ж, если готовы, выезжайте на аэродром. Вылет в семнадцать тридцать. Желаю успеха, - напутствует батя.

Выбравшись на дорогу, быстро залезаем в кузов полуторки. Небо над нами ясное, чистое. Только на юго-востоке его бездонная голубизна чуть затуманилась сероватой вечерней дымкой. Любуясь небесной лазурью, невольно оцениваю погоду и решаю, что разведку скопления войск целесообразно выполнять на высоте от полутора до двух тысяч метров.

Стемнело. Необъятную небесную ширь усыпали мириады мерцающих звезд. Нагруженный бомбами самолет медленно набирает высоту. Отсчитывая метр за метром, стрелка высотомера почти незаметно перемещается по замкнутой окружности циферблата.

Под нами - противник. Звенящий гул мотора наверняка привлекает его внимание. Но зенитчики не стреляют. Они затаились под темным ночным покровом, выискивая в небе сверкающие огоньки выхлопов, чтобы с первого залпа ударить как можно точнее. Самолет забирается выше и выше. Мы непрерывно меняем курс отворотами влево и вправо, затрудняя артиллеристам отработку прицельных данных. Пока кругом тихо и ничто не напоминает о грозящей смертельной опасности.

- Подлетаем к Лодве, - докладывает Голенков. - Начинаю наблюдение за дорогой. Возьми левее градусов тридцать.

Плавно доворачивая машину, одновременно смотрю на землю. Освещенное полной луной, медленно уплывает под самолет почти безлесное торфяное болото. Накатанная дорога, словно длинная извивающаяся змея, хорошо выделяется на фоне искрящегося снегового покрова. Вглядевшись, замечаю на ней непонятные темные утолщения. Чувствую, ими заинтересовался и Голенков. Он замер в кабине, не отрывая от них напряженного взгляда. Наконец в кабину донесся приглушенный шумом мотора взволнованный голос:

- На дороге что-то чернеет. Возможно, большая колонна. Нужно бы снизиться и уточнить.

Немного сбавляю газ и начинаю снижение пологой спиралью. В момент разворота мне удобно смотреть на землю. Постепенно предметы на ней приобретают контрастные очертания, их видимость улучшается. То, что под нами большая колонна, теперь сомнений не вызывает. Нужно установить, есть ли в ее составе танки, автомашины и пушки, и определить, куда она движется.

Звучный хлопок с одновременным резким ударом внезапно встряхивает машину. В монотонном гуде мотора появляется металлический скрежет, и он тут же заклинивает. Немного правее и выше сверкнули вспышки зенитных разрывов.

Мгновенно повернувшись ко мне, Голенков торопливо пристегивает к груди парашютный ранец. Левой рукой указываю ему на висящие под крыльями бомбы. Мотнув головой, он припадает к прицелу. Высота уменьшается с каждой секундой. Доворотами Петр уточняет боковую паводку. Стрелка высотомера приближается к тысяче метров, и бомбы залпом отрываются от держателей.

Кажется, сделано все. Враги получат, что им причитается. Однако прыжок с парашютом уже невозможен. Наверняка приземлимся рядом с фашистами. А там для нас уготовлены смерть или плен. Энергичным движением отворачиваю самолет от дороги. Впереди виднеется лес-, за ним - огромное белое поле. Темная масса деревьев несется навстречу. Она словно бы наплывает на самолет. Хватит ли высоты для перелета через препятствие? Чуть не цепляя вершины высоких сосен, самолет приближается к кромке лесной опушки. Плавно выравниваю машину. Теперь впереди только ровный искрящийся снег...

Сбросив очки, Голенков и Кистяев влезают в мою кабину. Нужно быстрее решать, что нам делать. Отсюда до фашистской колонны километра четыре. Они за лесом нашей посадки не видели, но могут послать солдат для проверки. Необходимо немедленно уходить...

Поднявшись на центроплан, смотрю на мотор. В левой нижней части картера чернеет большая дыра. Значит, все же попали снарядом с первого залпа.

* * *

Пушистый глубокий снег доходит почти до пояса. Промокшее от пота белье липнет к телу. В ногах появляется противная дрожь. Кажется, силы совсем на исходе. Чуть привалившись на правый бок, уступаю дорогу Петру. Теперь он становится первым, а я захожу в затылок Кистяеву. Третьим идти куда легче. Но через сто шагов опять подойдет моя очередь. Были бы лыжи! Они бы сейчас нас так выручили!..

Впереди Голенков уступает место Кистяеву. Хорошо идет Диомид! Таранит сугробы как танк и несет на плечах запас продовольствия. Однако и он уже дышит неровно.

- Сколько шагов?

- Семьдесят третий, - с хрипом отвечает Дим Димыч.

- А ну, уступай дорогу!..

Сейчас бы свалиться на снег да полежать, хоть полчасика. Но нужно идти. От самолета мы удалились примерно на километр. До леса еще далеко, раза в четыре больше. Успеем войти в него до рассвета, значит, сумеем укрыться, хотя бы на первое время. Не успеем - верная гибель. На белом поле три черных фигуры

заметны издалека. А как стучит сердце! Кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

- Пора, командир.

Рука Голенкова ложится мне на плечо. Привалившись на левый бок, пропускаю вперед Петра и Дим Димыча и отдыхаю две-три секунды. Дольше нельзя. Фашисты от нас совсем близко. Справа, в полутора-двух километрах, на темном фоне подлеска виден большой костер. Обходя его стороной, мы движемся строго на север. Лес там огромный и, главное, далеко от дорог. Меньше опасности сразу наткнуться на врага. Однако идти до него значительно дольше. Хрустящий рассыпчатый снег обволакивает унты, тормозит движение. Вместо следов за нами тянется глубокая неровная борозда...

Проваливаясь и спотыкаясь, временами совсем выбиваясь из сил, мы медленно приближаемся к манящему лесу. Теперь он уже совсем рядом. Внезапно остановившись, Кистяев глядит на темнеющую чащобу.

- А если там враги? - говорит он тревожно. - Может, они нарочно не догоняли нас в поле? Сидят за кустами и ждут, когда мы сами к ним подойдем.

В словах Дим Димыча явный резон. Фашистам, действительно, незачем гнаться за нами. Зачем им сближаться в открытом поле и рисковать?..

- Кистяев прав, - соглашается Голенков. - Проще и безопаснее схватить нас именно здесь, на опушке. Они понимают, что ходьба по глубокому снегу измотает нас до предела. Кроме того, добравшись до леса, мы просто забудем про осторожность.

Решение созревает мгновенно:

- Теперь лес под боком, и торопиться нам некуда. Отдохнем в борозде до захода луны. К лесу мы поползем в темноте, и не прямо, а чуть правей выступающих кустиков.

- Может, для подкрепления перекусим? - встряхивает Кистяев вещевым мешком.

- Вскрой НЗ и дай по плиточке шоколада. Но не больше, чем по одной..

Около кромки леса темень сгущается так, что я перестаю ощущать расстояние до ближайших деревьев. Подождав, пока подползут товарищи, тихонько встаю на колени. Из леса не слышно ни единого звука, ни единого шороха. Мертвая тишина и манит, и настораживает. Сунув ТТ в левый карман реглана, бесшумно открываю деревянную кобуру трофейного маузера.

Чем ближе к лесу, тем наст становится - тверже. Здесь он совершенно не проминается. Мягкие подошвы унтов ступают бесшумно. Древесные стволы поодиночке выплывают из темноты.

Осторожно обходя их, мы медленно углубляемся в чащу. Удары сердца гулко отдаются в груди. Щеки горят от прилива крови. Теперь мы в лесу! Здесь каждое дерево может служить нам защитой.

Постепенно глаза освоились с вязкой, как деготь, лесной темнотой. Осторожность уже кажется лишней. Ускоряя шаг, мы даже не обращаем внимание на усилившееся поскрипывание снега. Внезапно Кистяев сжимает мое плечо. Сразу остановившись, замечаю неясные красноватые блики. Невдалеке, чуть правее, догорает костер. Разведенный на дне лощины, он сверху укрыт здоровенным плетнем из еловых ветвей. Людей под навесом не видно. Но взрыхленный снег и разбросанный мусор говорят о том, что покинуто это место недавно.

Забираем левее и упираемся в просеку. На ней чуть светлее. Посередине просматривается накатанная дорога. Оглядевшись, перебегаем на противоположную сторону. В лесу по-прежнему тихо. Погони не слышно. Уточнив направление по звездам, снова углубляемся в чащу.

Наползающая с востока сероватая мгла медленно затушевывает мерцание звезд. Верхушки деревьев постепенно светлеют. Меж ними в продолговатом синем прогале виднеется легкое облачко. Начинается утро, наше первое утро в тылу врага.

* * *

Натруженные ноги распухли от долгой ходьбы. Без привала не обойтись. Оглядевшись, замечаю семейку низкорослых пушистых елочек. Сиротливо прижавшись к подножию гигантских сосен, они словно укрылись под их защитой. Лучшего места искать не нужно. Трофейным штыком Кистяев ловко срубает мохнатые ветви. Проглотив свою порцию шоколада, Голенков и Дим Димыч поднимают воротники меховых комбинезонов и закапываются в свежую пахучую хвою. Прижавшись спинами, они засыпают мгновенно, сладко, с присвистом посапывая.

Завидуя им, я усаживаюсь на полуистлевшем древесном стволе. Всем спать нельзя. Для бодрости медленно жую шоколад. Однако отяжелевшие веки опускаются сами, и я с трудом перебарываю дремоту. Терпкий привкус шоколада неожиданно воскрешает в памяти услышанную еще в детстве, давно забытую фразу: "А Пресняковы, жи-ву-у-т! Даже щи едят с щиколатом..." "Щи с щиколатом" - так говорила наша квартирная соседка тетя Катя, сидя с подружками на садовой скамейке. Я же в то время еще не пробовал шоколада и не знал, что со щами его не едят.

Тогда мы действительно "жи-и-ли". Кормилец в семье один - отец, а детей - семеро, в их числе трое от папиного брата, не вернувшегося с германской. В память о нем меня Александром и

окрестили. Работал отец с утра до ночи. Приходил домой поздно. А мать! Как она, бедная, успевала выкручиваться с нашим многоголосым и многоротым хозяйством? И варка, и уборка, и стирка, и многочасовое стояние в очередях за продуктами - везде она управлялась, все делала ладно и быстро. И нас, сорванцов, к труду приучала. Как-то при встрече одна знакомая ей посоветовала:

- Ты бы, Шура, как я, на работу пристроилась. И рабочую карточку получишь, и с деньгами полегче...

Помню, вздохнула мать тяжело, посмотрела на нее с укоризной и сердито ответила:

- Тебе, Вера, советы давать - как семечки сплевывать. С Сергеем вас всего двое. А я? Ну куда я эту ораву дену?.. Они не котята, в проруби не утопишь.

А сколько раз по ночам, думая, что я сплю, мать причитала горячим шепотом:

- Вася!.. Завтра-то хлеб по карточкам выкупить не на что. Ты бы хоть из партии ушел, что ли? Кругом все люди как люди. В каждую получку полную зарплату приносят. А ты мне только партмаксимум...

Как правило, отец сначала молчал, а потом говорил успокаивающе:

- Партия для нас, Шура, это как свет в окошке. А без света и жизни не будет. И каждый коммунист обязан отдать партии все, что он может.

- Так свет-то вы для всех зажигаете! - сразу вскипала мать. - Пусть тогда и они по вашему максимуму получают.

- Свет-то для всех, да не все пока понимают это, - урезонивал ее отец. - Вот и ты у меня такая умная, сознательная пролетарка, а чепуху порешь...

Эх, отец, отец! Сколько тебе всего довелось пережить.

Самоучкой осилив грамоту, с малых лет стал помощником машиниста на суконной фабрике господина Четверикова. Каждый день адский труд да вдобавок пинки и и затрещины мастера. А вечером надо помочь крестьянину-отцу. И только ночью оставалось свободное время. При скудном свете коптилки сколько же удалось прочесть журналов и книг в неуемном стремлении к познанию нового! Кто-то доверительно хранил у тебя листовки, брошюры. Из них-то и узнал, что монаршья власть не что иное, как тирания, помещики и капиталисты эсплуататоры и грабители трудового народа.

В 1914 году скопинский фотограф запечатлел отца сидящим в роскошном кресле, с тяжелой шашкой, поставленной меж сверкающими голенищами сапог. В фуражке, надетой набекрень,

с лихо подкрученными черными усиками, имел он вид прапорщика-рубаки. Тогда лишь немногие знали, что этот геройский командир полковой пулеметной команды является коммунистом. Партия большевиков направила его для проведения агитационной работы среди солдат царской армии.

А потом революция и гражданская война. Днем и ночью начальник милиции с наганом в руке гонял по уезду белогвардейские банды.

В период разрухи отец возглавил одну из первых сельскохозяйственных коммун под названием "Заря". Затем создавал совхозы. А годы первых пятилеток? А две бандитские пули, извлеченные врачами из его тела? И партмаксимум! И даже "щи с щиколатом"!..

Все довелось тебе отведать в борьбе за счастье народа. Без отрыва от производства закончил университет, а потом Тимирязевскую академию. Инструктором ЦК ВКП(б) отдавал все силы, чтобы развивалось наше социалистическое сельское хозяйство...

* * *

Резкий тревожный ветер буйным порывом хлестнул по вершинам деревьев. Качнулись могучие кроны, и серебристая осыпь инея затуманила ясный морозный воздух. На часах уже половина одиннадцатого. Что ж это я увлекся воспоминаниями?..

* * *

Без отдыха шли до темноты. Задержались лишь на одной небольшой поляне. Наткнулись мы на нее в самой непроходимой лесной глуши. Неожиданно перед нами возник зимний лагерь. Десятки больших шалашей и навесов. Множество ящиков с патронами для винтовок и пистолетов, уложенные аккуратными штабелями. И сотни винтовок, наших, трехлинейных, образца 1891 года, стояли в походных козлах или просто валялись в снегу. Около нас оказался перевернутый станковый пулемет, приткнутый лицевой частью кожуха к облепленной снегом коряге. А вокруг ни одного человека, ни живого, ни мертвого. Казалось, вот-вот из шалашей выскочат люди и по округе разнесется дружный солдатский гомон. Но кругом стояла могильная тишина. На заржавевших частях пулемета местами образовался толстый слой наледи. Видно, его не раз заносило снегом и оттаивало живительным солнечным теплом. Значит, лагерь покинут давно и не первый десяток дней лежит у коряги "максим", брошенный пулеметчиком без присмотра.

Боя здесь не было. В пулемет даже лента не заправлялась. И в магазинах винтовок мы не нашли ни одного патрона. Что здесь случилось? Какая сила заставила людей, владевших этим

оружием, бросить его и покинуть обжитую стоянку?

Побродив по лагерю, мы хотели взять по винтовке, но они уже заржавели и не внушали доверия. Раскупорив "цинку" с патронами для ТТ, набили ими полные карманы. Теперь у нас с боезапасом нехудо. Патроны ТТ подходят и к маузеру. Разница всего в одну сотую миллиметра. Уж если придется, теперь мы можем долго обороняться.

* * *

Шестичасовой непробудный сон в душистой еловой постели почти полностью восстановил утраченные силы. Вместе с ними вернулись бодрость и свежесть. Позавтракав, мы быстро зашагали по ночному темному лесу, ощущая лишь незначительную боль в потертых унтами ступнях.

Рассвет застал нас километрах в пяти от фронта. Перебежав через наезженную дорогу, мы очутились на большой поляне, заваленной штабелями огромных бревен.

- Богатство-то какое! - вырвалось у Петра. - Сколько люди труда здесь ухлопали!

- Пота пролито немало, - поддакнул Дим Димыч и сурово нахмурился. Только пот теперь не в почете. Сейчас люди кровь свою проливают. По милости фашистов она ценится дешевле простой воды.

Разговор оборвался. Со стороны дороги послышался гул автомобильных моторов. Отбежав в теневую часть леса, мы оглянулись. Цепочка свежих следов, четко выделяясь на белой снеговой пороше, указывала наш путь от последнего штабеля к лесной опушке.

- Если это погоня, то нам теперь амба, - глухо проговорил Кистяев. - По такому следу они нас без собак обнаружат.

- Быстро занять оборону! - скомандовал я. - Отсюда нам проще всего уточнить обстановку. Если это преследователи, наша задача удержать их огнем на открытой поляне и не дать просочиться в лес. Пока они в поле, мы хозяева положения. Собак уничтожить в первую очередь. Огонь - по моему выстрелу.

В противоположном конце поляны показались три вражеских грузовика. В кузовах двух первых машин находились солдаты. С трудом продвигаясь по снегу, они медленно подъехали к первому штабелю и остановились. Из кабины выпрыгнул офицер и посмотрел на часы. Солдаты построились в две шеренги. Их было около тридцати. Остановившись перед серединой строя, офицер громким голосом выкрикнул несколько фраз.

Стараясь не шуметь, подтягиваю деревянную кобуру поближе и пристегиваю ее к рукоятке маузера. Устанавливаю прицельную рамку на сто шагов и наблюдаю за офицером. Вершина мушки

застыла чуть ниже обреза его фуражки. На таком расстоянии, стреляя с упора, я сниму его с первого выстрела. Кистяев тоже держит его на прицеле. Отличный стрелок, он тут же подстрахует меня.

Махнув рукой, офицер отодвигается в сторону, и скрывается за машиной. Солдаты, покинув строй, снимают оружие и отдельными группами лезут на штабеля.

Взяв ломы, они подпихивают их под бревна. Одиночные выкрики сменяются громким нестройным гомоном. Не обратив внимания на наши следы, солдаты сразу же затоптали их в центре поляны. Теперь лишь одна тонюсенькая нить предательски тянется к месту нашего укрытия.

Три солдата с топорами в руках подходят к ближайшим деревцам и рубят нижние сучья. Уже не одна, а четыре нити следов связывают штабеля с лесом.

Так они не за нами приехали? Оглядываюсь на Кистяева и Голенкова. Они наблюдают и ждут моего сигнала. Солдаты продолжают погрузку бревен и даже не смотрят на лес. Пригнувшись, перебегаю к ближайшему дереву...

Через минуту мы удалились настолько, что поляна уже не просматривалась. До нас доносились лишь удары топоров да отдельные громкие выкрики.

- Еще бы немного - и не удержался, - с досадой сказал Кистяев. - Уж очень хотелось снять офицера. Он, как назло, все время на мушке крутился.

- Офицера и я хотел подстрелить, - усмехнулся в ответ Голенков, - да в бой нам вступать не с руки. Земля, голубчик, не наша стихия...

* * *

Солнце перевалило уже за полдень, когда над нами с ревом пронеслись самолеты.

- Кажется, наши! - крикнул Кистяев.

В тот же момент в стороне послышались взрывы и частая трескотня пулеметов.

- Наши! Фашистов штурмуют! - подхватывает Голенков и, ломая мелкий кустарник, бросается в сторону бомбовых взрывов.

Бойкая трескотня пулеметов смешивается с гулом моторов, беспорядочными винтовочными выстрелами и автоматными очередями. Лес постепенно редеет. Разгоряченные бегом, мы чуть не выскакиваем на большое, покрытое низкорослым безлистным кустарником поле. В его середине, на узкой дороге, полыхают опрокинутые взрывами фургоны. Около них, увязнув в глубоких сугробах, сгрудились орудия и повозки. А сверху, в лазурном небе, летают по замкнутому кругу шестеро краснозвездных

"бисенят", как называли у нас самолеты И-15бис. Стреляя из пулеметов, они с ревом проносятся над макушками деревьев и энергичным боевым разворотом снова вписываются в воздушную карусель.

На центр поляны пикирует маленький верткий "ястребок". С его крыльев срываются огненные трассы. Проскочив над дорогой, он покачивает крыльями и исчезает за лесом. Штурмовка кончается. Пора уходить. Не оглядываясь, короткими перебежками мы быстро отходим в лесную чащу.

...Лес онемел. Вокруг нас давящая, осязаемая, действительно мертвая тишина. Война распугала не только зверей, но и птиц. Сквозь глухую лесную дрему лишь изредка прорывается дробный стук одинокого дятла, да притаившийся снегирь вдруг с шелестом взовьется над потревоженными ветвями заиндевелого кустарника. Все более удлиняясь, теневые полосы ложатся на снег узорной причудливой сетью. А фронта пока не слышно. Неужели мы уклонились или движемся слишком медленно? Наверно, придется прокоротать еще одну ночь на захваченной врагом территории. Тогда дотемна разогреем три банки консервов. Ночью костер разжигать опасно - его свет виден издали.

Монотонное поскрипывание снега саднящей болью отдается в натруженных, потертых ступнях. От мороза слезы застилают глаза. Нужно, пожалуй, сделать привал и готовить ночлег.

- Мины! - вскрикивает Кистяев, хватая меня за ремень.

Протерев глаза, напряженно всматриваюсь в припорошенные снегом круглые металлические лепешки. Их много разбросано прямо по снежному насту.

- Противотанковые, - присев на корточки, констатирует Голенков. Ставили второпях. Даже не замаскировали.

- Похоже, действительно торопились, - кивает головой Кистяев. - Но осторожность не помешает. Здесь могут стоять и противопехотные.

Медленно, сантиметр за сантиметром, оглядываем снежную целину, присматриваемся к каждому бугорочку в вмятинке.

- Вот они! - шепчет Петр побелевшими губами. Чуть в стороне, подвязанная к сучьям стелющегося кустарника, уходит под снег почти незаметная проволочная паутина.

- Маскировочка-то того, на три с плюсом, - нервно смеется Дим Димыч. Мы не саперы и то разобраться сумели. А пехота наверняка разглядела бы с ходу.

- Тут расчет по-другому строился, - цедит Голенков сквозь зубы. Увидит пехота только противотанковые и ринется дальше без предосторожности...

Медленно опуская гудящие от напряжения ноги, осторожно

переступаем через чуткие смертоносные струны. Только одно неверное движение и...

Впереди показался лесной завал. Огромные, сваленные друг на друга деревья вместе с зубчатым частоколом высоких уродливых пней образуют почти непроходимую преграду.

- Мы где-то около фронта, - шепотом говорит Голенков. - Главное, не торопиться.

Словно в подтверждение его слов издалека доносится грохот, и макушки деревьев пугливо вздрагивают. Искрясь в лучах заходящего солнца, медленно оседает потревоженный иней...

За завалом наст кончился, и мягкий пушистый снег доходит почти до пояса. Чтобы сделать хоть один шаг, мы из последних сил разгребаем сыпучую рыхлую массу.

Так где же проходит фронт?.. Мины, завал, грохот отдаленного взрыва это же верные признаки его близости...

И опять наш путь преграждает дорога с четкими отпечатками автомобильных шин и наезженной колеей от сапных полозьев. Снова мощная взрывная волна проносится по вершинам деревьев. Гулкое эхо, будто перекликаясь, раскатывается по лесу и затихает вдали. Толстые снеговые пласты с загадочным шорохом срываются с распластанных еловых ветвей. Значит, рвануло уже где-то рядом. Но не хочется уходить с колеи в сыпучую снежную целину, в затемненную сумерками лесную чащу.

Дорога уводит нас чуть правее. Огибая деревья, она все время петляет и просматривается на коротких отрезках, от поворота до поворота. Темнота постепенно сгущается.

- Нужно сойти с дороги. Это же риск! - настойчиво шепчет штурман.

Он прав. Сейчас мы сойдем, углубимся в лес на полкилометра и сделаем остановку...

- Тихо. Смотри. Человек на обочине, - чуть слышно шепчет Кистяев.

Отпрянув назад, из-за поворота почти в упор рассматриваем незнакомца. Узкоплечий, небольшого росточка, в длинной солдатской шинели, сидит он на корточках спиной к нам. Перед ним куча хвороста.

Фашист! Костер разжигает. Кажется, влипли. И дернул нас черт тащиться по этой дороге!..

От снежного скрипа солдат поворачивается и вскакивает. У него морщинистое лицо и круглые испуганные глаза.

- Хенде хох! - зловещим шепотом командую я, наводя на него пистолет.

Выскочив сбоку, Голенков наступает ногой на лежащий рядом топор, а Кистяев бежит к повороту дороги.

Солдат уже опомнился. В его глазах появляется злоба. И чего он так смотрит? Можно подумать, что не он стоит на нашей земле, а мы ворвались в его Германию... Конечно, он не эсэсовец. Шинель без знаков различия. На голове ушанка из мелкой цигейки с темными пятнами опалин и... звездочкой...

Левой рукой протираю глаза и внимательно вглядываюсь. Действительно, самая настоящая фронтовая зеленая звездочка...

От радости спирает дыхание.

- Ты не немец? - спрашиваю по-русски. - Опусти руки.

Хочется кинуться к этому злобному на вид солдату, расцеловать его в морщинистые щеки. Растирая ладони, он исподлобья, с недоверием разглядывает нас. Конечно, ему трудно сразу понять, почему все вдруг переменилось. Косясь на маузер и на нарукавные нашивки, он медленно нагибается и поднимает топор.

- Ты нас, папаша, наверно, за немцев принял? Думаешь, свалились невесть откуда, командуют "Хенде хох", пистолетом в грудь тычут. Грешным делом и мы тебя с фрицем попутали. Если б не звездочка...

Из-за поворота Кистяев выводит под уздцы небольшую пегую лошаденку, запряженную в обыкновенные русские розвальни.

- Немец-то не один. В санах миноискатель и два карабина.

- Какой он к лешему немец! - хохочет радостно Голенков. - Фашисты звезды на шапках не носят. А мы, папаша, советские летчики. К себе через фронт пробирались. Хочешь, удостоверение покажу? Смотри. Читать-то умеешь?.. Да ты с перепугу онемел, что ли?..

Глаза у солдата постепенно теплеют. Глядя на Голенкова, он укоризненно покачивает головой.

- Ну чего раскричался? Толкуешь, что летчик, а службу не знаешь. Солдату болтать не положено. Вот привезу к командиру, его и расспрашивай...

* * *

Поскрипывая полозьями, сани легко скользят по накатанной колее. Сидящему впереди лейтенанту на вид не более двадцати. И голос совсем как у юноши. А он саперной ротой командует и разминирует этот участок дороги, недавно отбитый у врага.

Пожилой солдат - его ординарец. Когда он привез нас в расположение роты, группа саперов готовила к взрыву очередную партию мин. Проверив наши документы и выслушав старика, лейтенант попросил уточнить: где и как мы перешли через линию фронта.

- Неужели вот здесь, прямо через завал перебрались? - проговорил он с сомнением. - Как вы живыми остались? Там же

сплошное минное поле...

Еще раз посмотрев мое удостоверение, он открыто, по-мальчишески улыбнулся:

- Ох и везучие вы! У смерти из пасти вырвались. Теперь долго жить будете.

Внезапно расступившийся лес обнажает залитую лунным светом большую поляну. По обеим сторонам дороги виднеются кучи обугленных бревен с возвышающимися, как пушечные стволы, трубами русских печей.

- Сжег, ирод, деревню-то, - ткнул кнутовищем в пространство солдат-ординарец. - Только одну избу потушили. Теперь в ней солдаты с передовой повзводно обогреваются.

- А нас вы куда поместите? - повернулся к лейтенанту Кистяев.

- Пока в этот единственный дом. А сами к комбату проскочим. До нашего возвращения не уходите.

...В насквозь прокуренной тесной комнате душно, как в бане. Чахлый свет подвешенного к потолку фонаря еле проблескивает сквозь марево махорочного дыма. Солдаты, расстегнув шинели и ватники, сидят и лежат на полу и на лавках. Оглядевшись, мы протискиваемся в угол и присаживаемся на корточки. Подвинувшись в сторону, молоденький паренек смотрит на нас с нескрываемым любопытством.

- Значит, из летчиков будете?

- А ты почем знаешь? - отвечает вопросом Кистяев.

- Как же не знать-то, - улыбается паренек. - И одежда у вас не солдатская, и ординарец саперный предупредил: "Вы не особенно бога-то поминайте! Летчиков мы привезли. Они как-никак к нашим солдатским обычаям не сильно привыкши".

Словно высверливая воздух, над крышей с визгом пролетает снаряд. Гулкий взрыв сотрясает избушку. Раскачавшийся фонарь отбрасывает на стены причудливые тени. От неожиданности мы подскакиваем, но солдаты продолжают спокойно лежать, будто ничего не заметив.

- Это фашист за нас беспокоится. Боится, чтобы мы не уснули, - поясняет словоохотливый паренек. - Пронюхал, значит, где мы душу отогреваем, вот и пуляет изредка.

Его пояснение не рассеивает тревожного чувства, но, видя спокойствие солдат, мы снова усаживаемся.

Немного переждав, парнишка дотрагивается до моего плеча.

- Там, наверху, - говорит он свистящим шепотом, - очень боязно или нет?

- Там, наверху? - переспрашиваю я, чтобы собраться с мыслями. - Летать там не страшно, а воевать - как когда: иногда -

ничего, иногда - неприятно. Только у вас на земле, пожалуй, страшнее.

- Ну-у-у? - недоверчиво тянет мой собеседник.

- На земле обстановка, для человека привычнее, поэтому все ему кажется проще и безопаснее. Однако и пушки, и танки, и самолеты, и пулеметы созданы в первую очередь против солдата. А у нас - благодать. Только зенитки постреливают.

- Если так повернуть, то конечно, - неуверенно соглашается паренек. Только чую, вы что-то утаиваете.

Щемящий, терзающий душу звук словно вихрь пролетает над крышей. Опять от глухого удара избушка чуть вздрагивает.

- Ишь как долбают! - восклицает Кистяев. - А ты еще сомневаешься. У нас в самолете даже звуков разрывов не слышно.

Дремавший невдалеке пожилой бородатый солдат, медленно повернувшись, с интересом глядит на меня.

- Послушай, сынок, - вдруг вступает он в разговор. - В окопах я третью войну и жив пока, слава богу. На германской чуть полного кавалера не получил. За геройство солдатское три Георгия полковой командир мне пожаловал. Натерпелся, навиделся всякого. И науку нашу пехотную, можно сказать, насквозь изучил. Конечно, тебе невдомек, что солдату, когда он ползает по родимой землице, каждый кустик, каждая травиночка помогают. А тебя?.. Кто тебя в поднебесье от лиха убережет?

Закашлявшись, он снова улегся на спину, окутался облаком папиросного дыма ж тихо продолжил:

- Коли пуля меня зацепит, товарищи рядом, помогут. А если она тебя ковырнет?! Кто помощь подаст? Кто рядом окажется? Бог-то был, да весь вышел. 6т войны схоронился, трусливый кобель. На него надежда плохая. И выходит сначала ты в небе умрешь, а потом об землю-матушку стукнешься. Страшней такой смерти и не придумать. А ты говоришь - нам, солдатам, страшнее...

В последних его словах звучит такая убежденность в собственной правоте, столько неподдельного уважения к нашей летной профессии, что возражать ему я уже не осмеливаюсь.

Стук в сенях прерывает беседу. Через открытую дверь к нам доносится голос "саперного ординарца": "Где тут летчики? Нужно их в соседнюю деревушку отправить. Там больше домов уцелело".

* * *

В просторной избе и жарко и людно. Женщины и ребятишки, одни с любопытством, другие с неприязнью, разглядывают нас, вслушиваясь в причитания маленькой, хворой на вид старушки.

- Куда же принять вас, касатики? - плаксиво твердит хозяйка. - Почитай, вся деревня под этой крышей. Уже яблоку

упасть негде.

- Им не до яблок, - угрюмо бурчит ординарец. - Они от фашиста еле ушли. Теперь им погреться да подремать чуток надо. Да вы проходите в избу, не стесняйтесь, - поворачивается он к нам. - До света как-нибудь перемаетесь. А я обратно поеду.

Попрощавшись, он сердито хлопает дверью. Горестно покачивая головой, старушка тяжко вздыхает.

- Не расстраивайтесь. Мы ненадолго, - сопит Голенков, стягивая заледеневший комбинезон. - Вот отогреемся - и тронемся дальше.

Мальчуган росточком чуть выше скамейки трогает пальчиком кобуру пистолета.

- Интересно?

Утвердительно кивнув белобрысой головкой, он протягивает малюсенькую ручонку. Разломив шоколадную плитку, Дим Димыч сует в нее продолговатую дольку.

- Ма-а! Дядя! - звонким голосом кричит карапуз и тычется лицом в колени худощавой молодой женщины.

Через минуту более десятка ребятишек, смачно причмокивая, сосут шоколад, а матери смотрят на них повеселевшими глазами.

- Вы когда снедали-то? - кряхтит подобревшая старушонка, вынимая ухватом из печки ведерный чугун. - Может, поужинаете с нами? Только кулеш совсем постный. Пшено да вода - вот и вся еда.

Прикрыв за ней печь жестяным заслоном, Кистяев склоняется над вещмешком и вытаскивает на стол консервные банки.

- А если мы в постный кулеш консервированного мясца добавим, он от этого не испортится?

- О господи! - всплескивает руками старуха. - Неужто у вас с собой и мясо имеется?

Кулеш получился на славу. Разваренное пахучее пшено, сдобренное мягким волокнистым мясом, наливает тело сытой усталостью. А когда мы достали пачку грузинского чая и наполнили миску пиленым сахаром, старушка совсем раздобрилась.

- Что вы, что вы, касатики?! - умиленно запричитала она. - Мы уж и вкус его позабыли, а вам в дороге он еще пригодится.

Насытившись, мы вылезаем из-за стола и присаживаемся у печки. Усталое тело становится непомерно тяжелым. Веки слипаются. Еще десяток минут, и мы можем сомлеть окончательно.

- Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль. А нам, пожалуй, пора. Стеснять вас больше не будем.

- Да ты что, очумел?! - всполошилась старуха. - На дворе

мороз лютый. Нетто мы вас отпустим? Бабам с ребятами и на полу места хватит, а вы на печь полезайте. Когда одежонку скинете, мы ее посушить повесим...

* * *

Рассвет застает нас у дорожного перекрестка. Миловидная регулировщица в коротеньком полушубке и валенках смотрит на нас смешливыми глазками.

- С добрым утром, товарищи летчики! Отсыпаетесь долго. Две машины на Волхов проехали.

- А откуда вы знаете, кто мы такие?

- Пост наш в соседней избушке живет. Женщины все рассказали: и как детей шоколадом кормили, и как чаи распивали. Захороводила вас старушенция. С наступающим!

- С каким наступающим? Известия хорошие слышала? - подскочил к ней Дим Димыч.

- С наступающим Новым годом! - лукаво смеется регулировщица.

- А какое сегодня число?

- Да вы что?! Память за фронтом оставили? С полуночи тридцать первое декабря наступило.

- Милая! Мы ж для тебя и подарочек припасли. Прими "Золотой ярлык", душенька!..

Из-за поворота, громыхая порожними бочками, выезжает трехтонный зис. Взмахнув флажком, девушка останавливает машину.

- Садитесь, товарищи! До станции Званка экспресс обеспечен. Ни пуха! А за подарочек после войны всех троих расцелую.

...Остановившись около командного пункта, Голенков вынимает самолетные часы и смотрит на светящийся циферблат. Стрелки показывают девятнадцать часов сорок минут. Спустившись по скользким ступенькам, толкаю массивную дверь. У стола сидит капитан Ковель. Левой рукой он держит телефонную трубку, а правой что-то торопливо записывает.

- Разрешите, товарищ капитан?

- Минутку, минутку, - не глядя на нас, отвечает он, отмахиваясь рукой, как от назойливой мухи.

- Разрешите доложить?! - повторяю я громче.

- Я же сказал, - раздражается он и, оторвавшись от записи, поднимает голову.

- Вы?! - удивленно вырывается у него. - Вернулись? - роняет он телефонную трубку и стискивает меня в медвежьих объятиях.

...Теперь мы снова в своей землянке. Нас опять окружают друзья.

С Новым годом!

С новыми победами!..

"4 января 1942 года. Отбросив фашистские полчища от Москвы, наши войска продолжают их гнать. В холод и стужу, по зимнему бездорожью неудержимой лавиной наступают они на врага. Несмотря на огромные трудности и лишения, несмотря на потери, люди словно переменились. Исчезли унылые, хмурые лица. Чаще стали на них появляться улыбки. И все потому, что мы вновь обрели уверенность в собственных силах, в скорой в полной победе над ненавистным врагом.

А у нашего экипажа еще один праздник. Командир эскадрильи майор Баканов подарил нам свой самолет. Утром он так и сказал:

- Принимайте мою машину. Дарю вам, друзья, свое личное боевое оружие. Надеюсь, не подведете.

За истекшие дни мы хорошо отдохнули. Зажили потертости и болячки. Самочувствие превосходное. Сегодня примем машину - и в бой!.."

"15 января. За десять дней выполнил двадцать шесть боевых вылетов. Бомбил артиллерийские батареи, железнодорожные эшелоны, вражеские узлы сопротивления. В нашем экипаже снова произошли изменения. Петра Голенкова назначили штурманом отряда, а на его место прибыл старший лейтенант Волковский.

Мне с ним доводилось летать еще до войны. Однажды, в присутствии инспекторской комиссии, мы даже отстаивали честь эскадрильи по воздушной стрельбе. Удивили тогда инспекторов сверхотличным результатом. И сейчас Волковский считается метким стрелком и прекрасным бомбардиром. За три последние ночи мы уже слетали одиннадцать раз. От других штурманов Волковского отличает очень быстрое выполнение боковой наводки. Всего два-три небольших доворота - и за считанные секунды бомбы отделяются от держателей. А точность ударов подтверждают пожары и сильные взрывы".

"23 января. Сегодня ночью сделал три последних боевых вылета. Завтра я и Волковский вместе с экипажами Павла Колесника и Ивана Кудряшова убываем к новому месту службы. Там мы должны переучиться и летать на других самолетах.

Говоря откровенно, меня такая перспектива не очень радует. С одной стороны, вроде и хочется освоить новую, более грозную машину. А с другой как подумаю, что уже завтра придется расстаться с нашим маленьким, но дружным боевым коллективом, в котором ты знаешь каждого и каждый знает тебя, так сразу пропадает желание уезжать от товарищей.

Во время событий в Финляндии мы вместе воевали на Карельском перешейке. В сорок первом пережили все тяготы

отступления и научились громить врагов. Боевые друзья помогли мне стать настоящим военным летчиком. Здесь при их безусловном доверии я вступил в ряды партии, стал коммунистом-ленинцем. А сколько других, внешне незримых, но неразрывных нитей связали нас в эти годы узами дружбы и братства? Наконец, с меня еще не сняли судимость...

После полетов я долго упрашивал батю оставить меня в эскадрилье. Но он ничего не может поделать..."

"24 января. Ночью поезд движется медленно. В старом скрипучем вагоне тесно и душно. До станции Пестово будем ехать около суток, а там где-то рядом располагается паша новая часть.

Вчерашний вечер, наверно, запомнится надолго. Из-за сильного снегопада полеты были отставлены, и нам в эскадрилье были устроены проводы. Все собрались в столовой. Калашников, Зорин, Лысенко, Овсянников сели за столик около нас, старались ободрить, просили регулярно писать. Внешне мы казались веселыми, но настроение было паршивое. Война нас сроднила и вдруг разъединяет...

Друзья желали нам только хорошего. С ответным словом выступил Чванов. Стоя, он долго оглядывал всех затуманенными глазами, потом взмахнул рукой и запел:

Мы врагов взрываем бомбами,
Пулей меткою разим.
И фашистам нашу Родину
Никогда не отдадим!
И все подхватили припев:
Сорок первая отдельная,
Закаленная в боях.
Наша ярость беспредельная
На врагов наводит страх!

Прощаясь, мы пели песню о нашей родной эскадрилье, ее славный боевой марш...

Утром около автомашины собрались летчики, штурманы, техники, стрелки-радисты. Нам жали руки, давали советы, изрекали шутливые напутствия. Последним подошел прощаться Александр Блинов. Легонько ударив меня по плечу, он сказал:

- Не горюй, тезка! Мы еще встретимся.

И я подумал: "Он прав. Мы обязательно должны встретиться и еще повоюем вместе!"

Часть вторая.

Крылатая гвардия

Гвардейцы

"27 января 1942 года. В село, в котором располагается наша новая часть, добрались мы сегодня утром. Встретили нас

приветливо, поселили в просторной крестьянской избе, ознакомили с планом работы на ближайшие дни, показали новые самолеты, оружие. Завтра приступим к занятиям..."

Перед глазами вместительный штабной блиндаж, освещенный ярким светом электрической лампочки. Незнакомый полковник молча слушает мой доклад, окидывая нас внимательным взглядом.

- Значит, на пополнение прибыли? - медленно переспрашивает он, по-вологодски налегая на "о". - А мы вас давно ожидаем. Вчера повторный запрос направили.

- Пока рассчитались... И поезд как черепаха. Дорогу бомбят. Последние сутки на попутных грузовиках добирались.

Пригладив ладонью волосы, полковник переглядывается с сидящим около стены полковым комиссаром.

- Видок-то того, дорожный. В баню их - и к делу определять. Человек без работы - что печка без дров: ни огня от нее, ни дыма...

Опять повернувшись к нам, полковник вдруг улыбнулся.

- А теперь не мешает и познакомиться, - заговорил он приветливо. - Это Григорий Захарович Оганезов, комиссар полка. Моя фамилия Преображенский. Зовут Евгением Николаевичем.

Преображенский!.. Неужто тот самый?..

Голову полковника обрамляет густая черная шевелюра. На широкой груди, рядом с двумя орденами Ленина, - Золотая Звезда Героя.

"Задание выполнил! Мое место - Берлин!" - пронеслось в эфире, когда в августе сорок первого мощные взрывы авиабомб нарушили покой фашистской столицы.

Всего лишь две фразы, короткие, лаконичные, они молнией облетели весь мир, потрясая его сенсацией: "Красные над Берлином!", "Русские мстят за Москву!", "Советская авиация воскресла в берлинском небе!"

Да, в августе 1941 года это была сенсация. Геббельс своим пером уже в первые дни войны уничтожил все советские самолеты. Успокаивая население, он говорил: "...ни один камень не содрогнется в Берлине от постороннего взрыва. Немцы могут жить в своей столице спокойно. Советская авиация уничтожена". И вдруг над Берлином открытым текстом по-русски: "Задание выполнил!" И в подтверждение - разящий бомбовый грохот... Он как карающий меч вонзился в логово фашистского зверя, сея в сознании тревожную мысль о неизбежности тяжкой расплаты за все совершенные злодеяния. Гром разрывов в Берлине уловили и политические сейсмологи всех стран мира...

Коренастый, в ладно пригнанной гимнастерке, внешне

полковник выглядит так же, как и многие командиры. Взгляд карих глаз цепкий, прямой, изучающий. Отработанная годами твердость суждений умело сочетается с простотой в обращении. Но это он, именно он вывел своих крылатых питомцев в берлинское небо...

Отвернувшись, полковник снова о чем-то заговорил с комиссаром. С виду Григорий Захарович Оганезов - его прямая противоположность. Начисто обритая голова. Морской темно-синий китель сидит мешковато. Сходна лишь одна деталь. У командира и комиссара над воротом выделяется тонкая кромочка белоснежного подворотничка.

- К нам по приказу или с желанием? - чуть помолчав, уточняет полковник.

- Если по совести, то с огорчением! - неожиданно сорвалось у меня. В темных глазах комиссара промелькнули любопытство и удивление. Недавно вошедший подтянутый капитан неодобрительно встряхивает головой.

- У нас и живут и воюют только по совести. Иных мы не терпим, усмехается Преображенский.

- Воюют по совести не только у вас, - запальчиво вмешивается Иван Кудряшов. - Сейчас все советские люди совесть свою выкладывают. А нам, конечно, обидно. В эскадрилье таких друзей бросили! Выходит, мы учиться уехали, а их за себя воевать оставили?

- За откровенность спасибо. А ты - задиристый! - подмигивает полковник Ивану. - Таких у нас любят.

- Ребята в полку боевые. Скоро с ними подружитесь, - говорит комиссар. - Вас к капитану Кузнецову в первую эскадрилью определили. Она формируется заново.

Внезапно появляется мысль о моей судимости. "Может, оно и к лучшему? Завтра сяду на поезд - и в сорок первую... А Иван? А Павел Колесник?.. Но если рубить, то сразу. Потом хуже будет. Могут подумать, что скрыл из-за боязни..."

- С моим назначением кто-то ошибся. Меня трибунал...

- Знаю, - обрывает меня полковник. - Летчиков сам отбирал. Все ваши вывихи, все закорючки оценивал. А судимость, можно считать, - дело прошлое. Материал на снятие уже оформляется. Мне обещали ускорить его отправление.

* * *

- Были такими, как все. А теперь? Мины... торпеды... летчики-торпедоносцы... Не профессия, а сплошная романтика. Такое нормальному человеку не только попять, даже выдумать невозможно, - бормочет Иван Кудряшов, развалившись на койке.

- И тут романтику усмотрел, - вставляет язвительно Чванов. -

Сочетание его взволновало. Мины, торпеды... Не пилот, а философ. Что ни день, то проблема.

- А ты против романтики? - прерывает его Колесник. - Все проблемы и сочетания хочешь одной гребенкой чесать? А по-моему, сама авиация - это уже романтика, это риск, и задор, и вечная молодость. И летают по-настоящему только романтики. Удел остальных - регланы донашивать. Да не тряси тут штанами! Свет быстрее гаси, керосин выгорает.

Чертыхнувшись, Чванов аккуратно разглаживает под матрацем широченные флотские клеши и шлепает босиком по отскобленным доскам. С темнотой воцаряется тишина. Но сон не приходит. Пережитое за день всплывает в памяти.

Интересно, когда мы начнем летать? Программа составлена очень обширно. Конструкция самолета, мотора, устройство приборов и оборудования, мины, торпеды, тактика их применения - все это мы должны изучить в совершенстве. Целых три месяца, словно курсанты, будем сидеть на классных занятиях, есть в столовой три раза в сутки, высыпаться каждую ночь. А другие будут бомбить фашистов, ставить мины на фарватерах, торпедировать корабли...

Торпеды. Сегодня мы видели их впервые. Пятиметровые металлические сигары, начиненные взрывчаткой и сложными хрупкими механизмами. Бросают их с высоты двадцать пять метров. Высоту определяют на глаз. Это же очень сложно! Мины попроще. Их бросают как бомбы. В воде они сами становятся на заданной глубине.

Сегодняшний день был заполнен событиями. Командир эскадрильи познакомился с нами и сразу повел к самолетам, показал образцы оружия. Чувствуется, что капитан Кузнецов назначен к нам не случайно. Бывалый летчик, с многолетним инструкторским опытом. Для нас это то, что нужно...

Деревня, где размещается полк, как бы укрылась под снеговыми сугробами. Дома здесь просторные. Срублены добротно, со вкусом. И люди степенные, приветливые.

Аэродром сразу же за околицей. На нем нет никаких строений. Просто огромное, окаймленное лесом колхозное поле. По его границе, в неприметных с воздуха вырубках, замаскированы самолеты - двухмоторные дальние бомбардировщики-торпедоносцы конструкции С. В. Ильюшина. Старые машины имеют наименование ДБ-3, новые - Ил-4. Около самолетов в лесу расположен целый подземный город. В просторных чистых землянках живут техники, механики и воздушные стрелки, размещены баня, электростанция и даже столовая. Только летчики и штурманы расселены по деревенским

домам.

Нашу избу замело снеговым сугробом почти до крыши. Из расчищенных окон видна застывшая речушка Молога. Хозяйка зовет нас сынками, иногда подолгу смотрит на нас и, отвернувшись, украдкой вытирает слезы передником. Ее муж и два сына - на фронте.

В просторной горнице жарко и душно. Старые ходики отсчитывают секунды ровными, четкими ударами маятника. На соседней кровати разметался поверх одеяла Иван Кудряшов. В противоположном углу тихо с присвистом посапывает Павел Колесник. Под грузным Волковским временами скрипит матрац. Их сон безмятежен и крепок. А мне почему-то не спится...

* * *

Сгустившиеся вечерние сумерки прерывают занятия. Иззябшие и голодные, прямо с аэродрома заворачиваема столовую. Ужин уже подходит к концу, и маленький зал быстро пустеет.

- Опять с ребятами потолковать не успеем. А жаль, - негромко басит Федор Волковский, растирая ладонями побелевшие щеки. - Народ, видать, стреляный, с опытом.

С Федором мы не только слетались, но и сдружились. Он и теперь остался в моем экипаже. Его настоящее имя - Филипп. Так он был назван попом при крещении. Не хотели родители этого имени. Слезно молили батюшку по-другому назвать их младенца. Не внял долгогривый настойчивым просьбам, и стали мальчонку звать Филей. Долго пытались родители свыкнуться с этим именем и не смогли. Однажды отец, изругав попа, назвал сына Федей. С тех пор у парнишки стало два имени: одно метрическое, другое мирское.

Федор старше нас всех. Ему перевалило за тридцать. Решительный, немногословный, он выделяется внутренней собранностью, рассудительностью. Вчера на собрании коммунисты избрали его парторгом.

По быстрому взгляду Чванова догадываюсь, что он уловил в словах Федора возможность какой-то зацепки. Почти в любом выражении, особенно при оговорке, Виктор сразу находит повод для шутки.

- На поклон собираешься, старче? - обращается он к Волковскому.

- У толковых людей и поучиться не грех, - добродушно парирует Федор.

- Значит, за недоучек нас принимаешь?

- Зачем же так резко? - улыбается Федор. - Опыт товарищей нам не помеха.

У Виктора заблестели глаза. Еще секунда - и с его губ сорвется веселая, а может, и острая реплика...

- Студентам приятного аппетита! Не притупились ли зубки? Науки у нас мудреные, фронтовым огнем прокаленные. Раскусить с ходу трудно.

Повесив реглан на вешалку, штурман полка капитан Хохлов направляется к нашему столику.

- За беспокойство спасибо, но мы из породы клыкастых, - отвечает раскрасневшийся Чванов. - Нашими зубами не ваши науки, а фашистские глотки рвать можно.

- Ух какой кровожадный! - отшучивается Хохлов.

- Пожалуй, освирепеешь, - не унимается Виктор. - Из боевых самолетов нас вытряхнули. За парты, как школьников, усадили. И не на день, не на два, а на целых три месяца. Разве сюда мы за этим приехали?..

Облокотившись на спинку стула, Хохлов внимательно смотрит на нас. Над нагрудным карманом его гимнастерки, переливаясь выпуклыми гранями, четко вырисовывается золотая звездочка Героя. Впервые я вижу ее так близко.

- И вы, лейтенант, так же думаете? - обращается он к Колеснику.

- Угу, - кивком головы соглашается Павел. - Мать и отец у фашистов, под Винницей. Сына-освободителя ждут. Наверное, до слез глаза проглядели.

- Чего ж вы хотите? - говорит удивленно Хохлов. - Получить самолеты - и в бой? А как же без знаний летать? Как воевать, не освоив тактику их применения?

- Мы не из тыла приехали, - продолжает упорствовать Чванов. - До этого каждый за сотню вылетов сделал. Поймите, пока мы сидим на земле, сколько фашистов в живых останется? У него родные под Винницей, - указал он на Павла, - у меня остались на Брянщине. Не можем мы терять ни минуты. Летчики пусть полетают чуть-чуть, а тактику и потом одолеем.

- Выходит, у тебя душа изболелась, потому что родные за фронтом. Поэтому тактику - в сторону и вперед на врага!..

Придвинув стул, Хохлов подсаживается вплотную.

- Война и до нас в первый день докатилась. И не просто прогромыхала, перекатом прошла, а до самого сердца, на полную выкладку завернула. Про Мемель вы знаете? Это военно-морская база. Ее можно сравнить с волчьей пастью. Зениток там тьма. Сила огня ураганная. Истребители в полной готовности. Сигнал - и они над объектом. А двадцать второго июня средь белого дня мы этот Мемель бомбили и вернулись целехонькими. Комэски Плоткин и Гречишников тогда отличились. Они ведущими были.

В чем же секрет? Кому мы успехом обязаны? Может, чудо какое свершилось?

Привычным жестом Хохлов поправляет нависшие над глазами русые волосы.

- Чуда здесь не было. Фашисты нас просто не ждали. Они не могли и подумать, что в первый же день войны после удара по нашим аэродромам мы прилетим к ним с ответным визитом. Свою территорию они неуязвимой считали. И просчитались. Визит состоялся. Только мы прилетели не с суши, а с моря, ударили с ходу и снова в сторону моря ушли. Внезапность и быстрота оказались сильнее зениток и истребителей. Вот что такое тактика.

Вздохнув и расправив плечи, он снова поправил свисающий чуб. В его глазах заблестели смешливые искорки.

- Разве мы против тактики? - тяжко вздыхает Колесник. - Страшно три месяца по тылам околачиваться. Совестно людям в глаза смотреть. Они же за нас надрываются...

"12 февраля. Наши переживания, кажется, были напрасными. За партой держать нас не собираются. Сегодня до обеда сдавали зачеты по самолету, мотору и приборному оборудованию. За отличные знания объявил нам Кузнецов благодарность, подготовку к полетам провел и приказал отдыхать. Завтра у нас вывозные по кругу и в зовну. Настроение замечательное. Однако новый самолет немного пугает. Старики говорят, очень сложный, а на взлете особенно. Во время разбега его ведет вправо так сильно, что рулем поворота не удержать, моторами нужно жонглировать.

Мы всю жизнь на одном моторе летали и навыков этих не отрабатывали.

...В столовой официантка одна (зовут ее Машенькой) мне очень нравится. Фигурка стройная. Личико светлое. Брови вразлет как углем нарисованы. Глаза большие, серые и всегда грустные. Муж ее летчиком был. Под Двинском сгорел. Они перед самой войной поженились. Значит, сильно любила его, если забыть не может..."

"13 февраля. Сегодня впервые поднялся в воздух на новой машине. Такого удовольствия я еще не испытывал. На взлете она сложновата, но уклонение вправо легко парируется опережением оборотов на правом моторе. А в воздухе мечта! Высоту набирает, как истребитель. Чуть заглядишься, а скорость за третью сотню переваливает. Со старой "эмбээрухой" никакого сравнения.

Сергей Иванович Кузнецов - молодец. В управление совершенно не вмешивается. Дает прочувствовать машину на всех режимах от взлета и до посадки. Если заметит, что зевать

начинаешь, ударит по штурвалу легонечко или голосом предупредит. Говорит неторопливо, спокойно, как мой бывший инструктор Седов..."

Первый ознакомительный полет сделал тогда Кузнецов. Пилотировал Сергей Иванович классически. Говорят, на Ут-2 он пролетел под двумя мостами, переброшенными через речушку Мологу около станции Пестово. И мостики-то невзрачные. Под ними на лодке проплыть и то страшно. А он на "утенке" промчался, взвился в небесную синь, иммельманчиком перевернулся и снова под них как пуля. Ох и склонял его комиссар бригады! По косточкам разложил. А ему хоть бы что. Улыбается и твердит: "Я проверить хотел: получится, как у Чкалова, или нет. Теперь вот знаю, что получилось... Больше не буду".

После ознакомительного мы поменялись кабинами. Я сделал один полет в зону и два - по кругу. А дальше конфуз получился...

Подрулили мы к месту, где пересадка назначена. Вылез я из кабины, посадил в нее Кудряшова, помог ему пристегнуться и спрыгнул с крыла. Самолет порулил на старт, а я к ребятам направился. Гляжу, около них командир бригады и командир полка. Комбриг в тот момент спиной повернулся, а Преображенский глядит на меня и украдкой в его сторону показывает. Дескать, доложи, не забудь...

Я, как положено, зашел к командиру бригады с фронта, принял положение "смирно" и согласно уставу:

- Товарищ полковник! Лейтенант Пресняков совершил три провозных полета. Замечаний от инструктора не имею.

Посмотрел полковник Логинов на меня, подумал и спрашивает:

- Ну как машина, понравилась? Когда самостоятельно вылетать думаете?

Вопросы, конечно, стандартные. Их курсантам всегда задают. Поэтому и отвечаю неторопливо:

- Машина отличная. А вылетать готов хоть сейчас. Вот тут-то конфуз и вышел. То ли комбриг был не в духе, то ли еще почему, только он вдруг рассердился и начал стружку снимать.

- Я, - говорит, - думал, что с серьезным летчиком дело имею. А вы еще мальчишка. На такую строгую машину как на велосипед смотрите. Придется вас отчислить отсюда немедленно, пока по легкомыслию вы ничего не сломали.

Простругал он меня изрядно. Но это были цветочки. Ягодки Преображенский поднес:

- Завтра тебя сам проверю. Если действительно сможешь лететь, выпущу самостоятельно. Не сможешь - уберу из полка,

чтоб другим неповадно было язык распускать.

После полетов доложил об этом Сергею Ивановичу Кузнецову. Почесал он затылок, подумал и подвел резюме:

- Если Преображенский сказал, то проверит. Он своему слову хозяин. Вылетать тебе рановато... И уходить из полка с позором тоже вроде бы не резон.

Прервавшись, задумался. Потом на губах заиграла улыбка:

- Ну, раз беда навалилась, возьму грех на душу, совру разочек. Другого выхода нет. Завтра тебя провезу прямо с утречка первым. И ты уходи немедленно. Если Преображенский придет, скажу, что отпустил по болезни. А послезавтра посмотрим. Может, и сам тебя выпущу.

В общем, положение у меня незавидное. Теперь вся надежда на Кузнецова.

"14 февраля. Ура!.. Я летаю! На новой машине, самостоятельно!..

Получилось все хорошо, но не так, как мы с Кузнецовым задумали.

Из дома мы вышли, когда рассвет заниматься начал. Идем по тропинке. Снег похрустывает, мороз за щеки хватает. У Кузнецова брови нахмурены. Ни слова не говорит, - наверное, совесть его мучает. И у меня на душе неспокойно.

Подходим к самолетной стоянке. Около кустов легковая машина, а рядом Преображенский со шлемом в руке похаживает. Увидел нас и смеется:

- Идете, голубчики? Я вас уже минут десять подкарауливаю. Знал, что ни свет ни заря приплететесь. Только и у меня сегодня времени нет. В Богослово комбриг вызывает. Так что давайте быстрее...

Сажусь я в кабину, чувствую, коленки дрожат. Ну, думаю, отлетался ты, парень, на хорошей машине. Турнут тебя из полка, чтобы впредь не трепался, когда умные люди с тобой разговаривают.

Успокоился только тогда, когда запустил моторы и в наушниках голос Преображенского услышал:

- Задание: один полет в зону. Возьми себя в руки, не дрейфь. Думай, что летишь сам, один. Я до управления не дотронусь. Выруливай.

Полет я выполнил словно во сне. Делал все механически. Только когда на посадку зашел, сосредоточился и притер машину у "Т" на три точки. На пробеге Преображенский опять рассмеялся:

- Ну что, сосунок? Будешь знать, как с начальством шутить. А слетал хорошо. Молодец. До старта меня довези и лети на здоровье. Сделай сам два полета по кругу.

Когда зарулил на стоянку, подошедшие летчики поздравили меня от души, а Кузнецов пожал руку и буркнул тихонечко:

- Я на земле, наверное, больше тебя пережил. Смотри не зазнайся. Этого авиация никому не прощает".

"18 февраля. Познакомился с полковым баянистом Виктором Алексеевым. Интересный парнишка. По молодости биография очень короткая, но сугубо индивидуальная, можно сказать, артистическая. Профессиональный музыкант, виртуоз, летает воздушным стрелком в экипаже полковника Преображенского. Музыкальный слух и техника игры у него изумительные. А в полк попал необычным путем..."

...В полку давала концерт ленинградская бригада эстрадных артистов. Исполнялись пародии, шутки, лирические романсы, фронтовые задушевные песни. Аккомпанировал сухощавый молоденький юноша.

Вот парнишка один на сцене. Бледное худое лицо неподвижно. Густые ресницы закрывают глаза, словно он ничего не видит, не слышит, а, отрешившись от окружающего, витает где-то в своем, им одним осязаемом мире. А пальцы, длинные, тонкие, виртуозно порхают над сверкающей клавиатурой...

Полковник не сводит глаз с баяниста. Родина Преображенского - город Кириллов. А кто не знает кирилловских мастеров?! Это они сотворили баян. И полковник от рождения понимает, ценит и любит баянную музыку.

Концерт окончен. Летчики оживленно толпятся вокруг артистов, просят еще раз напеть взволновавший мотив. Полковник благодарит седого конферансье и идет к баянисту.

- Хочешь с нашим жильем познакомиться? Пойдем покажу.

Щеки юноши покрываются слабым румянцем. Он явно смущен. Глубоко запавшие глаза светятся благодарностью.

В маленькой комнатке две кровати, столик и вешалка.

- Ты летное обмундирование посмотри. Комбинезоны, унты пощупай. Не стесняйся. Гляди, какие добротные, теплые.

Пальцы баяниста купаются в мягком, шелковистом меху, залезают в неуклюжие краги, теребят проушины пушистых унтов, застежки летного шлема...

- А это как тебе нравится?

Руки полковника медленно стягивают легкое покрывало с неуклюжей солдатской тумбочки. Перед глазами баян. Блеском вишневого лака, ажурной врезкой узорчатого перламутра он привораживает, просится в руки.

- Ух-х ты!.. - восхищенно вздыхает парнишка. - Кирилловский... Ваш?

- Нет, полковой. Сам мастер Панов подарил. Хочешь

попробовать?

- Даже боюсь. Всю жизнь о таком мечтал.

- Бери. Не стесняйся. Теперь он твой. Прими как подарок от летчиков.

- Спасибо! Спасибо! - краснеет, теряется юноша. - Это немыслимо. Я не могу, не заслужил.

- Может, с нами останешься? Будешь летать. И баян пригодится. В свободное время...

- Уже просился на фронт, не пускают. А у вас мне и делать нечего. Я же не летчик.

- Делу научим, - смеется Преображенский. - Воздушным стрелком летать будешь. Зачисление оформим сегодня. Значит, решили?

Согласно традиции, летчики за счет своего пайка угощают артистов обедом. Скромная сервировка стола никого не смущает. Гости довольны. Остроты и каламбуры прерываются бурными взрывами смеха. Наконец полковник встает.

- Вынужден вас покинуть, - произносит он с сожалением. - Нужно лететь на тыловую базу. Желающих прошу проехать на аэродром посмотреть боевые машины.

Артисты в восторге. Предложение принимается...

* * *

- Эта машина первой бомбила Берлин, - подводит полковник гостей к своему самолету.

Артисты столпились под центропланом. Механик Колесниченко показывает бомболюки, моторы, подсаживает желающих посмотреть кабину. Преображенский вместе с конферансье останавливаются под крылом.

- Кажется, вы руководитель бригады?

- Да, я. Чем могу быть полезен?

- Мне не хочется вас огорчать, но баяниста я заберу с собой. Он изъявил желание остаться в полку и добровольно вступает в ряды авиации флота..

Конферансье озадаченно смотрит в лицо полковнику.

- У него же броня... Я не уполномочен... И, кроме того, распадается бригада, - говорит он растерянно.

- Я не имею права отказывать добровольцу. Желаю дальнейших успехов.

По сигналу полковника к баянисту подбегают сержанты. Они дружно впихивают его в меховую махину комбинезона, обувают в унты, надевают на голову шлем. Через минуту неуклюжий, как медвежонок, он исчезает в кабине стрелков.

Взвихрив блестящее облако снежной пыли, самолет полковника отрывается. Прощаясь, артисты машут ему руками...

- Так и стал я воздушным стрелком в экипаже Преображенского, - закончил свой рассказ Алексеев, когда мы с ним познакомились. - Меня обучили всем необходимым авиационным премудростям и воздушной стрельбе. В первом же боевом вылете угораздило нас на вражеской территории плюхнуться. Полковник тогда посадил подбитую машину на пузо. Четверо суток по непролазному снегу к своим пробирались. Теперь я воробушек стреляный!..

"19 февраля. Сегодня у нас исключительное событие. Полку присвоено звание "Первый гвардейский"! Ветераны ликуют. Им есть чем гордиться. Они первыми бомбили военные объекты на территории фашистской Германии. От гула их самолетов и мощных разрывов бомб не раз содрогались фашисты в Штеттине, Данциге, Мемеле, Кенигсберге и других городах проклятого рейха. Тысячи солдат и офицеров, сотни танков, машин и орудий, десятки железнодорожных мостов, эшелонов и станций, самолетов, боевых кораблей и транспортных судов разбито и уничтожено их ударами. В кровавых воздушных боях они сбили семьдесят два немецких истребителя..."

События в жизни полка - словно вехи его боевого пути, его славной истории. Но совершенно особое место занимают налеты на Берлин. А было это так.

В ответ на воздушные налеты на Москву Ставка ВГК решила нанести удары по вражеской столице. Для этого был выделен полк полковника Преображенского, перебазированный из-под Ленинграда в Эстонию.

...Сумерки сгущаются медленно. Командующий морской авиацией генерал-лейтенант Семен Федорович Жаворонков, взглянув на часы, кивает Преображенскому:

- Пора в путь-дорогу, полковник. Желаю успеха.

В небо взлетает ракета. И сразу дремотную тишину разрывает могучий рокот. Вибрируя, он дребезжащим звоном стекол будоражит дома эстонской деревушки Кагул. Звучное эхо несется все дальше и дальше по полям и перелескам балтийского острова Эзель.

Мягко покачиваясь, один за другим на поле выруливают самолеты. С виду они массивны и неуклюжи. Но это здесь, на земле. А там, в голубых небесных просторах, могучие машины послушны воле пилота.

Взвихрив над полем сухую траву, бомбардировщик Преображенского первым начинает разбег. С каждой секундой самолет ускоряет движение и в конце полосы стремительной птицей взмывает в воздух. За ним с небольшим интервалом взлетают: Плоткин, Дашковский, Трычков, Гречишников, Фокин,

Беляев, Ефремов, Кравченко, Александров. Генерал-лейтенант напряженно следит за каждым самолетом. Машины нагружены до предела. Полоса ограничена по длине. Грунт очень мягкий, песчаный. Сейчас все зависит от искусства пилотов... Вот, наконец, оторвался последний. Генерал облегченно вздыхает.

- Запишите в журнал все подробности подготовки к удару. И как можно точнее, - говорит он начальнику штаба. - Этот полет исторический.

...Перегруженные самолеты медленно "скребут" высоту. Над головами пилотов светятся крупные яркие звезды. Внизу, в кромешной ночной темноте, волны Балтийского моря. Скоро на курсе появится остров Борнхольм, за ним побережье Германии. Временами машины врезаются в рваную облачность. В голосе у Хохлова тревожные потки:

- Погодка-то ухудшается. Как бы не подвели "прогнозеры" - синоптики!

- Не волнуйся, сынок, - смеется полковник. - Будем надеяться, что хоть для этого случая они не соврали.

Внезапно машина влетает в сплошную морось. Исчезают звезды над головой. Самолет начинает трясти.

- Как, капитан, не заблудимся? - теперь уже серьезно спрашивает Преображенский. Он знает Хохлова не первый день, уверен в его расчетах. Но сегодня такой полет, такое задание!..

На высоте шести километров болтанка усиливается. Теперь самолет бросает как щепку. Ливневые потоки с шумом бьются по крыльям, по фюзеляжу, по стеклам кабины.

- По расчетам прошли Борнхольм. Как самочувствие? - участливо спрашивает Хохлов.

- Пока терпимо, - откликается полковник, энергично выравнивая самолет после очередного рывка.

- В корме порядок, - доносят наушники басовитый голос стрелка-радиста Кротенко.

Понемногу болтанка стихает. Дождь прекращается. Временами машина выскакивает из облачной рвани. Внизу впереди появляются частые огоньки.

- Усилить наблюдение за воздухом! - командует Преображенский. - Мы над Германией. При встрече с истребителями огонь не открывать. Уходить от них маневром.

Теперь погода совсем улучшилась. Облака остались лишь сверху. Перемигиваясь огоньками, деревушки и хутора медленно движутся под самолетом.

- Выходит, они не маскируются? - говорит Хохлов удивленно. - Только мы по их милости слепнем без спета.

- Пока живут припеваючи. Как в мирное время, - отвечает

сурово полковник. - Но мы - первые ласточки. Скоро за нами придут и другие. Вот тогда и они забудут про электричество.

Впереди засветился огнями Штеттин. На одной из его окраин вспыхивают прожекторы, освещая аэродром и садящиеся самолеты.

- Вот бы где отбомбиться! Цель-то какая! Так и просится в перекрестие.

- Терпение, капитан! Наша цель поважнее. Только бы долететь.

Один из прожекторов, направив свой луч в зенит, медленно склоняет его к горизонту и направляет вдоль границы аэродрома. Через несколько минут он повторяет этот прием.

- Шум моторов услышали. За своих принимают. Приглашают садиться, нервно смеется Хохлов. - Хотел бы я видеть их удивление, когда вместо свастики они разглядели бы на самолетах красные звезды.

За Штеттином погода снова испортилась. Путь преградила стена облаков. Болтанка стала невыносимой. Полковник еле удерживает штурвал. Град беспрерывно колотит по дюралевой обшивке. Яркие вспышки молний причудливыми зигзагами расцвечивают пространство.

- В грозу попали! - с досадой кричит Хохлов. - Если машина развалится, не долетим до Берлина. Может, вернемся?

- Другие не пролетят - им простительно, с них не взыщу, - обрывает его полковник. - А нам возвращаться негоже.

Неожиданно самолет вылезает из облачности. Тут же стихает болтанка. Над головами опять сияют крупные яркие звезды. На горизонте прямо по курсу виднеется багряное зарево. Приближаясь, оно растет, расчленяется на круги, квадраты, многоугольники.

Перед ними Берлин!.. Он сияет бесчисленным множеством фонарей, освещающих кружевное сплетение переулков, дорог и улиц. Его центр озаряется морем огней. Они, словно в зеркале, отражаются в водоемах, каналах, в сверкающей глади Шпрее. Хорошо просматриваются четкие линии парков.

Ближе и ближе столица третьего рейха. Она не спит.

Не спят и ее окраины. В огромных цехах заводских корпусов день и ночь готовят новое оружие. Моторы и самолеты, различные приборы, патроны и ядовитые газы прямо с конвейеров поступают в вагоны, грузятся на платформы, в емкости, баки, цистерны. С двадцати четырех вокзалов, по десяткам железных дорог непрерывным потоком они направляются к фронту, в залитую кровью Россию.

Под самолетом заводы Симменса. Бомболюки открыты.

Хохлов уверенно нажимает на кнопку электросбрасывателя и тут же дублирует сброс аварийно. Срываясь с держателей, бомбы стремительно падают в ночь. А столица пока не встревожена. Она вся сверкает огнями, нарядная, яркая...

На далекой земле появляются вспышки бомбовых взрывов. Они разрушают заводские цеха, разбивают машины, поджигают строения.

- Мое место - Берлин! Мое место - Берлин! Задание выполнил! Возвращаюсь! - кричит в микрофон Кротенко.

Полковник не отрываясь смотрит на город. Минуты тянутся долго, томительно. Где же другие?.. Дошли ли? Пробились ли? Может, вернулись? А может... Яркие вспышки разрывов появились в одном из кварталов. За ними еще и еще...

- Петя! Смотри! - восторженно восклицает Преображенский. - Наши бомбят лиходеев! Значит, пробились!..

Свет в Берлине погас не сразу. Он выключался кварталами. Кто-то внизу торопливо дергал рубильники, чтобы быстрее упрятать город, укрыть его в ночной темноте. А бомбы все рвутся и рвутся в районах заводов, вокзалов, электростанции, складов.

...Теперь уже Штеттин сверкает другими огнями. Яркие вспышки зениток, огневые сполохи разрывов, длинные лезвия прожекторов рвут и кромсают темень огромного звездного неба.

- Что-то у них стряслось. Может, нам салютуют? - шутит довольный Хохлов.

- Пожары в городе, видишь? Наши и здесь отбомбились. Значит, не все до Берлина дошли, не все сквозь грозу пролетели.

* * *

Один за другим на посадку идут самолеты. Медленно покидают кабины изможденные летчики. Негнущимися, словно чужими ногами осторожно ступают на пыльную траву. С трудом разгибаются онемевшие пальцы. Но радостным светом горят их глаза.

Техники ведрами осторожно сливают бензин для замера. Его осталось немного, не на часы, а на считанные минуты полета.

На полном ходу по стоянкам проносится "зис". Неловко поднявшись с земли, Преображенский идет навстречу Жаворонкову.

- Товарищ генерал! Боевое задание выполнено.

- Спасибо, родные, спасибо, - растроганно целует его генерал. - За мужество ваше безмерное, за храбрость необоримую, за верность народу советскому низкий поклон вам и слава!

Укрыты и замаскированы самолеты. Спят усталые летчики. А техникам не до сна. Они готовят машины...

Светит над Эзелём яркое солнце. Возвращаясь из очередного

налета, плавно снижаются самолеты. Планируя на посадку, они пролетают над аэродромом Асте. Вчера он был совершенно пустым, а сегодня забит самолетами. Видно, что дальние бомбардировщики прилетели недавно. Они закатываются на стоянки, маскируются сетями и ветками, заправляются топливом.

- Здорово! - радуется Хохлов. - Авиация дальнего действия на помощь к нам прилетела.

- Она будет наращивать наши удары, - уточняет полковник. - Балтийские летчики дорогу для всех на Берлин проложили.

Да, нелегок был путь к вражьему логову. Первыми пролетели по нему ветераны полка. Они принесли в Берлин наше возмездие. Это был подвиг, и Родина достойно его оценила. 13 августа 1941 года полковнику Е. Н. Преображенскому, капитанам В. А. Гречитникову, А. Я. Ефремову, М. Н. Плоткину, П. И. Хохлову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Остальной личный состав награжден орденами и медалями.

"21 февраля. 11 часов 40 минут. Весь полк построен на аэродроме. Перед нами - летное поле. Яркое солнце серебрит искрящийся снег. Из подрулившего самолета выходит командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц, командующий ВВС КБФ генерал-майор авиации М. И. Самохин и сопровождающие их лица, выносится зачехленное Знамя. Подается команда - и мы замираем. Командир полка громко рапортует. Командующий флотом осторожно снимает чехол. Развернутое полотнище колышется на ветру. В центре алого стяга - портрет Владимира Ильича Ленина. Вождь смотрит на нас слегка прищуренными глазами. Над портретом горящим золотом: "1-й гвардейский минно-торпедный авиационный полк".

Командир полка принимает святое гвардейское Знамя, целует его алый бархат. Следом за ним весь полк преклоняет колено.

- Родина, слушай нас! - говорит полковник, и мы, все как один, повторяем за ним слова клятвы:

- ...Пока наши руки держат штурвал самолета, пока глаза видят истерзанную фашистами землю, пока в груди бьется сердце и в жилах течет наша кровь, мы будем драться, громить, истреблять нацистских зверей, не зная страха, не ведая жалости., презирая смерть во имя полной и окончательной победы над фашизмом.

Так сегодня на фронтовом аэродроме мы дали свою священную клятву, клятву первых гвардейцев Балтики".

"22 февраля. Завтра на "Дугласе" полетим в Москву за самолетами. Меня включили в группу из девяти экипажей. Волнуюсь так, что даже спать не могу. С моей подготовкой - и

сразу на перегонку. Всего два полета по кругу. Из-за непрерывного снегопада даже в зону слетать не пришлось. Другие летчики уже с опытом. Заместитель командира полка майор Челноков объяснил мне все запросто:

- Не взял бы я тебя ни за что, дорогуша. Обстановочка заставляет. Нужно и воевать, и машины пригнать. Вот и решил командир полка к тебе за помощью, обратиться. Покорил ты его самостоятельным вылетом. Меня и слушать не хочет. Заодно, говорит, строем при перегонке летать научится. Если боишься, то иди к нему сам и отпрашивайся.

К Преображенскому я не пошел. Показать перед ним свою слабость страшнее, чем машину перегонять. Значит, надеется он, доверяет.

С другой стороны, в Москву слетать хочется. Там же мама..."

Мама! Ну ты ли это? Похудела, состарилась. Кожа на лице иссушилась. И морщин стало больше. Только глаза сохранились прежними. Такие же ласковые и молодые...

Глядишь на меня, а слезы катятся по запавшим щекам. Такие крупные, чистые. Это от счастья, от радости, от неожиданности. Сам-то я толком не знал, что увижу тебя сегодня. А ты и подавно не ведала, хоть и толкуешь о вещем сне. Сны всегда вещие, если сбываются... Все такая же хлопотливая. Говорит, а сама что-то делает, будто куда-то торопится. Вот и сейчас всплеснула руками:

- Ты есть поди хочешь с дороги? А чем угостить? Я - к Маше, через площадку на лестнице. Огурчики ей из деревни прислали. У меня котлетки картофельные. И четвертинка припасена. Все ждала, когда ты или Алексей дома окажетесь. Праздник-то, праздник-то у меня! День Красной Армии - и ты прилетел.

На столе - соленые огурцы и котлеты. Уже четвертинка распечатана, а матери и присесть некогда. Наливает, подкладывает и говорит, стараясь высказать все наболевшее:

- Письма от Алексея совсем плохо идут. Иль недосуг ему там, или почта подводит? Почта теперь полевая, совсем никудышная. То больше месяца нет ничего, то несколько писем сразу приносят... А Гитлера от Москвы наши с треском турнули! Говорят, на полях много фашистов убитых лежит. А подумаешь - так им и надо. Жизнь-то нам какую испортили!..

Ну вот наконец присела, сухие щеки ладонями подперла и на меня смотрит ласково:

- Ты-то там как? Страшно небось? Летать и без войны не все соглашаются. А на войне каково?

Милая моя мамочка! Всегда ты такая заботливая! Исхудала уж очень. У вас, конечно, не Ленинград, но с питанием туговато. Помочь бы тебе. Но чем? Завтра при встрече на аэродроме

посоветуюсь с Федей Волковским. Может, что и придумаем. Дней пять наверняка здесь пробудем: пока машины дадут, пока облетаем... Хочется в театр сходить, хоть разочек. Хорошо бы в Большой. Только тебя как оставить? Денечки-то считанные, пролетят незаметно. Когда потом свидимся?..

- Спать постелю на диване, - уже снова хлопочет она. - Под двумя одеялами не замерзнешь?..

* * *

- Попали в историю, - угрюмо говорит Челноков. - Оттепель. Аэродром под Москвой развезло, пока непригоден для взлета. На другом имеется бетонная полоса. Товарищи подсказали, что там самолетов много стоит. Поеду в штаб просить, чтобы нам оттуда их выделили. Завтра утром собираемся здесь.

- Федя! А ты для матери ничего не придумал?

- Проще пареной репы, - улыбается Федор. - Впродчасти сухим пайком отоварим дней на десять. Старушке надолго хватит. Мы же подсократимся в питании.

- Ты, случайно, не родственник доброй феи?

- К сожалению, нет. Пока еще только Волковский.

- Вот мясные консервы. Это копченая колбаса. Это сыр. В пакетиках сахар. Здесь масло сливочное, - перечисляет Федор, вытаскивая из вещмешков консервные банки и свертки.

- Откуда вы это? - удивляется мать. - В гастрономах давно такого не водится.

- Захудали совсем гастрономы, - вторит ей Федя. - Если завмага неделю под прессом давить, и то ничего не выдавишь. Здесь продукты нам на руки выдают. Мы излишки с собой прихватили.

- Излишков-то больно много, - подозрительно смотрит мать на гору продуктов. - Не пришлось бы вам там, на фронте, с пустыми животами ходить.

- На фронте нас кормят без карточек, как в мирное время, - пытается убедить ее Федя. - Если чего не хватает, у фашистов берем.

- Про них мы тоже наслышаны, - тяжко вздыхает мать. - Блокадой они вас подкармливают, зверюги. А ты Шурочку помнишь? - словно бы невзначай добавляет она. - Хорошая девушка. Иногда забегает по хозяйству помочь. Сегодня звонила. Может, заскочит.

Шурочка! Симпатия мамина. Ямочки на щеках и ресницы длинные. Упомянула вроде бы мимоходом. Не мама, а дипломат...

- Ну я пойду, - поднимается Федор. - Пока до Измайлова доберусь...

- Так мы вас и отпустим! - заявляет решительно мать. - Спать и у нас места хватит.

"26 февраля. В Москве сидим уже трое суток. Сколько пробудем еще неизвестно. С перегонкой пока не клеится. Каждое утро мы приезжаем в Измайлово: ждем Челнокова. Он появляется часам к десяти, торопливо дает указания и уезжает. На подмосковном аэродроме наши самолеты нельзя даже вырулить. От безделья обсуждаем московские новости и строим всевозможные версии. Одни полагают, что завтра, максимум послезавтра, нас снова посадят в "Дуглас" и отправят обратно в полк. Другие считают возможным уговорить Челнокова поехать немедленно на завод и там получить самолеты..."

С аэродрома возвращаемся вечером. Из окон трамвая окраины города кажутся серыми и неуютными. На темных, заваленных снегом улицах пусто. Лишь изредка в заледенелом "глазке" промелькнет одинокий торопливый прохожий.

Чем ближе к центру, тем многолюднее. Вагоны трамвая постепенно заполняются пассажирами. Видно, что люди едут домой с напряженной рабочей смены. Лица усталые, но глаза светятся бодростью. Разговоры только о наступлении наших войск. По памяти перечисляются освобожденные населенные пункты, захваченные трофеи, пересказываются письма фронтовиков.

Сходим мы у Манежа и пешком через Красную площадь спускаемся к набережной. Вот он - красавец Кремль! Неприступны его зубчатые стены. Взметнулись ввысь островерхие башни. Не померкнут на их шпилях ярко-красные рубиновые звезды.

Около Мавзолея проходим медленно. Усыпаны снегом пушистые елочки. Как изваяния замерли часовые. Здесь лежит святая святых. Здесь покоится тот, чей портрет мы несем на бессмертном гвардейском Знамени, кто сам является знаменем для всего человечества. И сразу душа наполняется болью. Вспоминается город-борец, город, носящий его великое имя. Смрадной гарью чадят провалы разбитых домов. На безлюдных, безжизненных улицах стоят заметенные снегом трамваи. И трупы убитых, трупы голодных, замерзших от стужи людей. Это нельзя, невозможно забыть...

* * *

Шурочка! Почти каждый вечер мы бродим вдвоем по Москве. Это уж не та девушка с припухлыми губками и ямочками на щеках. Повзрослевшая, строгая, временами веселая. С утра - она в мыслях, а вечером - мы вместе на улице, дома, в кино. И так с той минуты, когда мама впервые упомянула о ней, сказала словно нечаянно: "Ты Шурочку помнишь?" Короткий звонок - и она в

дверях, вся в снегу. Такой и запомнилась...

Мама, конечно, догадывается, но молчит. Ни о чем не спрашивает даже тогда, когда я вдруг одеваюсь и ухожу. Как правило, смотрит мне вслед и загадочно улыбается...

"Сегодня мы с Шурочкой попрощались. Перелет назначен на завтра. Об этом я ей сказал у подъезда. Она как-то сникла, долго смотрела в мои глаза и ответила:

- О тебе мама очень волнуется. Пиши ей почаще. Ты обязательно должен вернуться. Помни, и я жду.

Обняла, неожиданно обожгла мои губы своими и убежала".

"1 марта. Наконец-то перелетели на свой полковой аэродром. С момента посадки прошло шесть часов, а я только пришел в себя. Даже не верится, что именно этим утром я видел маму, ее наполненные слезами глаза. Потом колесил по Москве на трамвае, трясся в холодном скрипучем вагоне дачного поезда, пока не приехал на нужную станцию."

Получив указания от Челнокова, с неприятным чувством какой-то робости я подошел к самолету и принял рапорт от техника о готовности к вылету. Мы с Федей долго осматривали кабины, проверяли приборы, привыкали к расположению ручек и кранов. Перед обедом опробовали моторы. Их ровный привычный гул вдруг придал мне уверенность в собственных силах. Руки спокойно держали штурвал. А самолет, распластав широкие тонкие крылья, как бы вздрагивал от нетерпения, от стремления рвануться вперед, взвиться в манящее синее небо.

...Теперь мы снова в своем полку. Сразу же после посадки нас окружили подбежавшие техники, мотористы, механики. Всем хотелось узнать о Москве, о жизни нашей столицы, услышать последние новости. А дома ждали друзья "эмбэзристы". Тут в роли рассказчика выступил Федор. Говорил он неторопливо, степенно, лишь изредка посматривая на меня понимающим, сочувственным взглядом.

"7 марта. У нас случилось несчастье. Ночью при возвращении с боевого задания над поселком Левашове, под Ленинградом, столкнулись в воздухе два самолета. Погибли Плоткин, Рысенко, Надха и Кудряшов. Летчик Бабушкин и стрелок-радист Лучников в тяжелом состоянии отправлены в госпиталь...

Гибнут один за другим наши славные летчики, в том числе - ветераны. Уже нет Мильгунова, Трычкова, Харламповича, Чевырова, Гилевича, Губатенко. В октябре сорок первого огненным факелом врезались в фашистские танки комэск Гречишников со штурманом Власовым. И вот сегодня мы потеряли два самых лучших, самых опытных экипажа.

Командир эскадрильи майор Михаил Плоткин. Совсем

недавно ему вручили Золотую Звезду Героя. Вместе с ним получил второй орден штурман Рысенко, третий орден - штурман Надха. Двумя орденами был награжден стрелок-радист М. Кудряшов.

...Преображенский улетел в Ленинград. В полку - траур. Летчики ходят мрачные. Такая утрата невосполнима".

"21 марта. Сегодня назначен командиром звена в третью эскадрилью..."

Утром меня вызвал полковник Преображенский.

- Ну, лейтенант, как успехи? Как машина, понравилась? Когда собираешься воевать?

Засыпал вопросами, а сам улыбается. Только глаза смотрят строго, испытующе.

- Успехи пока небольшие. Погоду вы знаете: больше сидим, чем летаем. А машина хорошая. Воевать готов хоть сегодня, только кто рискнет разрешить, коль программа еще не закончена?

- Кто рискнет, не твоя забота. Сам-то ты как, уверен?

Чувствую, неспроста он меня донимает, а как ответить - не знаю. Скажу, что не уверен, - может подумать, что трушу. Отвечу наоборот - вдруг опять обвинит в несерьезности? "У нас и живут и воюют только по совести", вспомнил его выражение.

- В себе я уверен. Боевое задание выполню. Комиссар почему-то нахмурился. Вид у него усталый, болезненный. Говорят, он уж несколько дней нездоров.

- А ночью? - говорит он с натугой. - Ночью на этой машине еще не летал.

- И ночью не страшно. На "эмбээрах" и в дождь, и в пургу летали.

- Что ж, - облегченно вздыхает Преображенский. - Другого ответа мы и не ждали. По нашему представлению ты назначен командиром звена в третью Краснознаменную эскадрилью. После гибели Плоткина ее командиром утвержден гвардии старший лейтенант Дроздов. Иди представляйся и начинай воевать.

- А экипаж? А другие? - вырвалось неожиданно.

- И экипаж, и другие останутся в первой, у Кузнецова, - сказал комиссар. - К ним новые летчики прибывают. Тренировку закончат - к вам прилетят. Воевать вместе будете.

С командного пункта я вышел с тяжелым чувством. Конечно, приятно, что мне доверяют. Но уйти от друзей, покинуть тех, с кем делился и горем и радостью, кто роднее и ближе всех...

Встретил Дроздов меня просто, душевно.

- Прилетел в пашу стаю, соколик? - протянул он широкую пухлую руку. Ну, тащи барахлишко, селись в нашей хате. Живем мы все вместе. Места хватает. Знакомься с товарищами.

- Штурман вашего экипажа Петр Кошелев, - представился первым худощавый капитан. - Это я тебя к нам в эскадрилью перетянул, - шепнул он мне на ухо. - У нас и летать уже не с кем. На перегонке к тебе присмотрелся. Теперь и жить, и умирать вместе придется.

Третья Краснознаменная

"23 марта. Наша эскадрилья перелетела под Ленинград, на новый аэродром. Теперь полк базируется в трех местах: первая эскадрилья формируется и тренируется на тыловом аэродроме в Вологодской области, вторая эскадрилья, укомплектованная самолетами СБ, базируется в Ленинграде, третья - под Ленинградом..."

Под нами мелькают крыши домов, придорожные столбы, огороды. Пролетев над нашей деревней, берем курс на Тихвин. В строю клина пять самолетов. Нас ведет сам полковник. Комэск у него в правом пеленге. Пристроившись к самолету Дроздова крыло в крыло, стараюсь держаться чуть выше. За полковником в левом пеленге летят экипажи Пяткова и Бунимовича.

Дроздов точно держит дистанцию и интервал до ведущего. Как человек он мне нравится. Среднего роста, темноволосый, с мягкими округлыми чертами лица, Александр Тимофеевич почти всегда улыбается, заражая всех окружающих неиссякаемой бодростью и оптимизмом. А главное, он классический летчик, решительный, смелый, находчивый. Кроме того, музыкант: играет на корнете, пианино, баяне. Утром он будит нас виртуозной игрой на трубе. За обедом услаждает слух бравурными звуками фортепиано. А вечером частенько сменяет Виктора Алексеева, справляясь с баяном не хуже артиста. Рядом с ним всегда чувствуешь себя свободно и просто.

Штурманом у него летает старший лейтенант Котов. Меткий бомбардир, грамотный опытный навигатор, Никита Дмитриевич - весельчак по натуре, ни на шаг не отходит от командира. Когда Александр Тимофеевич играет, Котов тихонько подпевает ему густым баритоном.

Старший лейтенант Алексей Захарович Пятков - замкомэска. Худощавый, выше среднего роста, он по характеру кажется замкнутым и нелюдимым. Густые черные брови у него всегда чуть насуплены. Исключительно пунктуален. Без указания выполняет с поражающей точностью, буквально по секундам. С ним летать мне не приходилось, но говорят, что техника пилотирования у него отличается чистотой исполнения всех элементов.

Его штурман - лейтенант Евгений Шевченко, высокий широкоплечий мужчина, на земле молчалив и немного медлителен. Но в воздухе он словно преображается, работает

быстро и точно, а хорошая слетанность помогает им понимать друг друга без лишних слов.

Командир звена младший лейтенант Бунимович - мой одногодок. Его я знаю лучше всех остальных, так как познакомились мы еще в Москве и перегоняли самолеты в одном звене. Юрий высок, худощав. До прихода в наш полк он воевал на скоростном бомбардировщике и показал себя смелым, решительным летчиком.

В астролюке его самолета все время маячит голова капитана Гришина. Перевесившись за борт, он подолгу смотрит на землю и жестикулирует руками. Энергичный, непоседливый, штурман очень общителен, буквально не может терпеть одиночества. На земле он всегда в самой гуще людей, о чем-то спорит, что-то рассказывает и заразительно громко смеется.

На высоте четыреста метров пролетаем над Тихвином. От города почти ничего не осталось. То тут, то там из снежных сугробов уродливо вылезают обугленные обломки бревен, разбитые кирпичные стены и длинные, как зенитки, печные трубы.

- Как тут люди ютятся? - удивляется Кошелев. - На дворе холодина лютует. А они совсем без жилья...

За Тихвином снижаемся до бреющего полета, прижимаемся почти к самым макушкам деревьев. Теперь воздушные стрелки приросли к пулеметам, непрерывно наблюдают за воздушным пространством. Скоро Новая Ладога. Здесь нас уже могут перехватить фашистские истребители.

- Корма! Что притихли? Доложите обстановку! - командует штурман.

- На борту абсолютный порядок, - отвечает по переговорному устройству стрелок-радист старшина Лукашов. - Над нами истребителей нет.

- Сзади снизу противника не наблюдаю, - вторит ому воздушный стрелок сержант Бабушкин.

В голосах у обоих стрелков я чувствую спокойствие и и уверенность. Они провели уже не один десяток воздушных боев. На личном счету два сбитых фашистских истребителя. В последней жестокой схватке с противником им пришлось очень круто. "Мессеры" наседали со всех сторон. Георгий Лукашов отбивал их атаки огнем из верхнего турельного пулемета. Леонид Бабушкин отстреливался из нижней люковой установки. Вот тут и свалил Лукашов второго фашиста. Он подкрадывался сзади, укрываясь за хвостовым оперением бомбардировщика, находясь в так называемом "мертвом", непростреливаемом секторе. Выход был только один: вести огонь по фашисту через обшивку своего

самолета. И Лукашов решился на риск. Пробивая крупнокалиберными пулями киль собственной машины, он ударил "мессера" по кабине. Но и фашистский летчик в последний момент сумел изловчиться. Разрывом его снаряда как бритвой разрезало трос руля глубины. Самолет потянуло в пикирование.

- Отказ управления! Экипажу покинуть машину на парашютах! - командует летчик Константин Драпов.

Лукашов наклоняется вниз. Концы оборванного троса болтаются перед глазами. Решение зреет мгновенно.

- Бабушкин! Леня! Быстрей становись в турель! Командир, управляй, я попытаюсь исправить!

Намотанные на ладони обрывки троса впиваются в кожу. Соленый холодный пот заливает глаза. Но теперь самолет повинуется летчику. Распластавшись в кабине, Лукашов продолжает удерживать трос, спасая экипаж и машину. А штурман, лейтенант Локтюхин, уже помогает раненому летчику подобрать пригодную для посадки площадку...

Синеватая кожица на ладонях лишь недавно закрыла глубокие ссадины. Командир корабля Костя Драпов пока еще в госпитале. И Лукашова включили в мой экипаж. С такими, как он, ничего не страшно.

Остроконечные шпили новоладожских белокаменных колоколен наползают на самолет. Самолет полковника Преображенского делает горку и с ходу идет на посадку. Здесь мы должны заправить самолеты бензином и поужинать сами. В Ленинград полетим уже ночью одиночными самолетами.

Спрыгнув с крыла, попадаю в объятия техников. Борис Киселев, Григорий Беляев, Тихомиров, Бекетов, Владимиров трясут мои руки, до хруста сжимают плечи.

- Саня! Неужто ты? Откуда свалился? А где остальные?

Вопросы сыплются непрерывно. Я просто не в силах всем сразу ответить. Постепенно перехожу в контратаку:

- А как вы воюете? Как сорок первая? Где сейчас летчики?

- Летчики получают боевую задачу, скоро подъедут, - говорит за всех Борис Киселев. - А сорок первую не узнать. Из старожилов только командир с комиссаром остались. Экипажи Блинова и Ручкина не вернулись с задания. Зорина, Гончаренко, Овсянникова, Соменко, Рыжова, Жандарова только вчера проводили в ваш полк. Так и воюем, - заканчивает свое повествование Борис.

- Летчики все теперь новые, - добавляет со вздохом Владимиров. Молодежь из других эскадрилий прислали.

...Небо над головой усыпано яркими звездами. Морозный

воздух чист и прозрачен. Самолет пилотируется легко. Ночью лететь на нем просто приятно. Ленинград впереди, почти рядом. Но его совершенно не видно. Земля укрыта такой чернотой, будто ее специально залили чернилами. Только над линией фронта, прорезая ночную тьму, непрерывно взлетают и медленно гаснут фашистские "люстры".

- Левашове под нами. Тут они и столкнулись, - тихо говорит Лукашов, видимо вспомнив про Плоткина. - До посадки минуты остались и...

- Под нами аэродром Углово. Можно снижаться, - доносится голос штурмана.

Вот мы опять на фронте, опять у стен Ленинграда и завтра снова будем бомбить врага. Прав был Хохлов: на этой машине можно разить фашистов еще эффективней.

Вспыхнувшие посадочные прожекторы залили поверхность аэродрома голубоватым мерцающим светом. Колеса мягко приткнулись на утрамбованный снег.

- Леня, вставай, приехали, - доносится смех Лукашова. - Сейчас под тепленьким одеяльцем все косточки отогреем.

- Вез команды под одеяло не залезать! - шутливо дает указания Кошелев. - А поспим с устаточку знатно!..

"25 марта. Утром ездили в Ленинград, на могилу бывшего командира. Трехтонный старенький "зис", скрипя и чихая, еле тащился по старой разбитой дороге. Остановились около станции Ржевка. Искореженные до основания дома, поваленные столбы, вырванные с корнями деревья. На сотни метров кругом разбросаны обломки товарных платформ и вагонов, железнодорожные рельсы и шпалы. Чернеющая местами земля пропитана копотью. Кажется, здесь бушевал ураган непонятной, невиданной силы..."

- Эшелон наш тут фашисты накрыли, - пояснил угрюмо шофер. - Боеприпасы взрывались. Около суток земля гудела, будто стонала от боли, сердешная. Под ногами все ходуном ходило. А сюда ни пройти, ни проехать. И грохотало, и плавилось, и огненным морем пылало...

Правее центральных ворот Александро-Невской лавры стоят две березки.

- Здесь, - тихо сказал Дроздов, направляясь уверенно к ним.

Сняв шапки, мы подошли к засыпанным снегом могильным холмикам. "Гвардии майор, Герой Советского Союза Плоткин Михаил Иванович", "Штурман, дважды орденоносец Надха Г. Г.", "Стрелок-радист, дважды орденоносец Кудряшов М. М.". Рысенко здесь нет. Его тело не нашли. Наверное, сгорел с самолетом.

Голос у Дроздова дрожит, глаза затуманились.

- Клянемся тебе, командир. Клянемся вам, павшие наши товарищи, что не уроним чести третьей Краснознаменной, не запятнаем гвардейское Знамя.

С визгом вспорол тишину пролетевший снаряд и громыхнул гулким взрывом в районе вокзала.

- Ну погодите, изверги! - сжал кулаки Евгений Шевченко. - Скоро и мы по вас грохнем!..

"28 марта. Ночью летали на постановку мин. Первый вылет в полку - и с такой боевой нагрузкой. Полутораметровая махина весом более тонны на внешней подвеске под самолетом. Для меня это словно экзамен на зрелость. В душе волновался, как школьник, но внешне старался казаться спокойным..."

Постановку производили в Хельсинки, прямо в порту. Взлетали мы за Дроздовым, с интервалом в десять минут. А первым, за двадцать минут до него, улетел Пятков с бомбами. Сегодня он должен заставить зенитчиков бить но его самолету, отвлечь их внимание от других машин. Задача не из простых. Десять заходов на цель - и это в одном полете! В каждом заходе штурман Шевченко бросает всего одну бомбу. Главное, вызвать огонь на себя, без маскировки - в открытую проникать сквозь завесы зенитных разрывов, сквозь тучи разящих осколков. Рисковать один раз для нас уже стало привычкой. Но десять заходов подряд... И в каждом необходимы железная воля железные нервы... Не всякому смельчаку удается такое. Но Пятков перед вылетом был совершенно спокоен.

Столицу Финляндии увидели издали. Ощетинившись иглами мощных прожекторов, она как котел клокотала зенитными вспышками. Пятков и Шевченко уже выполняли задачу.

У мыса Порккала развернулись прямо на город и начали плавно снижаться. Обороты моторам сбавляю не сразу, а постепенно. Так они не застынут от холода, и звук приглушается медленно, по мере подхода к цели.

Город все ближе и ближе. Пятков пунктуально выполняет заходы. Прожекторы на земле совершенно не выключаются. Их тонкие длинные жала устремлены в его сторону, далеко от района, где должны пролетать постановщики мин.

Синхронно с прожектористами работают и зенитчики. Огневые сполохи кромсают густую ночную темень, рвут ее всплесками ярких разрывов.

Вот в одном из лучей Заискрилась блестящая точка. Тотчас десяток сверкающих длинных столбов скрестились на ней вершинами, оплели расходящимся поверху радужным веером.

- Кажется, наших схватили! Смотри! - кричит взволнованно Кошелев. - Как бы не сбили! Теперь прицельно расстреливать

будут.

Вслед за прожектористами и зенитчики сосредоточили весь огонь на светящейся точке. Небо вокруг озарилось сплошной огневой завесой. Кажется, гибель неотвратима. Через секунду-другую самолет неминуемо вспыхнет и дымным пылающим факелом устремится к земле...

Однако секунды идут, а самолет продолжает летать, удаляясь все дальше и дальше. Он маневрирует. Следом за ним от нас уходят и слепящий прожекторный веер, и вспышки зенитных разрывов.

- Кажется, вырвались, - облегченно вздыхает Кошелев.

- Ну и артисты! - восхищается Лукашов. - Им бы под куполом цирка свой номер показывать.

- Тоже циркач отыскался! - нервным смешком отзывается штурман. - После полета пойди посоветуй Пяткову. Он тебе обязательно выразит благодарность.

А земля наплывает на самолет. Загадочным пестрым ковром она подступает все ближе и ближе. Обороты моторов убраны полностью. Как планер, почти без шума, машина стремительно мчится над городом. Под крыльями быстро проносятся контуры темных кварталов и улиц.

Над портовыми причалами стрелка высотомера фиксирует двести метров. Под нами уже вода. Вот и район постановки.

- Высота - пятьдесят. Мина сброшена! - возбужденно докладывает Кошелев.

Я чувствую это. Дернувшись вверх, самолет облегченно вздрагивает. Рука механически толкает "газ" вперед до упора. Взревев моторами, машина проносится над крепостными укреплениями Свеаборга.

- Уф-ф-ф! - облегченно отдувается штурман. - Вот уж не думал, что все обойдется без единого выстрела. Пятков непьющий, ему все равно. А Евгению свои фронтовые сто граммов отдам обязательно. И расцелую вдобавок!

"10 апреля. Летаем с минами почти каждую ночь. Ставим их на фарватерах Хельсинки, Котки, Выборга, Таллина. В район постановки приходим, как правило, со снижением, на приглушенных моторах. Противодействие слабое. Противник нас обнаруживает уже на отходе и открывает огонь с опозданием, после пролета опасной зоны. Сделает несколько выстрелов из орудий, выпустит десяток автоматных очередей и успокоится. Конечно, так продолжаться долго не может. Он ищет, и в ближайшее время найдет обязательно, эффективный способ противодействия. К тому моменту и мы должны отработать новые тактические приемы.

Последние несколько вылетов сделали ночью, звеном. Ведущим летает Пятков; Бунимович и я - ведомыми. Получается вроде неплохо. Ставим сразу три мины на заданных интервалах. Но пилотировать трудно. Напряжение колоссальное. Машину ведущего видно только вблизи по выхлопу из моторов. В таком полете не размечтаешься. Малейший зевок - и задание сорвано.

Вчера прилетел комиссар нашей эскадрильи старший политрук Усков, привез кучу писем, рассказал последние новости.

Первая эскадрилья закончила тренировку и с тылового аэродрома начала боевую работу. У них уже есть потери. В одну из ночей не вернулся с задания экипаж капитана Зорина. Я хорошо знал Дмитрия Георгиевича. Прекрасный методист и опытный летчик, он был командиром отряда в 41-й отдельной авиаэскадрилье. До войны мы долгое время жили в одной квартире. Теперь овдовела его жена, осиротела маленькая дочурка.

От мамы и Шуры получил сразу четыре письма. Прочитал скупые почтовые строчки - и так захотелось их снова увидеть, сказать и услышать живое слово. Но это пока лишь желание. На войне отпусков не дают. Мне же и думать об этом не следует. Только недавно был дома. А другим каково?.."

"22 апреля. Ура! Прилетели из тыла наши ребята. Вся первая эскадрилья во главе с капитаном Сергеем Ивановичем Кузнецовым. Летчики сразу наполнили смехом и гомоном наш полупустой домик.

Кудряшова и Чванова я тут же определил в свою спальню и попросил Дроздова перевести экипажи Колесника и Кудряшова к нам в эскадрилью. Тогда у меня и у Бунимовича будет по одному ведомому. Он обещал обратиться к Преображенскому.

На тыловом аэродроме сформирована еще одна тренировочная группа. После окончания летной программы ее экипажи вольются в состав первой и третьей эскадрилий. Федор Волковский остался в тылу, тренируется с бывшим полярным летчиком Червонооким".

"28 апреля. На аэродромах Сиверская, Гатчина, Луга, Кресты фашисты сосредоточили большое количество тяжелых самолетов. По мнению командования, они намереваются нанести мощные удары по Ленинграду в праздничный Первомай. Чтобы сорвать замысел фашистов, участвовали в выполнении упреждающих ударов..."

Ночью бомбили вражеский аэродром около станции Сиверская. В первом вылете сбросили три пятьсоткилограммовые бомбы. В районе стоянки фашистских бомбардировщиков наблюдали пожары и взрывы. Значит, все экипажи ударили точно.

Во втором полете пришлось помучиться. В момент бомбометания одна пятисотка не сбросилась. После отхода от цели осмотрел ее штурман через прицел и доложил, что висит она на одном заднем бугеле с перекосом. Значит, передний замок открылся нормально, а задний чуть запоздал - и бомбу перекосило. Если бомба хоть на мгновение примет нормальное положение, она обязательно оторвется. Это может случиться при малейшем толчке.

Тут мы с Петром и задумались: а вдруг она над своей территорией упадет?

До линии фронта я ее пытался сбросить. Рывками, скольжением, разворотами хотел устранить перекос. Но бомба висела как влитая. Уперлась стабилизатором в фюзеляж - и ни с места. Тогда я решил оборвать дужку бугеля: разогнал самолет на пикировании и на горку его потянул. От перегрузки в глазах потемнело, а бомба не шелохнулась. Так и пришлось с этой чушкой домой возвращаться.

Когда на посадку планировать начали, я даже вспотел от волнения.

К счастью, трагедии не произошло. Зарулил я машину. Проклятую бомбу оружейники на стоянке с трудом от замка оторвали. В общем, страха за этот полет нам пришлось натерпеться.

"1 мая. Вот мы и встретили первый военный май!

Вчера Преображенский, Пятков, Ребриков и я ездили в Ленинград на торжественное собрание..."

В Ленинградский Дом Красной Армии прибыли представители армий, дивизий, полков, кораблей. Большинство явились прямо с передовой. Лица у всех обветренные, суровые. На гимнастерках и кителях боевые медали и ордена.

Нас пригласили в президиум. В комнате около сцены увидели Хохлова и Челнокова. С Хохловым беседовал какой-то мужчина солидного телосложения, в морском темно-синем кителе с нашивками бригадного комиссара.

Преображенский с ним поздоровался, что-то тихонько сказал и к нам повернулся.

- Полюбуйтесь, орлы, на этого человека! Приглядитесь к нему хорошенько. Он за Советскую власть боролся в гражданскую. Потом большим писателем стал. "Оптимистическую трагедию", "Первую конную" видели? Фильм замечательный "Мы из Кронштадта" смотрели? Уже догадались, наверное? Да, это все написано им. Знакомьтесь, наш военный трибун и писатель Вишневский.

- Вы бы полегче, пожалуй, Евгений, - с мягким укором

вмешался бригадный комиссар. - Я - человек, могу загордиться.

- Вам, Всеволод Витальевич, это уже не грозит, - рассмеялся полковник. - Слава вас давно закалила. Коль не испортились в молодости, то теперь и при желании не сумеете. А это мои гвардейцы, - представил он нас писателю. - Хоть без усов, но народ молодецкий. Лупят фашистов со злостью, с задором. Каждый за сотню вылетов сделал. Может, когда и о них напишете?

- Я?.. С удовольствием. Но, думаю, они сами напишут, - с какой-то искренней, подкупающе теплой улыбкой ответил Вишневский. - Тема уж больно завидная. Прямо симфония смелости, мужества. Только она специфичная, трудная. А профессиональный писатель знаком с жизнью летчиков понаслышке. Большое, правдивое полотно здесь напишет лишь тот художник, кто с вами в военном котле поварится, с воздушной стихией сроднится. Эту симфонию нужно до боли выстрадать, собственным сердцем прочувствовать. Кто, кроме вас, ее с подлинным чувством пилота раскроет? Кто в нее вложит тот пыл, страсть и отвагу, которые вас в поднебесье на подвиг толкают?! Вы, например, обернулся он вдруг в мою сторону. - Может быть, чувствуете потребность рассказать окружающим о величии подвига ваших товарищей?

Ошеломленный внезапным вопросом, я растерялся, не знал, что ответить... Он, видно, понял мое состояние и, усмехнувшись, продолжил:

- Может, не вы, а кто-то другой. Может, не все, но один или два за перо непременно возьмутся. Это продиктуется неуемной душевной потребностью рассказать о себе, о товарищах. Такое к кому-то придет обязательно. Ну, а уж мы, писатели, если нужно, им в этом поможем...

Раздался последний звонок. Нас пригласили на сцену. Разговор прекратился. Вишневский сел рядом с Хохловым у самой трибуны. Я любовался его простым, открытым лицом, черными с проседью волосами и думал: "Вот она, глыба ума и таланта! Сколько в нем опыта, силы и знаний, уменья так цельно и ясно выложить мысль на бумагу, оживить, вдохнуть в нее душу, сделать мыслящей, говорящей. Сколько в нем воли, терпенья, усидчивости. Пишет ночами, лист за листом, день за днем, год за годом... Такое у меня не получится. Я даже матери листик один написать собираюсь неделю..."

"10 мая. Погода установилась на редкость теплая. После суровой голодной зимы ленинградцам такая весна как подарок. Мы уже загораем на солнышке. Дни стали длинные, а ночи - короткие, поэтому боевая нагрузка заметно снизилась. На

ближние цели еще успеваем слетать по два раза. А если бомбим объекты в глубоком тылу, то темного времени на один полет не хватает. Приходится засветло и взлетать, и садиться.

Живем в семи километрах от аэродрома в дачном поселке у Ленинграда. На северной его оконечности, там, где Дорога жизни пересекается с другой дорогой стоит двухэтажный особнячок с резными верандочками и небольшой остроконечной башенкой. Говорят, до войны здесь в уютных семейных комнатах отдыхали работники горпищепрома. Сейчас Ленинград заблокирован фашистами, и горпищепром, наверное, ликвидирован. Поэтому домик временно заняли мы..."

Сегодня, отоспавшись после полетов, как всегда, разбрелись по просторному дачному дворику. Над поселком стояла дремотная, удивительно мирная тишина. Солнце, словно раздобрившись, жарко грело парную весеннюю землю, наливало живительной силой разбухшие, уже давшие первую зелень древесные почки. Казалось, кругом все расплавилось в душном пахучем мареве. Обнажившись до пояса, мы позагорали на садовых скамейках, подставляя палящим лучам иззябшую за зиму, иссиня-белую кожу.

"20 мая. Говорят, человек привыкает к любой обстановке. Это, пожалуй, правильно. Мы, например, уже свыклись с войной и не можем представить себя в другом состоянии. Даже наша боевая работа вошла в определенную, привычную колею, проводится по установленному распорядку. Летаем мы только ночью. Поэтому в 17 часов нам ставят задачу; в 19.00 - начинается ужин; в 20.00 садимся в автобус и едем на аэродром; в 20.30 - уточнение задачи на командном пункте; с 21.00 до 22.00 - вылет на боевое задание. Полеты заканчиваются между тремя и четырьмя часами утра, после чего мы завтракаем и отсыпаемся до обеда.

Так живем и летаем почти каждые сутки. Меняются только названия целей, боевая нагрузка и очередность полетов. Все остальное регламентируется режимом..."

С одной стороны, это очень удобно. От командира полка и до моториста все знают, когда и что нужно делать, без дополнительных указаний выполняют работы и своевременно отдыхают.

Но, с другой стороны, в работе по четкому графику для нас таится большая опасность. Ночи-то стали короткими. Возвращаемся мы, как правило, через Финский залив, пролетая с рассветом через "ворота" шириной около двадцати и длиной пятьдесят километров. Один за другим мы висим в этой узкости по восемь-девять минут. Внизу под тобой - вода, сверху - небо, с севера - финны, а с юга - фашисты. Врагу выставить здесь

воздушный патруль самое милое дело. Аэродромы под боком. С рассветом посты наблюдения просматривают эту "кишку" от одного берега до другого. И через пару ночей от нашего полка только крохи останутся...

А задумался я над этим после вчерашнего случая. Бомбили мы причалы и склады в морской базе Котка. Зенитный огонь там сильнее, чем в Хельсинки. При отходе один из снарядов разорвался чуть ниже правой моторной гондолы. Осколки ударили по крылу, фюзеляжу и перебили тягу правого сектора газа. Мотор сразу же перешел на малые обороты и перестал управляться. Домой пришлось добираться только на левом. Повреждение меня почти не волновало. Бензобаки течи не дали. Машина была уже легкая, могла лететь без снижения и хорошо слушалась рулей. Правда, скорость пришлось держать минимальную. Поэтому к нашим воротам я прилетел с опозданием, когда восходившее солнышко уже золотило перышки тоненьких облаков. Картина такая, что залюбуешься. Вдруг в наушниках голос штурмана:

- Командир! Впереди, левее и выше, - два "мессера"!

Глянул: действительно, "мессершмитты" на полосочке светлого неба, как на экране, просматриваются. Направляются курсом к финскому берегу. Пока нас не видят.

Конечно, я немного струхнул. Самолет-то и так еле держится. "Ну, думаю, - именно вас нам сейчас не хватает. Если заметят, добьют обязательно..."

Толкнул я штурвал от себя, разогнал самолет и к самой воде прижался. Внизу на рассвете значительно темнее. И проскочил просто чудом у них за хвостами к Кронштадту.

После этого и задумался: "Почему вражеские истребители оказались в заливе на утренней зорьке? Им в это время делать там нечего. Может, случайно - тогда волноваться не следует. А если с намерением?.."

"21 мая. Перед обедом встретил полковника и поделился своими сомнениями. Он, как всегда, улыбнулся с хитринкой, хлопнул ладонью меня по плечу и сказал:

- Правильно мыслишь, лейтенант. Твое боевое донесение я внимательно прочитал. Только запоздали фашисты закрыть нам ворота. Тогда, на рассвете, они не один, а два патруля над заливом повесили. Ты задержался над Коткой, поэтому с одним из них встретился. Остальные наши бомбардировщики до их прилета успели через узкую часть проскочить. Мы же вам интервал между взлетами на пять минут сократили. Боевой порядок полка стал вдвое плотнее. От этого и график пролета ворот изменился, все успели пройти через них в темноте".

"25 мая. Третьи сутки сидим на земле. Хмурые низкие облака нескончаемой пеленой закрывают весеннее солнце, поливают раскисшую землю мелкими брызгами теплой мороси. Вчера прилетели еще восемь экипажей. Неожиданно в их числе обнаружились мои однокашники по училищу: Николай Деревянных и Иван Зотов. Встретились как родные, почти до утра вспоминали курсантские годы и разбросанных войной товарищей.

Из других прилетевших летчиков выделяется гвардии лейтенант Шаманов. Все уважительно величают его Иваном Гавриловичем. А лейтенантские нашивки ни в коей мере не гармонируют с энергичным умным лицом и кряжистой фигурой тридцатипятилетнего мужчины. Призвали его из Полярной авиации. Летает он уже более пятнадцати лет, отличается отработанной техникой пилотирования, особенно в сложных условиях.

Наконец-то вместе с Червонооким появился и Федор Волковский. За этот период он раздобрел и приобрел еще более внушительную осанку.

Полковник Преображенский зашел на веранду, увидел нас всех и засветился от удовольствия. Два месяца назад мы прилетели сюда всего пятью экипажами. Теперь же в двух эскадрильях более двадцати экипажей дальних бомбардировщиков-торпедоносцев. Да во второй эскадрилье скоростных бомбардировщиков на аэродроме Гражданка - девять экипажей. Сила немалая. От удара таким кулаком любому объекту не поздоровится..."

"8 июня. Сегодня мы действительно грохнули. Всем полком навалились на фашистский аэродром, расположенный около города Красногвардейск, и бомбили его три часа. Получилось результативно..."

Взлетели до наступления сумерек. Пока высоту набирали, стемнело. Оборона у фашистов там сильная. Уже на подходе нас встретило восемнадцать прожекторов, а сколько зениток стреляло, сосчитать невозможно.

Прицелился Кошелев и сбросил пятисотки на взлетную полосу, чтобы фашистские самолеты в воздух не поднимались. В этот момент нас схватили прожекторы, один за другим моментально в светящийся купол спаялись и повели по огромному темному небу. В кабине все осветилось, как днем. Даже болтики на приборной доске засверкали. Тут же разрывы снарядов машину подбрасывать начали. Положение очень тяжелое. Вырваться из такого купола практически невозможно. И медлить нельзя ни секунды.

Отдал я штурвал и бросил машину в пикирование. Имитирую

падение сбитого самолета. Воздух вокруг свистит. Скорость за пятьсот перевалила. А лучи словно веером небо вокруг оплели и снижаются вместе с машиной. Высота с четырех километров до двух за считанные секунды уменьшилась. Ниже отвесно снижаться нельзя. При выводе у самолета просадка получится, и он зацепит за землю. Только хотел за штурвал потянуть, как прожекторы оторвались и стали кого-то другого выискивать.

Второй удар нанесли на рассвете. Прожекторы уже не включались. Зенитный огонь стал значительно слабее. При подходе к боевому курсу на развороте взглянул на аэродром. Стоянки и летное поле словно оспой изрыты воронками. Дым от горящих машин и строений черными клубами стелется понизу. Штурман меня довернул чуть правее и протянул через нетронутую стоянку серию стокилограммовых бомб.

...На фотоснимке бомбовые взрывы словно грибы, а три самолета накрыты их шапками.

"10 июня. Погода снова испортилась. Днем солнце просвечивает, а к ночи наползает низкая облачность с моросью или дождем.

Иногда, в нелетные вечера, у нас организуются танцы. Когда автобус стоит у ворот после ужина, значит, мы не летаем, и знакомые девушки из поселка приходят к нам в гости. Тогда на веранду выходит Виктор с баяном..."

Как же быстро меняются люди. Как они любят улыбку и шутку, тянутся к радости, к жизни. Совсем недавно эти девчушки жили одной лишь мыслью о хлебе, проклинали фашистов, блокаду, спали в нетопленных комнатах прямо в пальто, в полушубках и в валенках. Исхудавшие брели по заснеженным улицам. Шатались, но знали: если упал, то не встанешь...

Но вот прибавили чуточку хлеба. Стали полностью отоваривать карточки. Засветило весеннее солнце. Зазеленели трава и деревья. И люди отогрелись, оправились. Живут хоть и впроголодь, но бодрятся. Знают: скоро конец фашистам, конец блокаде. А девушки платьица, туфельки вынули. Даже губы помадой подкрашивать начали...

"11 июня. Перед рассветом нас всех разбудили и полусонных привезли на КП. В небе светились яркие звезды. Возникла возможность продолжить бомбежку аэродромов.

Над Сиверской появились уже на рассвете. Фашисты налета не ожидали. Зенитчики не стреляли: видимо, не рассчитывали на внезапное улучшение погоды. Аэродром был забит самолетами. Их даже не затащили в укрытия и ангары. Опять Петр Кошелев ударил по-снайперски...

Просматривая фотоснимки, Преображенский подозвал

Оганезова:

- Ты погляди, комиссар, что у нас получается. Нужно, пожалуй, их чаще до света поднимать. Сонные в яблочко бьют, как по заказу. За работу спасибо, друзья! От ленинградцев спасибо великое! Жаль, не знают они и не ведают, сколько жизней мы им сохранили".

"12 июня. Сегодня гвардии полковник Преображенский в паре с капитаном Дроздовым поднялись в воздух с торпедами. Маскируясь низкими облаками, они на рассвете проскочили в Нарвский залив и атаковали фашистское судно. Обе торпеды прошли под целью, но не взорвались. Видимо, углубление было поставлено великовато. Вернувшись, Преображенский доложил о результате командующему ВВС КБФ и получил указание приступить к уничтожению кораблей и судов противника систематическим нанесением торпедных ударов. Завтра мы приступаем к дежурству с торпедами..."

В небе ни облачка. Словно отмытое теплым весенним дождем, оно светится бездонной голубизной. Легкий порывистый ветер наполняет окружающий воздух бодрящей свежестью. Начальник минно-торпедной службы полка майор Григорий Петрович Орлов вместе со старшиной Алексеем Карпенковым, матросами Петром Бородавка и Николаем Задорожным заканчивают последние приготовления оружия к боевому вылету. Осмотрев последнюю торпеду, Орлов вытирает руки мягкой ветошью.

- Углубление изменить не забыли? - в который раз уточняет капитан Дроздов, подходя к самолетам.

- Все просмотрели как надо, Александр Тимофеевич. Углубление на торпедах два метра поставлено. Меньше, сам понимаешь, нельзя. Будут при волнах наружу выскакивать, точность по курсу понизится.

- Значит, два метра? Ну хорошо, - повторяет Дроздов и подзывает меня с Бунимовичем: - Вы, молодцы, не тушуйтесь в атаке. Главное - высоту как положено выдержать. Будем у Толбухина маяка пролетать, не забудьте свою высоту скорректировать. На башне, у самого верха, кольцо белой краской для нас нарисовано. По высоте оно точно на двадцать пять метров над уровнем моря находится.

- Это вы нам и вчера говорили, - улыбается Бунимович. - Еще добавляли, что главное в первой атаке - ударить внезапно, ошеломить фашистов новым приемом, не дать им опомниться и оборону свою подготовить.

- Значит, и это сказать не забыл? - удивленно промолвил Дроздов и вдруг от души рассмеялся. - С этим ударом у меня уже

голова закружилась. Только и думаю, как бы чего не забыть. Хочется каждую мелочь припомнить. Дело-то больно серьезное, трудное. Требует навыков, опыта. Мы этот опыт когда-то крупицами собирали, на полигоне по элементам до тонкости шлифовали. Вот и пытаюсь вам все втолковать до полета. А погодка, погодка-то какова! запрокинул он голову. - С ясного неба фашисты нас ждать не должны. Знают, при солнышке мы не летаем. Значит, внезапность удара пока обеспечена.

...Серые волны, искрясь и сверкая от солнечных бликов, быстро проносятся под фюзеляжем. Прямо по курсу темной полоской маячит Кронштадт. Шаровый купол собора как огромная башня возвышается над низким берегом острова-крепости.

Снизившись к самой воде, Дроздов направляет машину прямо на купол. Под ним высота метров десять, не больше. Под нами - примерно двенадцать. Постепенно он жмется все ниже и ниже. Мы маневрируем следом за ним. Фронт почти рядом - у Сестрорецка. На фоне воды мы сумеем быстрее укрыться от наблюдения с финского берега.

Купол приблизился. Вместе с приземистым контуром берега он постепенно вздымается, будто гигант вылезает из пены прибоя. Отвернув, огибаем прибрежную кромку. Под нами мелькают бетонные стены фортов и причалов, пирсы и молы, казармы, хранилища. Всюду снуют, копошатся фигурки матросов. Кажется, им нет числа. Сняв бескозырки и каски, они машут нам на прощание.

Под нами твердыня Балтийского флота - Кронштадт! Его исполинские орудия бьют по фашистам. Днем и ночью крупнокалиберные снаряды уничтожают врагов под Урицком, под Пулковом, около Стрельны, под Ропшей и Кипенью. А сколько его моряков бьются у стен легендарного города! Смелостью, яростью, неукротимой отвагой и лихостью славятся их батальоны, полки, бригады. В тяжкое время голодной блокады Кронштадт, как заботливый любящий брат, поделился последним куском с Ленинградом, дал ему хлеб, и крупу, и остатки консервов. Многих он спас от голодной смерти...

Впереди, чуть левее, появился Толбухин маяк. Его вершина тонкой иглой врезается в небо. Башня из красного кирпича стремительно приближается. Почти у ее верхушки виднеется белая полоса. Вот она, наша заветная высота, высота, на которой торпедоносцы бросают торпеду, завершая лихую атаку. Два с половиной десятка метров. Чуть-чуть выше мачт и других корабельных надстроек. Только с такой высоты длинное тело торпеды благополучно уходит под воду.

Плавно подтягиваю штурвал, и машина взмывает на уровень белой отметки. Фиксирую взглядом метраж удаления от воды. Его обязательно нужно запомнить, больше того - затвердить себе накрепко. Торпеда ошибок не терпит. Бьется об воду и тонет, если бросают чуть выше или ниже. И сразу насмарку весь трудный полет, весь смысл смертельного риска...

Суша уже далеко позади. Перед нами лишь море и небо.

Небо! Огромное, синее, чистое! Оно как сплошной бирюзовый шатер распахнулось до самых краев горизонта. Ниже раскинулась водная даль. Море, вздымаясь ленивыми серыми волнами, сверкает и плещется, будто бы дышит под самолетом.

* * *

- Командир! Остров Гогланд по курсу.

Впереди, над обрезом кабины штурмана, виднелась всхолмленная длинная полоса.

Остров Гогланд двадцатикилометровой гористой грядой протянулся с юга на север, разделяя Финский залив на две части: западную и восточную. В восточной большие суда противника появляются редко. Наши штурмовики и пикировщики надежно перекрывают этот район. Зато в западной части фашисты чувствуют себя в безопасности. Днем туда мы летим впервые.

Довернув самолет левее, ведущий ложится на курс обхода острова с юга. Прижимаясь к воде, летим по касательной к берегу.

- И зачем под берег полезли? - волнуется Кошелев. - Сами себя обнаружить хотим. Там же у финнов посты наблюдения.

Не уяснив себе цели маневра ведущего, отвечаю как можно спокойнее:

- Аэродромов на Гогланде нет. А посты нас, наверное, давно обнаружили. На таких островах, как Нерва и Соммерс, их у финнов достаточно.

Успокаивая Кошелева, я в душе разделяю его волнение. Если фашисты обнаружат торпедоносцы, "мессершмитты" перехватят нас запросто. По южному берегу Финского залива аэродромов у них достаточно. Но командир, видно, тоже об этом думает. Он понимает цену внезапности...

Кончается остров на юге пологим мыском. Пролетев чуть мористее, огибаем его и берем курс на запад. Оборвавшись, береговая черта исчезает за самолетом. Теперь мы опять над безбрежной морской стихией.

Минуты тянутся медленно. На воде до самого горизонта не видно ни мачт, ни дымков. Где и когда повстречаем противника? Пока впереди только гладкие серые волны да одинокие белые чайки.

Внезапно ведущий качает машину с крыла на крыло. Это

сигнал: "Разомкнись для атаки". Значит, он что-то увидел. Но где? Кошелев мечется по кабине. Он, как и я, ничего не видит.

Скорость гасится медленно, и так же медленно машина ведущего уходит вперед. Накренившись, Дроздов маневрирует вправо. Опять в поле зрения берег Гогланда. До него километров десять - двенадцать.

- Сторожевик и транспорт по курсу! - кричит исступленно Кошелев. Кажется, Дроздов атакует сторожевик. Доверни чуть правее, бросим по транспорту.

Только теперь я увидел фашистов. Сначала - транспорт, потом, чуть левее, - сторожевой корабль. Дистанция около четырех километров. Бурунного следа за ними нет. Может, увидим, когда подлетим поближе?

Отпустив ведущего метров на двести, разгоняю машину до скорости сбрасывания. Одновременно "щупаю" высоту. Волны мелькают под самолетом. Кажется, нужно немножечко выше. Пальцами плавно тяну за штурвал.

Двадцать пять по Толбухину. Это уж точно!

- Транспорт без хода. К нам правым бортом под семьдесят градусов. Целься по центру! - командует Кошелев.

Правильно, Петя. Теперь и я вижу, что транспорт не движется и борт нам подставил. Нужно точнее прицелиться и самолет провести как по струночке.

Борт сторожевого корабля окаймляется вспышками. Трассы снарядов и пуль устремляются к самолету Дроздова. Изменив высоту, он резким движением бросает машину левее.

- Дистанция два километра, - хрипит в наушниках голос Петра. - Подойдем к нему ближе.

- Самолет Бунимовича сзади, правее. Дистанция триста, - информирует Лукашов.

Значит, и Юрий решил бить по транспорту. Это совсем хорошо. Кто-то из нас попадет обязательно. Подлечу еще ближе, пока сторожевик отбивается от Дроздова.

Самолет командира окутан светящимся градом. Под ним снаряды и пули секут беспокойные быстрые волны, вскипают султанами белых сверкающих брызг. Взяв высоту, он летит как стрела, без маневра.

- Дистанция полтора. Приготовиться!

Голос Кошелева срывается от волнения. Нос самолета будто бы замер, нацеленный в центр, на надстройки транспорта. Высота - двадцать пять. Пальцы невольно вцепились в штурвал, зажали его как клещами, до хруста, до пота в ладонях. Ослабить, ослабить немедленно! Нужно спокойно и точно держать машину в режиме.

Ярко блеснув полированной сталью, торпеда Дроздова отделяется от фюзеляжа и исчезает в фонтане сверкающей пены. Сразу вскипает пузырь буруна. Затем на поверхности появляется ее след. Пузырчатая светло-зеленая нить, разрезая как бритвой сверкающий глянец воды, стремительно приближается к сторожевику.

Машина взмывает резким рывком.

- Бросил! - кричит в возбуждении Кошелев.

- Торпеда пошла! - вторит ему Лукашов.

Почти машинально энергичным движением бросаю свой самолет к самой воде, под трассы несущихся пуль и снарядов...

* * *

Преображенский жмет руку Дроздову и направляется к нам. Глаза сверкают задором.

- Молодцы! Одно слово - гвардейцы! Транспорт и сторожевик завалили. Капитан Бородавка, какое сегодня число?

- Тринадцатое июня, товарищ гвардии полковник.

- Значит, тринадцатое?

- Так точно.

- Вот вам и чертова дюжина! - хохочет Преображенский. - А говорят, она несчастливая.

- Правильно говорят, - улыбается гвардии полковой комиссар Оганезов. Несчастливая для фашистов.

...В нашем дворике ни души. Запах цветущей сирени дурманит уставшую голову. Спать почему-то не хочется. Сирень напомнила Ригу. Перед глазами тенистый Стрелковый парк, Бастионная горка. Там, в центре города, у ограды православного собора, в июне сирень расцветает душисто и буйно. Только она почему-то пышнее, кустистее здешней. Мысль возвращается к пережитому за день. А здорово сегодня получилось! Первое в жизни торпедирование и...

"16 июня. Перед Кронштадтом густая дымка. Свинцово-серой стеной перегородила она залив, словно отделяя его от суши. Нам обязательно нужно пробиться к островному аэродрому Бычье Поле. По данным воздушной разведки, к острову Гогланд подошли фашистские транспорты и стали на рейде бухты Сууркюля. Приказано нанести по ним торпедный удар во взаимодействии со штурмовиками, под прикрытием истребителей. Встреча и сбор назначены над Кронштадтом..."

Готовились тщательно. Шутка ли, первый совместный удар со знаменитыми "илами". Однако, когда получили сигнал на вылет, на самолете Дроздова не запустился мотор. Пришлось лететь парой: ведущий - я, Бунимович - ведомый.

Как нам мешает проклятая дымка! А видимость все понижается. Кругом потемнело, словно в вечерних сумерках.

- Не соберемся мы с ними в такую погоду, - сомневается Кошелев. - В самую пору одним прорываться. Может, махнем по прямой, мимо берега? Скажем, что дымка зайти помешала.

Прижав машину к самой воде, я решил обязательно выйти к Кронштадту. Сквозь дымку уже начинают проглядываться

очертания берега. Еще немного терпения...

Чуть не цепляя за крыши кронштадтских домов, кое-как проскочили до аэродрома Бычье Поле. Над его границей Кошелев дает условный сигнал. Сразу со старта и от стоянок идут на взлет "илы" и истребители. Оторвавшись от земли, они моментально пристраиваются, образовав вместе с нами четкий красивый клин. Левее и выше меня, почти фронтом, приткнулись ступенчатой лесенкой серебристые тупоносые "ишачки" - истребители И-16. Правее, крыло в крыло с самолетом Бунимовича, встали массивные горбатые "илы".

- Ловко сработали чижики! Как на параде! - восхищенно произнес Лукашов. - Значит, пилоты солидные, с опытом. Таким в бою довериться можно.

На траверзе острова Лавенсаари дымка рассеялась. Снова над головой распахнулось бездонное небо, а под крылом заблестели кудрявые серые волны. Чуть посопев в микрофон, Кошелев огорченно вздыхает:

- Дымка-то разошлась! Будто ее и не было. Теперь нам труднее придется. Противник увидит нас раньше, а курс для атаки как раз против солнца получится.

...Еле заметной черточкой на горизонте появляется остров Гогланд. Увидев его, штурмовики покачивают крыльями и увеличивают скорость. Выйдя вперед, они уходят дальше и дальше, уменьшаясь, становятся черными точками. За ними от нас отрываются и истребители. Сверкая на солнце короткими крылышками, верткие "ишачки", раздробившись на пары, занимают пространство между нами и "илами".

Летим параллельно далекому берегу. Бухта - в северной части острова. Значит, атаковать мы должны с востока на запад. Солнце стоит у нас слева, прямо над островом. Его свет отражается в волнах, слепит глаза.

- Бухта на траверзе. Курс девяносто, - обыденным тоном докладывает Кошелев.

Это уже разворот для атаки. Нужно, пожалуй, здесь отпустить Бунимовича.

Плавно качнув самолет, взмываю короткой горкой и, энергично свалив его в крен, ухожу от ведомого влево. Каждый из нас атакует самостоятельно.

Солнце, повиснув над носом машины, светит прямо в лицо. Береговая черта приближается быстро, разрастается горной безликой махиной. Впереди чуть виднеется бухта, накрытая шапкой дымных разрывов. Там уже "илы". Они атакуют причалы и склады, отвлекают внимание зенитчиков. Мы приближаемся точно по плану. Лишь бы солнце куда-нибудь скрылось, не

мешало быстрее увидеть противника...

Блики мелькают как яркие зайчики. Берег сереет за солнечным светом. Он почти рядом. Нужно успеть подобрать высоту и обнаружить борта транспортов в этом сумбуре сверкающей серости.

- Петя! Ищи! Почти ничего не вижу.

- Проклятое солнце! Я совсем как слепой, - нагибается Петр к носовому визиру. - Ага! Теперь вижу два транспорта. Возьми пятнадцать правее. Вот так. Дистанция три километра.

Мощные водяные столбы вздымаются прямо по курсу и рассыпаются белыми брызгами.

- Береговая! - кричит Лукашов. - Пушки береговые бьют по воде. Взрывами крупных снарядов создают водяные завесы.

Значит, заметили. Далековато. С берега в море, по солнышку, видимость очень хорошая.

Слева и справа бурыми шапками вскипают дымки от разрывов зенитных снарядов. Трассы снарядов и пуль то и дело мелькают сверху и снизу. Прямо по курсу искристое море снова дыбится белым высоким фонтаном. Это действительно водяная завеса. В ней самолет разлетится на части. Резким рывком поднимаю машину и пролетаю над пенными брызгами.

- Где Бунимович?

- Отходит правее! Дистанция триста! - кричит Лукашов.

- Два километра. Цель еле вижу, - говорит взволнованно Петр. Приближаться нет смысла, нельзя - собьют на подходе. Уже накрывают разрывами! Дай чуть левее. Уточни высоту. Бросил!

- Торпеда пош...

Резкий удар снизу вверх, по хвосту, вышибает из пальцев баранку штурвала. Клюнув, машина несется навстречу волнам. Тут же хватаю штурвал и тяну на себя. Кажется, что на него подцепили многопудовую тяжелую гирю. Медленно, словно бы нехотя, поднимается нос самолета. Волны сверкают под люком передней кабины. Чувствую, что не смогу, не успею осилить эту могучую, доселе неведомую тяжесть.

Вот, чуть не чиркнув, кабина проносится прямо над пенистым гребнем и наконец-то устремляется вверх, словно целясь на солнце.

Кажется, вытащил!.. Кажется, живы!..

Пот из-под шлема льется в глаза и солеными каплями липнет к губам.

Плавно, как можно плавнее толкаю штурвал, а глазами кошусь на далекую воду. Маневром пускаю машину вдоль берега.

- Что там в хвосте? Доложите быстрее.

- Под самолетом снаряды взорвались. Водяная завеса

краешком нас зацепила. Хвост поврежден. В кабине вода. Я и Бабушкин живы.

Голос у Лукашова усталый, надтреснутый.

- Где Бунимович?

- Сзади, левее. Нас догоняет.

- Как результат?

- Результат неизвестен. Нас в тот момент водой окатило. Пока разобрались - уже далеко, против солнца не видно.

Чувствую, руль глубины повинуется плохо, триммер - механизм балансировки - не действует. Значит, удар по хвосту был серьезным...

Покачав головой, инженер эскадрильи Лебедев безнадежно машет рукой:

- Меньше трех суток никак не получится. Триммер сорвало. Руль глубины искорежен. Но хуже всего с хвостом. Вы посмотрите на вмятину. Силовой набор искалечен. Нужно править, менять, усиливать. В общем, придется хвост делать заново...

Мы повернулись к подъехавшей эмке.

- Выходит, сегодня досталось вам здорово? - спросил Преображенский, поднимаясь с сиденья. - Ну ничего, это дело привычное. От души поздравляю с прямым попаданием. Из Кронштадта штурмовики сообщили. Видели взрыв в носовой части транспорта. Не зря головой рисковали.

Кошелев с Гришиным переглянулись.

- Только один? - заикнулся Гришин.

- А ты что - на десяток рассчитывал?

- Не на десяток, а минимум на два.

- Ух вы и жадные! - рассмеялся полковник. - Две торпеды на транспорт. Это же замечательно! А тебя, - обратился Преображенский ко мне, - поздравляю особо, с присвоением знания гвардии старший лейтенант. И хватит без нашивок ходить. Сегодня же галун получить и завтра одетым по форме представиться.

- Мне не положено. Я же...

- Раз приказал, значит, положено. А с судимостью разберусь. Ее давно снять должны.

"22 июня. Вот и закончился год этой страшной войны. Кровавый, мучительно тяжкий, он явился для нас испытанием силы и мужества, стойкости, смелости, верности делу народа и партии. И мы его выдержали.

Правда, фашисты пока еще злобствуют на нашей многострадальной земле. Они продолжают кричать на весь мир о "скорой кончине Советов". Но это уже не пир, а похмелье.

Мы устояли! Стойко сдержали звериный натиск и на удар

отвечали ударом. Мы били и бьем их везде: под Ленинградом и в Севастополе, на Украине и в Заполярье. А уж такого разгрома, как под Москвой, фашисты нигде и никогда не испытывали. Но это только начало. Живыми с нашей земли они не уйдут. Мы будем бить их до полной победы.

Сегодня состоялось открытое партсобрание. С докладом выступил Григорий Захарович Оганезов..."

Его все зовут "наш комиссар". Человек он, действительно, замечательный. Нет, не добренький дядя. Наоборот, когда нужно - строгий, взыскательный, твердый. Но это - когда нужно. А в жизни - доступный, заботливый, справедливый. Главное в нем - простота, человечность и чуткое отношение к людям. И скромность - не показная, а большевистская. Ничего для себя, все людям и делу. Никогда не кричит, не ругается. Но скажет несколько слов, и все становится ясным.

Вот и сейчас: доложил, что мы сделали за год. Просто, без пафоса, но увлекательно, будто мазок за мазком на картину накладывал.

Начал, конечно, с Берлина - с возмездия. Потом вспомнил Данциг и Мемель, Штеттин и Хельсинки, Двинск, Тосно, Тихвин, Котку и Турку. Вспомнил о наших погибших товарищах. В заключение привел отдельные цифры. От него мы впервые услышали, что своими ударами за год войны полк уничтожил большое количество солдат и офицеров противника, много танков, автомашин. Потопил и повредил более двух десятков кораблей и транспортов. Сбито в воздушных боях и сожжено на земле не менее ста самолетов. В портах фашистов и на фарватерах выставлено более двухсот мин. Много ударов нанесено и по другим фашистским объектам. Это и аэродромы, и порты, и станции, и мосты, и заводы, и переправы, и склады...

Цифры краткие, выводы лаконичные. Но сколько за ними кроется подвигов, мужества, выдержки. Сколько в них пролитой крови и отданных Родине пламенных жизней...

"24 июня. Ночью бомбили портовые сооружения в Котке. Точным попаданием мы взорвали склад жидкого топлива..."

К вылету готовились более двадцати экипажей. Многие летели на Котку впервые и, зная от "стариков" о мощном зенитном прикрытии базы, горели желанием быстрее помериться силой с противником. Вместе с нами они тщательно изучали фотоснимки объектов, сделанные накануне воздушными разведчиками, отрабатывали варианты маневра при заходах на цели, приемы отражения атак ночных истребителей.

Первыми взлетели заместители командира полка Челноков и Тужилкин. За ними поднялись в воздух Шаманов, Зотов,

молоденький лейтенант Сергей Кузнецов. Я выруливал за Дроздовым. Следом за нами, плавно покачиваясь, покидали места стоянок самолеты Балебина, Кудряшова, майора Сергея Ивановича Кузнецова, Ребрикова, Разгонина, Деревянных, Овсянникова, Колесника, Бунимовича, Пяткова, Червоноокого...

Как же мешают нам белые ночи! К Котке мы подлетели в короткие сорокаминутные сумерки. Небо сверкало зенитными вспышками. Снаряды взрывались пачками сверху, снизу, впереди и с боков. А в порту, на причалах, среди складских помещений и других сооружений, одна за другой полыхали серии ответных бомбовых взрывов. "Свой" объект - склады жидкого топлива мы обнаружили без труда. Короткие энергичные довороты - и бомбы несутся к цели. На развороте смотрим внимательно вниз, ждем, когда же взорвутся наши фугасы. Наконец три огромных ярких столба появляются среди нефтебаков. Сразу из них вырывается буйное пламя. Оно разливается по территории, вздымается выше и выше, превращается в море огня.

- Сколько летаем, такого не видели! - восхищенно кричит Лукашов. - Это ж гиена огненная! Маннергейма бы сунуть сюда...

Самолеты почти друг за другом идут на посадку. Около командного пункта толпятся летчики, штурманы, стрелки-радисты. У всех веселые, довольные лица. Многие шутят, смеются. Новички с восторгом делятся впечатлениями.

- А сегодня у нас в России еще одно знаменательное событие, - говорит капитан Дроздов. - Исполняется сто тридцать лет с начала Отечественной войны 1812 года.

- Интересное совпадение, - после недолгой паузы добавляет Оганезов задумчиво. - Бонапарт напал на Россию тоже в июне. И тогда он форсировал Неман и вторгся в Литву вероломно. Переправился скрытно, внезапно. А войну потом объявил, через несколько суток. Такова уж звериная сущность захватчиков. Обуздать ее может лишь страх перед силой противника.

"26 июня. Сегодня по ленинградскому радио выступили Преображенский, Оганезов, Челноков, Дроздов и Пятков. Они рассказали о том, как воюют наши гвардейцы, как мстят фашистским захватчикам за муки и горе советских людей. Передача была записана корреспондентами сутки назад, и мы слушали ее с большим интересом. Неожиданно из репродуктора полились мелодичные звуки баяна и с ними ритмичная дробь чечеточки. Тут же диктор дал пояснение: "Вы слышите звуки Цыганской венгерочки. Ее отплясывает балтийский летчик гвардии старший лейтенант Пресняков. Сегодня он совершил свой сто двадцать шестой успешный боевой вылет..."

Потом он что-то еще говорил, но меня отвлек Виктор Чванов.

- Слушай, - проговорил он загадочным тоном. - Все выступают по радио с помощью голоса. А ты умудрился через эфир объясниться ногами. Это что, новый метод общения?

В общем, попал он в яблочко. Мне и крыть было нечем. Ведь был записан весь концерт самодеятельности... Теперь друзья-острословы будут склонять этот "метод" не меньше недели..."

Остров Соммерс

"8 июля. На фотопланшете остров Соммерс выглядит вроде большим, а в натуре, с воздуха, - маленький, незаметный. Почти неприметен и гарнизон, размещенный в укрытиях, выдолбленных в скальной породе. Однако наш флот лее время ощущает его присутствие в непосредственной близости от морских и воздушных коммуникаций. Наблюдательные посты, входящие в состав гарнизона, обнаруживают все самолеты и корабли, движущиеся в сторону Гогланда, Котки, Ловизы. Полученные данные они немедленно передают своему командованию.

Теперь у нас появилась возможность разделаться с этими информаторами. Весь полк в составе тридцати пяти самолетов будет сегодняшней ночью бомбить позиции и укрепления на Соммерсе. Семьдесят вылетов за два часа. Мы сбросим почти шестьсот бомб калибром от ста до пятисот килограммов. Интересно, что уцелеет на острове к моменту подхода нашего морского десанта?.."

Ребята сидят на местах как прикованные. Летчики чертят на картах маршрут. Штурманы изучают приметы объектов, выбирают прицельные данные, производят расчеты. Разговаривают только шепотом. На земле нам осталось трудиться всего минут тридцать. Потом на автобус - и к самолетам.

...На выступающем из воды небольшом островном пятачке бомбы рвутся почти непрерывно. Временами яркие вспышки длинными сериями словно перерезают его от берега и до берега. А остров молчит. Одна батарея зенитных автоматических пушек да несколько пулеметов пытались оказать нам противодействие в самом начале налета, но их подавила первыми ударами головная четверка наших бомбардировщиков.

С тысячи метров темнеющая поверхность просматривается как собственная ладонь. Она вся изрыта воронками. С ходу их сосчитать невозможно. Сейчас и мы добавим свои фугасы - две бомбы по пятьсот килограммов. Наша задача разрушить блиндаж...

Завтракаем вяло, без шуток, без оживленного обмена наиболее острыми впечатлениями. Здорово клонит ко сну. Бомбежка была какой-то нудной и скучной. Бросали бомбы на глыбу камня - и все...

- Экипажам Дроздова, Пяткова, Бунимовича, Преснякова срочно прибыть на командный пункт! - неожиданно объявляет вбежавший дневальный. - Автобус находится у ворот.

Вскочив из-за столиков, хватаем регланы, планшеты и пистолеты. Задержавшийся у телефона Дроздов последним садится в автобус.

- Кажется, будем с торпедами вылетать. Куда и зачем - не сказали. Просят быстрей до КП добираться. Самолеты уже готовятся. Ты чего ждешь? обращается он к шоферу. - Трогай свой тарантас побыстрее! Других пассажиров не будет.

- Побудку фашистам устроить торопитесь? - смеется водитель матрос Гущин.

- Угу, торопимся, - зевнув, отвечает Никита Котов. - Ты вот вези нас помягче. Глядишь, мы минуток по двадцать и доберем.

...На часах семь утра. Спокойная, почти штилевая поверхность залива сверкает от солнечной позолоты. Пятков с Бунимовичем летят в правом пеленге, безукоризненно выдерживая заданные интервал и дистанцию. В левом пеленге - я один. Чуть приотстав, стараюсь держаться свободно, без напряжения.

Говорят, что с Соммерсом чего-то не получается. Хотя поначалу вроде все было гладко. Десант с катеров зацепился за берег почти без стрельбы. Высадку провели на рассвете и успели закончить полностью. И вдруг появились вражеские корабли. Похоже, что наши не ожидали их в том районе так быстро. Теперь идет морской бой. Сил, наверное, не хватает. Поэтому нас и подняли.

Наши катера и тральщики виднеются чуть правее, километрах в трех. Меж ними разрывы снарядов противника вздымают столбы сверкающей пены. Фашистские корабли почти у самого острова. Их много, значительно больше, чем наших.

- Похоже, фашисты отжали наших от острова, - комментирует Кошелев сложившуюся обстановку. - Орудийный огонь у них сильный...

Качнув с крыла на крыло, Дроздов подает команду "В атаку" и разворачивает самолет на вражеские корабли. Значит, он принял решение атаковать противника с ходу. Развернувшись аа ним, направляю нос самолета между нашими тральщиками. Кошелев выстреливает опознавательную ракету. В ответ корабли открывают зенитный огонь. Снаряды и пули лавиной несутся навстречу. Прижимая машину к самой воде, горизонтальным скольжением уклоняюсь от попадании.

- Не узнают они нас, очумели совсем! - кричит Петр, непрерывно стреляя ракетами. - Наверное, спутали с

"хейнкелями". Нужно вперед прорываться. Больше деваться некуда.

А деваться нам действительно некуда. Обходить корабли уже поздно. Остается одно - только вперед.

Дроздов бросает машину из стороны в сторону. Повторяя его маневр, рывками ввожу самолет в развороты, чуть не цепляя винтами за воду, стрелой проношусь между тральщиками. В наушниках слышу хриплый взволнованный голос Петра:

- Видно, осатанели братишки! По звездам на самолете стреляют. Как бы случайно не укокошили....

Фашисты, наверное сообразив, что сегодня мы действуем по старинной русской пословице "Коль своя своих не познаша, то друзей растеряша", тут же приходят "на помощь" братишкам. Дымки от разрывов зенитных снарядов сразу вплетаются кучными пачками в ливень сверкающих пуль и автоматных снарядов. Водяные завесы из белой сверкающей пены возникают то слева, то справа. Теперь фашисты открыли огонь из автоматов и пулеметов.

- Доверни чуть левее! Коробку здоровую видишь? Бросим по ней! - кричит Петр, припадая к визиру.

С кораблями противника сближаемся быстро. Их борта и надстройки, окаймленные яркими вспышками, четко вырисовываются на фоне воды.

Непривычно растягивая слова, Петр говорит очень медленно:

- Дистанция два с половиной... Приближается к двум километрам... Уточни высоту... Левее два градуса. Держи режим... Бросил!

- Торпеда пошла! - торопливо докладывает Лукашов. - С других самолетов тоже бросают.

Развернувшись левее, лечу прямо к Соммерсу. Там должны быть наши десантники. Перепрыгнув через высокие берега, мы укроемся от огня кораблей.

- Вижу взрыв! - кричит Лукашов.

- Вижу второй! - добавляет Бабушкин.

И тут же от острова прямо на нас взлетают снопы огня. Вздыбив машину, проскакиваю над каменистой поверхностью и снижаюсь к воде. Машина Дроздова уже впереди. Нужно быстрее к нему пристроиться...

* * *

- От самолетов не уходить! Подготовиться к вылету с бомбами. Цель корабли у Соммерса. Полетите звеном. Ведущий - Пятков.

- Сегодня даже поспать не удается, - говорит Шевченко и соблазнительно потягивается до хруста в костях.

- Пока самолеты готовят, можете подремать, - добавляет Дроздов, садясь в командирскую эмку. - Если возникнут вопросы - я на КП.

Еще один вылет. Теперь уже с бомбами. Жарковатый денечек. В памяти всплыли слова командира полка: "Мы же при вылете вам интервал изменили. Значит, и график пролета ворот изменился". График действительно здорово изменился. Пожалуй, теперь его нет вообще. Летаем и днем, и ночью. И с бомбами, и с торпедами.

...Опять впереди безбрежная водная гладь. Я в правом пеленге за самолетом Пяткова. Слева и справа нас прикрывают тупоносые "ишачки". Высота подходит к двум тысячам метров. Уставшее от неподвижности тело одолевает ломота. Отдохнули совсем немного, часика полтора, в кустиках около самолета. Даже не слышали фырканья газика, привезшего бомбы, топота множества ног и разговоров механиков. Конечно, они старались поменьше шуметь.

...Впереди на воде вражеские корабли маневрируют и непрерывно стреляют. С такой высоты они кажутся игрушечными катерами, которые быстро вращаются в разные стороны, оставляя на водной поверхности расходящиеся круги.

Делаем первый заход. На самолете ведущего открываются створки бомболюка. Вижу, как Кошелев дернул рычаг. Он повторяет все за ведущим.

Из люков машины Пяткова тонкой цепочкой высыпается первая серия бомб. Мой самолет тихонечко вздрагивает. Значит, и Петр нажал на кнопку электросбрасывателя.

Начинаем разворот для второго захода. Почти у бортов кораблей вижу белые пятна от бомбовых взрывов. Прямых попаданий, кажется, нет. Все корабли продолжают маневр циркуляцией, без перерыва палят из зениток. Пятков снижается до полутора тысяч метров. Небо вокруг покрывается темными дымными шапками. Постепенно сливаясь, они образуют сплошную туманную пелену. Зенитный огонь интенсивен, но волнения не вызывает. У нас вероятность попасть бомбой в корабль очень маленькая. Примерно такая же вероятность и у маневрирующего корабля попасть зенитным снарядом в наш самолет...

Вторая бомбовая цепочка вываливается из самолета Пяткова. Одновременно ведомые штурманы Гришин и Кошелев бросают последние бомбы. И опять водяные круги один за другим расползаются недалеко от бортов кораблей.

- Здорово мы их припугнули! - с сарказмом смеется Кошелев, когда мы уже вышли из зоны огня. - Тут же нужны пикировщики

или штурмовики. Они бы такую отходную фрицам сыграли!..

Небо чистое. Кругом ни единого облачка. Мы возвращаемся. Солнце теперь у нас сзади. Своими лучами оно как прожектором слепит стрелков, мешает им видеть пространство за самолетом.

- И где истребители запропастились? - удивляется Лукашов. - На первом заходе все время в сторонке крутились, а после я их и не видел.

- Остров Нерва под нами. Минут через двадцать к Кронштадту подскочим, успокаивает его Кошелев. - Домой прилетим, расстелю регланчик на травке и...

- И снова летим на задание, - задорно смеется Бабушкин. - Хотя бы успеть пообедать.

- Слева, километрах в трех, вижу "Фоккер-Д-21"! - тревожно кричит Лукашов. - Идет на сближение. Вправо наблюдать не могу. Солнце мешает.

Самолет у Пяткова вдруг резко кренится, налезает на нос моего самолета. Свалив машину в глубокий крен, я закрываю его фюзеляжем и теряю из виду. Резко убрав обороты обоим моторам, энергично отваливаю вправо.

- Выходи на прямую. Они впереди, метров двести, - информирует штурман.

Снова увидев ведущего, даю полный газ. Нужно быстрее сомкнуться: противник под боком.

- "Фоккер" сближается! Дистанция два километра, - волнуется Бабушкин.

- Это какой-то приблудный, - смеется Кошелев. - Он один на звено не полезет. Но вы смотрите внимательно!

Тут же тупые удары словно кнутом стеганули по самолету. Горящие трассы проносятся слева и справа, как молнии рубят по фюзеляжу, по крыльям, по обоим моторам.

Частая дробь кормового крупнокалиберного пулемета встряхнула машину и оборвалась. Трассы сразу куда-то исчезли, прекратились удары.

- Падает справа! Смотрите правее! - кричит Лукашов восторженно. - Со стороны солнца подкрался. Теперь горит и вращается в штопоре. Другой, что был слева, спиралью снижается, за ним наблюдает.

Но мне смотреть уже некогда. Правый мотор застучал и остановился. На левом начали греться головки цилиндров.

- Я и Бабушкин ранены. Баки пробиты. Бензин заливает кабину. От испарений трудно дышать, - хрипит Лукашов.

- Петя! Когда будем у острова Лавенсаари?

- Через шесть минут, командир.

- Лукашов! Где противник?

- Один "фоккер" врезался в воду. Второй улетел. Других истребителей не наблюдаю.

- Попытаемся долететь к Лавенсаари. Бензин вытекает. Левый мотор вот-вот скиснет. На всякий случай готовьте шлюпку. Можем не дотянуть.

Продырявленная машина еле летит. Высота уменьшается с каждой секундой. Левый мотор работает на номинале. Температура головок цилиндров превысила норму. Уже перегревается масло. Полную мощность давать нельзя - сразу заклинит.

...Лавенсаари перед глазами. Ставлю кран шасси на выпуск. Левая стойка выходит нормально, правая - только наполовину. Начинаю выкручивать аварийно, но трос перебит, и ручка вращается вхолостую.

Придется садиться на фюзеляж. Шасси при этом должны быть убраны. Теперь заела левая стойка. Став на замок, она больше не движется.

- Будем садиться на левую ногу! Всем привязаться и крепче держаться руками.

Машина уже на последней прямой. Левый мотор начинает давать перебои. Нам остаются только секунды. Высота двести метров. Прямо по курсу бухточка. В ней стоят сторожевые и торпедные катера. Сразу от берега бухточки начинается посадочная полоса. Для приземления на одно колесо она очень узкая.

Снопы огня вырываются с катеров и устремляются к самолету. Пули рвут и калечат обшивку, отрезают нам путь к полосе. Но нужно, обязательно нужно лететь им навстречу.

Петр выстреливает ракеты одну за другой. Огонь с катеров прекращается, и мы пролетаем над ними на высоте двадцать метров. В левом моторе скрежет усиливается, но, кажется, дотянули...

Младший сержант Леонид Бабушкин лежит на траве. Кисть раненой правой руки перемотана бинтом. Кожа лица серо-синяя от отравления парами бензина.

Усевшись на пне, старшина Георгий Лукашов руками поддерживает на весу ногу. На голени длинная рваная рана. Глядя на руки врача, он говорит, говорит без умолку:

- Понимаешь, один самолет-истребитель появился чуть раньше, левее, именно с той стороны, откуда нас солнце не слепит, чтобы внимание экипажа отвлечь. А другой, чуть попозже, словно бы прямо с солнца свалился. Как он к нам подошел, мы даже и не заметили. Увидели лишь тогда, когда он всей своей батареей по нашему самолету ударил. А батарея солидная: пушка

и четыре крупнокалиберных пулемета. Прицелился здорово, метров с пятидесяти. Меня плита броневая спасла. Я ее специально к турели подвешиваю, чтобы грудь и живот защищать. Поэтому всего одна пуля ногу задела. Остальные в бронеплиту угодили.

Врач начал смазывать рану йодом. Застонав от боли, Георгий прикрыл глаза и торопливо продолжил:

- Тут уж и я его, стервеца, подцепил. Задрал он машину и подвесил прямо над пулеметом. Думал, наверное, что мы оба убиты. Ну и врубил я ему прямо в брюхо. Бил, пока он не вспыхнул и на крыло не свалился...

Около нашего самолета толпятся матросы, солдаты-зенитчики. Летчики, техники, мотористы лазят по крыльям, по фюзеляжу, осматривают, считают пробоины. Медленно выбравшись из кабины, командир истребительной эскадрильи капитан Владимир Абрамов морщит высокий лоб:

- Как истребитель скажу по секрету. Атаковали они на пять с плюсом. Как ты до берега дотащился, не понимаю? Моторы избиты. Горючки из баков на землю ни капли не вытекло. Значит, в воздухе вылилось... А это на память возьми и храни, - протянул он мне черную пулю с отломанным носиком. - Бронеспинку твою расколола, а дальше не полетела. Не захотела тебя убивать, на иол кабины свалилась.

Литой, еще теплый сердечник крупнокалиберной пули лежит у меня на ладони. Раскаленный, он должен был в воздухе вонзиться мне в спину. Но помешала броня. Треснула от удара, но задержала.

- Смерть свою на ладонь положил! - смеется Володя. - Ты зажми ее, подлую, крепче. Не выпускай. И будешь живым до глубокой почетной старости.

Закончив беглый осмотр, к нам спешит инженер эскадрильи.

- Машину отремонтировать можно. Заменим моторы, оба воздушных винта да подклепаем где нужно, - перечисляет он, загибая пальцы на левой руке. - От посадки почти никаких повреждений. Поставим на правое шасси, мотогондолы подлечим - и все. Так что перевозите сюда техсостав и моторы. Мы ее сделаем - залюбуетесь...

- Скажешь еще, залюбуетесь. Ты бы хоть дырки сумел залатать. Нужно сходить на КП - к морякам, - сжимает Володя мне плечи. - Послушаем, что они нам подскажут.

- ...А вас уже радиограмма дожидается с тральщика, - говорит капитан-лейтенант, поднимаясь из-за стола нам навстречу. - Текст могу прочитать. Слушайте: "Прямо над собой наблюдал бой нашего бомбардировщика ДБ-3 с парой истребителей "Фоккер-

Д-21". Один истребитель сбит, упал в воду в трех кабельтовых от корабля. Дымящий бомбардировщик удаляется в сторону Лавенсаари". Это, наверное, о вас говорится? Копию радиограммы как справку для подтверждения я уже вам приготовил - можете получить. Сейчас направляйтесь в бригаду. Ночью на катере вас перебросят в Кронштадт.

...Моторы гудят непривычно громко. Катер легко скользит по воде, но мелкая зыбь бьет по днищу, как молотом.

- Здорово нам сыпанули под Соммерсом! - кричит прямо в ухо молоденький лейтенант. - Дырок наделали больше чем следует. Выходит, мы с вами "крестники". Меня в Кронштадт на ремонт направили. Наверное, надолго.

Пожалуй, он прав. Кажется, мы действительно "крестники". Эту машину быстро не восстановят, а новых в полку пока нет.

"13 июля. На другой же день после нашего возвращения технический состав, моторы, воздушные винты и масса всевозможных расходных материалов были через Кронштадт направлены на остров Лавенсаари. Мы же пока сидим на подхвате, то есть вместе с Кошелевым присутствуем на проработке задания, выезжаем с летным составом на аэродром и находимся на КП на случай, если кто вдруг заболеет. Стрелки Лукашов и Бабушкин лечатся в полковой санитарной части, но дня через два или три снова вернутся в строй. В общем, будем мы помнить и день 9 июля, и этот проклятый Соммерс!..

Кажется, в нашем полку проходит успешную отработку новый способ нанесения торпедных ударов, который мы именуем свободной охотой. Вылетая в плохую погоду, экипажи маскируют свой полет низкой облачностью, пересечением дождевых завес и туманов и скрытно выходят на вражеские морские коммуникации. Обнаружив корабль или транспорт, они атакуют фашистов стремительно и внезапно. Позавчера свободная охота принесла боевой успех трем экипажам..."

Днем над Финским заливом висели слоистые низкие облака, сыпавшие мелкую дождливую морось. Маскируясь в их нижней кромке, экипажи Дроздова и Бунимовича скрытно прошли почти до самого устья залива, незаметно сблизились с кораблями противника и были обнаружены только тогда, когда, оторвавшись от облаков, уже вышли на дистанцию залпа. Молнией промелькнув над судами, они взорвали торпедами крупный транспорт и сторожевой корабль.

А вечером на свободную охоту вылетел экипаж старшего лейтенанта Василия Балебина со штурманом капитаном Николаем Комаровым. Василий Балебин и Николай Комаров - ветераны полка, имеющие большой боевой опыт, в совершенстве

владеющие техникой пилотирования и самолетовождения днем и ночью, в сложных погодных условиях.

К моменту их взлета морось в районе аэродрома уже прекратилась, но низкие облака чуть не цепляли свисающими краями макушки высоких деревьев. В Финском заливе погода немного улучшилась. Недалеко от острова Гогланд экипаж обнаружил вражеский миноносец. Маскируясь сумерками июльской ночи, Василий Балебин вывел самолет в темную часть горизонта и оттуда атаковал фашистский корабль. Метко сброшенная торпеда взорвалась в его носовой части. Это первый миноносец, потопленный летчиками полка торпедным ударом.

"14 июля. Ночью на связном самолете У-2 проскочил над Финским заливом к острову Лавенсаари. Бригада ремонтников во главе с техником самолета Авдеевым уже развернула круглосуточную работу. По подсчетам Авдеева, через две недели самолет будет готов к облету. Придется набраться терпения и ждать. Главное то, что на острове инженер истребительной эскадрильи создал все условия для успешного выполнения сложных ремонтных работ".

"23 июля. Просто невыносимо сидеть без дела, когда почти каждую ночь летают товарищи. За все эти дни лишь два раза удалось подменить прихворнувших летчиков. Остальное время прокоротали с Виктором Алексеевым. Перед вечером проводим друзей до автобуса, садимся вдвоем на веранде: Виктор играет что-нибудь на баяне, а я подпеваю вполголоса. Так и грустим потихонечку.

Вчера от нас убыл полковник Преображенский. Он назначен командиром 8-й минно-торпедной авиационной дивизии. Полк принял его заместитель майор Николай Васильевич Челноков..."

Познакомился я с Николаем Васильевичем еще в Новой Ладоге, когда он командовал эскадрильей штурмовиков. Помню, он нам самолет свой показывал. "Илы" тогда были редкостью, и Челноков говорил горделиво:

- Ил-2 не машина, а дьявол! Фашисты ее пуще смерти боятся. Только мы появимся, сразу же паника несусветная начинается. Тут не зевай, успевай поворачиваться. Кого эрэсами, кого бомбами угостишь. Потом шваркнешь из пушек, и делу конец. Подыхайте, пожалуйста, коли жизнь надоела. Мы вас к себе за смертью не приглашали...

С виду он строгий и недоступный. На самом же дело чуткий, отзывчивый, обаятельный человек. И летчик отменный - смелый, решительный, дерзкий; на его груди - Золотая Звезда и четыре ордена.

Неудачный полет

"30 июля. Опять неудача!.. Лежа в постели, припоминаю, как все получилось. Одновременно с трудом вывожу каракули на листочке бумаги.

Отказ мотора на взлете к хорошему не приводит, особенно если самолет до предела загружен, а высота пять - семь метров...

В госпитале провалялся три дня. У меня оказался вывихнутым тазобедренный сустав, разбиты левый коленный и плечевой. Всевозможные ушибы и ранения кожи я не считаю. Тазобедренный сустав вправили быстро, а колено без боли пока не сгибается. Болит и плечо, но я понемногу передвигаюсь с помощью палки и костыля.

Когда вспоминаю госпиталь - жутко становится. В общей палате насмотришься всякого. К счастью, одна нянечка оказалась такой понимающей... С согласия главного хирурга принесла она мое рваное барахлишко, кое-как подлатала, пятна почистила и до ворот проводила.

До аэродрома добирался на попутном грузовике. Косточки растряслись, разболелись. Думал, не выдержу. Но теперь уже дома, вернулся. Остается немножечко подлечиться..."

"3 августа. Ночью погиб экипаж лейтенанта Василия Ребрикова. Штурманом с ним летал лейтенант Соловьев, а воздушными стрелками сержант Кочетков и матрос Дробышевский - симпатичные, молодые ребята. Знаю я их немного, только в лицо, но Вася перед глазами стоит вот таким, каким видел его перед вылетом: взгляд серых глаз спокойный, мечтательный, а губы чуть тронуты мягкой улыбкой. Скромный, замечательный парень, он очень любил свою мать, часто писал ей преувеличенно бодрые письма, чтобы она за него не волновалась..."

"15 августа. Вместе с Лукашовым и Бабушкиным уже несколько дней находимся в Устюжне - небольшом городе, затерявшемся в вологодских лесах. На его окраине расположен наш дивизионный дом отдыха.

Природа здесь изумительная. Домики окружены густой зеленью, а кругом куда ни посмотришь - широкие поля и серебристо-зеленые перелески. Питание хорошее, можно сказать, довоенного качества. Камбузом командует тетя Дуня маленькая, сухощавая, очень подвижная старушка, которой вчера исполнилось семьдесят лет. Но в работе она неутомима и готовит прекрасно.

Однако нас одолевает немилосердная скука. Здесь нет ни газет, ни радио. Сводки Советского информбюро поступают с большим опозданием. -Кажется, в мире все замерло, убаюкалось пыльной устюжинской дремотой.

С ногами дела обстоят неважнецки. Колено болит и не гнется. Дом отдыха у нас доморощенный. Врач здесь одни - терапевт. В хирургии он, к сожалению, разбирается слабо. Посмотрит мое колено, вздохнет, посочувствует и снова бинтом замотает. Боюсь, как бы мне совсем без ноги не остаться".

"25 августа. Пришлось вернуться в ленинградский военно-морской госпиталь. Расположен он на проспекте Газа. Лежу в небольшой двухместной палате. Соседа пока не подселили, но это явление временное. Сейчас война, и приемное отделение работает круглосуточно. А уж хирурги буквально не вылезают из операционной.

Изголодавшись по информации, не снимаю наушники с головы. Слушаю все подряд, без разбора. Под музыку потихонечку размышляю о сложившейся обстановке. Главный хирург Федор Маркович Данович осмотрел мою ногу, отругал за легкомысленное отношение к собственному здоровью и установил строгий постельный режим. В случае несоблюдения его указаний он гарантирует неподвижность сустава и хромоту. Придется серьезно заняться лечением.

С удовольствием вспоминаю устюжинский дом отдыха, тихий тенистый приусадебный парк, простоту отношений и заботливое внимание обслуживающего персонала. В госпитале все по-иному. Народу много. У врачей напряжение и ответственность колоссальные. Они всегда куда-то торопятся. А госпитальная тишина частенько нарушается грохотом разрывов артиллерийских снарядов. В Устюжне лечения не было, но кормили прекрасно. Здесь медицины хоть отбавляй, зато с харчишками туговато. На блокадном пайке особо не разговеешься".

"29 августа. В мою палату положили летчика-истребителя Пашу. Ранение у него пустяковое. Пуля снизу влетела в кабину, пробила уложенный парашют и застряла в мягкой ткани бедра. Привезли его с операции, переложили с тележки в кровать, и лежит он насупленный, нелюдимый.

- Паша! - говорю я ему. - Если тебе очень больно, реви, не стесняйся. Говорят, от крика легче становится.

А он лежит и молчит, ну словно не слышит, только брови хмурятся больше. Потом повернулся ко мне и спрашивает:

- На лбу у тебя что за отметина?

- Осколочком, - отвечаю, - еще в сорок первом царапнуло.

- Осколочком, говоришь?.. Отметинка славная. С такой и друзьям показаться не стыдно. А у меня? Ты только подумай! Допустим, рубец мой в бане увидят?.. Засмеют, не иначе. Скажут: "Ты что, от фашистов бежал или в атаку задом кидался?"

Ох и взорвался я смехом после его монолога! Даже сестричка с поста прибежала. Потом он отмяк, улыбнулся и сказал успокоенно:

- Наверное, скоро друзья подойдут - навестить обещали. О нашей беседе ты им ни гуту. Узнают - со свету сживут. Им, зубоскалам, любая зацепка сгодится..."

"2 сентября. Вчера над Красногвардейском сбили экипаж старшего лейтенанта Овсянникова. С ним погибли штурман старший лейтенант Пронин, воздушные стрелки сержанты Швалев и Рязанцев.

Самолет загорелся на подходе к вражескому аэродрому, но они маневрировали на боевом курсе, пока не сбросили бомбы. Потом машина взорвалась...

Эх, Леня, Леня! Был ты первым моим командиром звена, наставником и другом после училища. Вместе летали в финскую, начинали Отечественную. Как-то перед войной, проезжая через Москву, зашли мы в один из домов на улице Полины Осипенко. Там я увидел твою мамашу. С какой радостью, с какой любовью она тебя встретила!.. Вспоминая об этом, с трепетом думаю: как же воспримет она эту скорбную весть? Обещаю вам, братцы, если еще доведется мне сесть за штурвал, то первый удар будет за вашу светлую память!"

"3 сентября. Данович - кудесник! Творит чудеса!

Привезли к нам сегодня с передовой двух матросов. Видно, сошлись они врукопашную с фашистами и напоролись на автоматный огонь. Очередями в упор их почти пополам перерезали. Отбросил все дела Федор Маркович и пошел оперировать. Шесть часов простоял у стола. Ни на секундочку не присел, хотя, наверно, устал до предела. Сейчас оба раненых лежат в соседней палате. От наркоза еще не очнулись, но живы... Это, наверное, не мастерство, а искусство. Все врачи восхищаются, говорят, что он их воскресил. А выздоравливающие тихонечко ходят по коридору, стараются через дверь на них поглядеть. Только не всем удается. Сандружинница не разрешает".

"4 сентября. В ночь на 3 сентября не вернулся с задания мой друг по училищу, первоклассный боевой летчик капитан Иван Зотов. Погиб он в районе Луги вместе со штурманом старшим лейтенантом Левитовым и воздушными стрелками Майоровым и Поповым. По докладам летавших в ту ночь экипажей, Зотов первым пробился через зенитный заслон к аэродрому противника и сбросил бомбы в районе стоянки вражеских самолетов. Остальные штурманы производили бомбометание, используя эти пожары как точку прицеливания. Уже после выхода из зоны

обстрела зенитной артиллерии его атаковал и поджег фашистский ночной истребитель. Перестрелка длилась недолго. Внезапность атаки дала врагу огромное преимущество...

Вот и еще один экипаж не вернулся на нашу обжитую базу. Погиб один из самых близких моих друзей. Сердце, наверное, одеревенело. Хотел бы заплакать, но не могу. От злости мутится разум, а глаза остаются сухими. Так хочется побыстрее вернуться в полк, повидаться с ребятами. Какие же они молодцы! Сумели так насолить фашистам, что враги из Германии к Луге опытных ночников-истребителей перебросили".

"6 сентября. В соседнюю комнату положили знакомого летчика-истребителя Зосимова. Все удивляются, как он домой через фронт дотянул? Как сумел привести и посадить самолет почти без сознания? Снаряд "эрликона" разорвался в кабине. Осколки страшно изранили ноги и грудь. А за время полета он потерял столько крови!.."

Пока везли его в госпиталь, ноги поразила гангрена. Данович решил их немедленно ампутировать. Но этому воспротивился заместитель командира полка майор Кудымов, приехавший вместе с раненым. Сам Зосимов говорить уже не мог, так как был без сознания.

- Вы его в жизни не знаете, - заявил Кудымов Дановичу. - Это не человек, а огонь. Красавец, спортсмен, весельчак. Вечно смеется и шутит, прекрасно танцует. Главное, летчик отменный. Без ног и представить его невозможно.

- Он же умрет, - возразил Федор Маркович.

- Если уж суждено ему умереть, - насупил рыжеватые брови майор, пускай умирает с ногами. Без них он уже не жилец, живым в мертвеца превратится. Делайте что хотите, но ноги ему сохраните.

И Данович решился. Для Кудымова и меня эта операция казалась мучительно долгой. Когда она кончилась, Зосимова положили в кровать, а над всем его туловищем марлевый колпак натянули, чтобы ничего не попадало на обработанные, но совершенно открытые раны.

Уже почти сутки Зосимов не приходит в сознание, однако я за него не волнуюсь. Верю в Дановича безгранично. Разбитое колено у меня заживает. Нога начинает сгибаться. А скольких, как говорят, безнадежных отнял он у смерти! Привозят их почти непрерывно и днем, и ночью. Он оперирует как автомат, почти без отдыха и без сна. Большинство его операций заканчиваются благополучно. Казалось бы безнадежным он возвращает самое дорогое возможность жить на земле.

На днях встретил я одного краснофлотца. Парнишка

молоденький, стройный, веселый. К Дановичу заходил попрощаться. На коже лица заметны следы ожога. Тут и узнал я его историю. Он горящий боезапас из подводной лодки выбрасывал. Пылающие снарядные ящики на руках поднимал и бежал с ними. Корабль свой он спас, но себя изуродовал. Лицо, грудь и шея спеклись в одном кровавом ожоге. Долго лежал краснофлотец под марлевым колпаком, именно под таким, под каким лежит сейчас Зосимов. А теперь снова в строю. Наверное, воюет на спасенной им лодке.

Верю, что и с Зосимовым так же получится. Будет он снова летать и плясать. Раз уж Данович решился - исцелит обязательно.

Рядом с его кроватью сидит в бессменном дежурстве сандружинница Шурочка. Молодая красивая девушка добровольно ухаживает за самыми тяжело раненными. Она - ленинградская комсомолка.

"8 сентября. Снова меня навестил Петр Кошелев и принес печальную весть. Ночью над Лугой ночной истребитель сбил еще один наш экипаж. Погибли летчик капитан Кузнецов, штурман старший лейтенант Ткачук, стрелки сержант Тесленко и матрос Добкевич.

Совсем недавно в полку было три Кузнецова: лейтенант, капитан и майор. 14 июля погиб лейтенант Сергей Кузнецов со штурманом лейтенантом Гусаровым и стрелками Храмовым и Васильевым. Вчера погиб капитан. Остался только Сергей Иванович, командир эскадрильи, но Петр сказал, что он переходит в разведывательный полк. Выходит, из трех Кузнецовых я не застану ни одного. Конечно, с Сергеем Ивановичем, может, и встретимся, а с другими..."

"14 сентября. Сегодня меня наградили орденом, прямо здесь - в госпитале..."

Начался этот день как обычно. Из палаты пошел я в столовую, из столовой - на перевязку, с перевязки направился снова в палату. Вхожу, а сестричка постель аккуратненько заправляет, подушки красиво укладывает. Меня увидела и говорит:

- Вы пока не ложитесь. Сейчас начальство большое пожалует. Я побегу доложу, что вы здесь.

Сел я на табурет, ногу поудобнее вытянул, трость к стене прислонил, а сам думаю: "Ошиблась она. Кто из начальства может меня навестить? Кому я здесь нужен?" Гляжу, открывается дверь и первым заходит член Военного совета Краснознаменного Балтийского флота дивизионный комиссар Филаретов. За ним появляются Оганезов, Данович, Кошелев и трое совсем незнакомых мужчин в накинутых на плечи халатах.

- Прибыли мы, - улыбаясь, сказал Филаретов, - с высокой

наградой тебя поздравить. От имени Президиума Верховного Совета СССР мне поручено вручить тебе орден Красного Знамени.

Раскрыл он коробочку, осторожно вытащил орден и к лацкану госпитальной тужурки его привинтил. От неожиданности я растерялся, а он обнял меня и расцеловал по-отечески. Затем взял папку у адъютанта, вынул листок бумаги и мне его протянул:

- По представлению командования решением военного трибунала судимость с тебя снята, что сим документом за подписью и печатью удостоверяется.

Такого подарка я вовсе не ожидал. Чувствую, в голове закружилось немножечко, а горло сдавило - слова сказать не могу. Оперся покрепче на палку, гляжу на него и стою будто каменный. Оганезов, Данович жмут мою руку, поздравления говорят, но до меня их слова словно бы не доходят. Кажется, все происходит не наяву, а во сне...

Когда все ушли, Кошелев рассказал "по секрету", как все получилось.

Позавчера Филаретов проводил награждение в нашем полку. Закончив вручение орденов и медалей, он собрал награжденных и начал беседовать. Тут и обратился к нему Иван Кудряшов:

- Сегодня мне второй орден вручили. Благодарность словами выразить не могу, докажу ее делом, а сейчас прошу одну просьбу выслушать. Мой командир звена лежит в госпитале. Судимость с него не снята еще с прошлого года. Представление делалось другой частью и, видимо, затерялось...

Просьбу Ивана сразу же поддержали и Оганезов и Челноков. Выслушал их Филаретов, пообещал разобраться.

Случилось это позавчера, а сегодня... На орден гляжу и справку вновь и вновь перечитываю. Выходит, не зря Филаретов сказал на прощание:

- Друзья у тебя в полку настоящие. Они помнят тебя и ждут с нетерпением...

"16 сентября. В ночь на пятнадцатое в районе Таллина сбит еще один экипаж в составе капитана Пушкина, старшего лейтенанта Новоселова и сержанта Строкова.

Гибнут и гибнут боевые товарищи один за другим, и сердце томится в каком-то тоскливом предчувствии. Кажется, этому горю не будет конца. К нам в госпиталь раненые поступают почти непрерывно. Их провозят по коридору на медицинских тележках, несут на носилках. На лица посмотришь: большинство молодые, красивые. Этим парням нужно бы в заводском цеху у станка или в поле на тракторе работать. А они распластались на койках беспомощно, хватают воздух по-рыбьи открытыми ртами или от боли зубами скрежещут. Поглядишь в помутневшие от страданий

глаза, и душа обливается кровью..."

"20 сентября. А Зосимов - молодец! Уже улыбается. У него терпение адское. Делает вид, что боли не чувствует, хоть лежит, как и прежде, под марлевым колпаком. Уходя от него, Данович сияет. Первоначальная неуверенность в благополучном исходе начала забываться; Опыт удался блестяще, и он поистине счастлив.

Моя нога заживает нормально. Уже получил разрешение ходить без ограничения нагрузки. Но в полк Данович пока не выписывает. Говорит, что лучше перелечиться неделю, чем черев неделю вернуться на месяц. Переспорить его невозможно и приходится соглашаться..."

"25 сентября. Подходит момент расставания с госпиталем. Выписка запланирована на завтра. Пока хожу, опираясь на палку. Нога чуть побаливает в бедре и в колене, но сгибается полностью. Теперь для окончательного выздоровления необходимо лишь время.

Когда узнал, что назначена выписка, возникло какое-то сложное чувство. С одной стороны, захотелось немедленно убежать без оглядки, чтобы не томиться от вынужденного безделья, не видеть страданий и мук окружающих. С другой - очень жаль покинуть хороших людей без надежды когда-либо встретиться и расплатиться добром за добро. Сердечные, трудолюбивые, невзыскательные, сколько терпения, ласки, простой человеческой теплоты отдают они раненым! Все это нельзя ни измерить, ни взвесить, а можно только прочувствовать.

Зосимов смотрит на меня с нескрываемой завистью. Я уезжаю здоровый, а ему даже двигаться не разрешают. Хорошо, что хоть сняли колпак и лежит он теперь под одеялом. Его состояние мне понятно. Бывает обидно смотреть на ходячих, еще не зная, будешь ли сам нормально передвигаться".

"26 сентября. Выписался из госпиталя и снова вернулся в полк..."

От станции я медленно брел по безлюдным улочкам Всеволожского поселка, сбивая палкой с ветвистых деревьев пожелтевшие листья. Кажется, только вчера начиналась весна и эти деревца в буйном цветении наряжались зеленым убранством. А теперь уже осень, и безжизненно падают листья, устилая шуршащим ковром пожелтевшую землю.

Вдали показалась островерхая крыша нашего общежития. Душу заполнил прилив безудержной радости. Захотелось быстрее увидеть товарищей, посидеть среди них, покурить, послушать их разговоры. Сразу же вспомнил, что многих уже не увижу, и к сердцу подкралась щемящая грусть.

Недалеко от ворот сломал о колено давно надоевшую палку и не хромая вошел во двор. Наконец-то я дома - под родным приветливым кровом! Именно под родным. Здесь боевые друзья - мои крылатые братья. И даже сестренка имеется - наша официантка Тося.

В окне промелькнуло лицо Алексеева. Через секунду он выбежал на крыльцо и бросился мне на шею. За ним подбежали Кошелев, Чванов, Колесник и Кудряшов. Кругом замелькали знакомые лица. Друзья жали руки, хлопали по плечам, интересовались состоянием здоровья.

После ужина, проводив ребят до автобуса, вместе с Виктором Алексеевым задержались на улице. Было приятно стоять и смотреть, как на блеклом темнеющем небе одна за другой загораются звездочки, ощущать теплоту нашей дружеской встречи, сознавать, что теперь я действительно дома.

"12 октября. Уже несколько дней нет погоды. Небо обложено низкими плотными тучами. Порывистый ветер пригибает макушки деревьев, заливает оконные стекла осенней моросью. Вечером летчики даже не выезжают на аэродром..."

В один из таких вечеров познакомился с молоденькой девушкой. Зовут ее Ниной. Совсем недавно шестнадцать исполнилось. Худенькая. Личико бледное до синевы. А глаза большие, серьезные, будто у взрослой. И рассуждать приучилась неторопливо. Лишь иногда вдруг собьется и залепечет отрывисто, сбивчиво, совсем как ребенок. И смеется по-детски заливисто. Горя за время войны она хватила с избытком. В сорок первом на фронте погиб отец. Мама зимой умерла от голода. Так и остались в блокаде вдвоем с восьмилетней сестренкой. Помнит, как в самое тяжкое время пухла от голода, иногда теряла сознание, но даже не представляет, как выжила и сестренку уберегла...

На веранде под звуки баяна стихийно начинаются танцы. А мы садимся в сторонке и наблюдаем, как веселятся товарищи. К полуночи танцы заканчиваются. Ребята надевают регланы и гурьбой провожают девушек до центра поселка. В темноте я на улицу не выхожу. Боюсь поскользнуться и снова вывихнуть ногу.

"19 октября. Сегодня днем шесть экипажей летали с торпедами в Финский залив на охоту. Василий Балебин со штурманом Николаем Комаровым и Иван Кудряшов со штурманом Виктором Чвановым сквозь сильный дождь прорвались за остров Гогланд и внезапно обнаружили миноносец и транспорт. Атаковали противника с ходу, молниеносно. Теперь на счету у экипажа Балебина два утопленных корабля, а экипаж Ивана Кудряшова открыл личный счет потопленным транспортам.

У меня самочувствие замечательное, болей в бедре и колене

не ощущаю. Но Дроздов к полетам не допускает, говорит, что нужно дождаться, пока окрепну по-настоящему. Думаю, дело не в этом. После ремонта мою машину отдали лейтенанту Новицкому. Он к ней уже прилетался, привык. И отбирать неудобно может обидеться. Иван Новицкий - хороший летчик, прекрасный товарищ, но уже долгое время сидел на земле без машины. Поэтому Дроздов и не хочет портить ему настроение. Значит, придется теперь сидеть мне. Говорят, что скоро пригонят новые самолеты..."

"20 октября. В Финском заливе, на траверзе острова Нарген, Алексей Пятков со штурманом Евгением Шевченко обнаружили и потопили вражеский транспорт водоизмещением две тысячи пятьсот тонн, а при возвращении провели успешный воздушный бой с "фоккерами"..."

Кораблей охранения в этот раз не было. Низкая облачность с моросью обеспечили внезапность и успех удара. Однако на обратном маршруте дождь прекратился и погода начала улучшаться. Постепенно облака совсем поредели, и показалось ясное небо. До Кронштадта оставалось всего пятнадцать - двадцать минут полета, когда им повстречалась четверка финских истребителей. Щюцкоровцы на "фоккерах" атаковали самолет Алексея Пяткова с хвоста двумя парами. Воздушные стрелки гвардии старшие сержанты Быков и Лукашов приготовились к отражению их ударов.

Снизившись к самой воде, Пятков разгоняет машину до максимальной скорости. Истребители медленно приближаются. Первой же длинной очередью Быков сбивает ведущего головной пары. Тупоносый "фоккер" врезается в воду. Ведущего второй пары с близкой дистанции расстреливает Лукашов. Желтоватое пламя неровными языками вырывается из-под моторного капота на коротенький фюзеляж истребителя, и он отворачивает в направлении Койвисто. Оставшись без вожаков, ведомые отказываются от продолжения боя. Маневрируя на порядочном удалении, они провожают Пяткова почти до Кронштадта и скрываются в нависших над берегом облаках.

На разборе этого вылета Челноков подчеркнул, что фашисты, видимо, поняли и по достоинству оценили нарастающую интенсивность и высокую эффективность торпедных ударов балтийских летчиков и срочно предпринимают ответные меры. Поэтому нам надо немедленно начать отработку новых тактических приемов, чтобы более скрытно торпедоносцы могли выходить на морские коммуникации противника.

"25 октября. Даже не знаю, как начать эту запись. Нет больше в пашем полку смелого боевого летчика, скромного, отзывчивого

товарища, самого близкого мне человека Ивана Андреевича Кудряшова.

Сегодня он не вернулся с задания. Уже точно известно, где и как его сбили, а я все не верю, все жду его появления... Мне почему-то всегда казалось, что он не может погибнуть. Умный, правдивый, веселый, красивый, он должен был жить и творить, дерзать и любить, давать людям счастье и защищать их от недругов. И вдруг эта страшная весть..."

"28 октября. Новицкий уехал в дом отдыха в Устюжну, и я не могу найти себе места. Все время перед глазами Иван Кудряшов. Даже во сне его вижу. Кроме того, по полетам ужасно соскучился. Дроздов говорит, что и к нам пригнали новые самолеты. Шутя обещает отдать самый лучший, по выбору. Наверное, поэтому я и мечусь. Надоело ходить иждивенцем".

"1 ноября. Сегодня на самолете Пяткова прилетел пассажиром на наш тыловой аэродром. После обеда сходил на стоянку и посмотрел самолеты. Новые, прямо с завода, они так и просятся в небо. Потом договорился с Пятковым. Сначала меня он проверит, а потом я слетаю самостоятельно".

"2 ноября. Случилось такое, о чем никогда и не думал. Кажется, я испытал настоящий страх. Только благодаря отработанным навыкам мне удалось удержаться от непоправимых ошибок..."

Утром пришли мы с Пятковым на самолет и заняли места в кабинах. Пристегиваю я парашют, а чувство такое, что вроде лететь не хочется, будто опасаюсь чего-то. Откуда взялась эта боязнь - понять не могу, но тело словно ознобом продергивает.

Запустили моторы, начали их прогревать. Они, как положено, на замасленных свечах похлопывают. Вот тут и сковало мне сердце. Самые страшные мысли одна за другую цепляются. Хочется вылезти из кабины и не лететь. Знаю, что свечи прожгутся и моторы будут работать нормально, а побороть себя не могу, не могу обрести душевное равновесие.

Когда на старт порулили, я думал только о том, что моторы должны отказать обязательно. И взлетал с чувством страха. Успокоился лишь тогда, когда самолет набрал высоту и появилась возможность маневра при отказе моторов. Но когда пошли на посадку, чувство боязни снова вернулось. Чем ближе земля, тем оно ощутимее.

Пятков после первой посадки хотел меня выпустить самостоятельно, но я попросил его сделать еще два полета по кругу. Он удивился, но полетел. Во время этих полетов я немного втянулся и почувствовал себя лучше.

Потом почти через силу летал два часа по маршруту на

бреющем, эту дурь из себя выгонял. К концу тренировки восстановились все навыки, но тревожное чувство все же осталось.

"5 ноября. За два дня налетал девять часов. По совету Пяткова тренировался в пилотировании по приборам. Однако на каждом отрезке маршрута обязательно снижался до бреющего, привыкал к маневру у самой земли. Страхи исчезли так же внезапно, как и возникли. Опять от полета получаю одно удовольствие. Но свой неудачный взлет и вот эти его последствия я, наверное, буду помнить всю жизнь..."

Когда-то в училище мы, курсанты, увлекались книгой американского пилота-испытателя Джимми Коллинза "Ваши крылья". Ценили ее за правдивое описание полетов, за тонкий юмор и влюбленность пилота в свою профессию. В ней он давал много полезных советов коллегам. Тогда я припомнил один из них. Джимми Коллинз в коротенькой юмореске сделал вывод о том, что если у летчика появится чувство боязни, он должен немедленно кончить летать. В противном случае перед друзьями возникнет проблема оплаты цветов на его могилу. До второй аварии я не очень задумывался над практической ценностью этого афоризма, тогда как после нее понял его справедливость. Видимо, Джимми когда-то прочувствовал то, что прочувствовал я. Боязнь полета для летчика самое страшное. В любой, даже очень простой ситуации она обязательно вызовет панику, а значит, и непременную гибель.

Конец ленинградской блокады

"11 ноября. Наконец мы дома. Из тыла вырвались просто чудом. Погода стоит отвратительная. И сегодняшнее улучшение оказалось весьма кратковременным. Только мы приземлились, как пошел мокрый снег.

Нелетный вечер начался как обычно. Одни играли на бильярде. Другие стучали костяшками домино. А третьи, самые умные, склонились в раздумье над шахматными фигурками. Те же, кому окончательно надоело скучать, попросили Виктора Алексеева поиграть на баяне. Он согласился, и у нас состоялся прекрасный баянный концерт. На улице воет промозглый осенний ветер. Оконные стекла залеплены мокрыми серыми хлопьями. А в нашей гостиной тепло, и домик наполнился музыкой...

Прикрыв на секунду глаза, я увидел вдруг Шуру, услышал ее слова: "Помни, и я жду!.."

Баян вдруг умолк. Вздрогнув, я словно проснулся и украдкой взглянул на ребят. Они продолжали сидеть неподвижно, молча переживая все то, что было навеяно звуками музыки. Только Дроздов, глядя на Виктора повлажневшими от восторга глазами,

прошептал:

- Ну и играет! Такое только раз в жизни можно услышать. Талант!.."

"19 ноября. Сегодня впервые летали на блокирование авиации противника. Нашему экипажу был выделен один аэродром, расположенный около Пскова. Задача оказалась не из простых. Пришлось повисеть над целью около полутора часов.

В первом ударе мы подлетели к аэродрому скрытно, снижаясь с большой высоты на приглушенных моторах. Бомбу бросили с ходу. После ее разрыва фашисты открыли зенитный огонь с большим опозданием. Снова набрав высоту, мы подождали, пока зенитчики успокоятся, и повторили маневр. Однако противник уже находился в готовности. После взрыва второй бомбы нас на отходе схватили прожекторы, и сразу же начался интенсивный зенитный обстрел. Маневрируя, мы снова вышли из зоны огня, без промедления приглушили моторы и развернулись курсом на летное поле. Такого маневра зенитчики, видно, не ожидали и открыли огонь лишь тогда, когда взорвалась третья бомба. Так, с перерывами в десять - пятнадцать минут, мы выполнили десять заходов. За это время с аэродрома противника ни один самолет не взлетел, а на летном поле даже стартовые огни не включались. В установленное время нас подменил экипаж старшего лейтенанта Самедова. Увидев взрыв его первой бомбы, мы улетели".

"12 декабря. Зима никак не войдет в свою настоящую колею. Морозы сменяются оттепелями, снегопады - моросью с гололедом и сильным обледенением. Даже всеволожские девчата научились определять, когда нас могут вызвать на аэродром, а когда мы наверняка находимся дома. Если на улице слякоть с моросящим дождем, а автобус стоит у ворот без водителя, значит, полетов не будет и можно смело идти к нам в гости".

Я стараюсь щадить поврежденную ногу и избегаю резких движений, поэтому в нелетные вечера Нина стала моим "сидячим" партнером. В душе ей, наверное, обидно, что наши пилоты считают ее еще маленькой девочкой и уделяют больше внимания взрослым подругам. Однако вида она не показывает, а, усевшись поблизости, внимательно наблюдает за окружающими и говорит, говорит без умолку. Обсуждаем мы все, от слухов о возможном прорыве блокады до проблем отоваривания продуктовых карточек и заготовки необходимого количества дров. С продуктами и топливом положение улучшилось, но все же их пока не хватает.

Характер у Нины меняется на глазах. Она становится более наблюдательной и серьезной и рассуждает логичнее, четче. И совершенно не красится. Лишь однажды пришла с подведенными

тушью глазами. Я сделал вид, что ничего не заметил.

Через минуту услышал вопрос:

- Скажи откровенно, тебе Раечка нравится?

Нашел глазами ее подружку в толпе, оглядел иронически и ответил небрежно:

- Представь себе, нет.

- Почему? Такая красивая, видная. И танцует чудесно.

Ответил не сразу.

- Видишь ли, - говорю, - приглядись повнимательней. С виду Рая действительно броская, яркая. Но это все неестественное. Это же не она, а одна помада. За гримом лицо совсем исчезло, осталась маска.

Отвернулась она. Потом вдруг засуетилась и, сославшись на занятость, убежала. А назавтра опять появилась веселая и совершенно без грима.

"29 декабря. Из Москвы получил сразу четыре письма: два от мамы, а два от Шурочки. Обе очень волнуются за меня. От кого-то узнали, что я разбился и лежал в госпитале с серьезным ранением. Возмущаются, почему об этом умалчиваю. О повреждении левой ноги я им действительно ничего не писал. Зачем волновать раньше времени? А когда лечение закончилось, отпала необходимость сообщать о былой неприятности. Но информатор все же нашелся. Кто он, пока неизвестно. Однако поистине мир становится тесен".

"1 января 1943 года. На дворе красота! Светит яркое солнце. Щеки румянит ядреный морозец. Новый год обозначил себя замечательно. Кудесница природа будто в пику отжившему году упрятала под искрящееся белоснежное покрывало все неприглядное, серое, нудное, наполнила воздух зимней свежестью..."

Старый год уходил как-то нервно, сумбурно. Началось все с того, что 31 декабря, уже после обеда, нам раздали подарки трудящихся. Мне с Бунимовичем на два экипажа вручили большую посылку, присланную из далекого тыла. В ней оказались и бутылки с вином, и закуски, и даже два кусочка туалетного мыла. Распределив содержимое между техниками, стрелками и штурманами, мы с Бунимовичем взяли себе кисет с табаком и маленький мундштучок.

Еще до наступления сумерек было известно, что из-за скверной погоды на аэродром нас не вызовут. Все начали дружно готовиться к встрече Нового года. Но вскоре поступила команда срочно прибыть на командный пункт. Хотя погода была действительно отвратительной, мы все же готовились к нанесению бомбоудара, даже разъехались по самолетам. Однако в

конце концов сумбур прекратился и отбой последовал своевременно.

В 23.30 мы на автобусе уже подъезжали к нашему домику. Летчики и штурманы сразу собрались в столовой на праздничный ужин. В коротеньком выступлении комиссар полка Оганезов подвел итог нашим действиям за год и поднял первый тост за советский народ, за нашу родную партию, за товарища Сталина. Потом из хрипящего репродуктора послышался звон Кремлевских курантов. А ровно в полночь гвардии майор Челноков поздравил всех с Новым годом и провозгласил тост за нашу победу! Далее - музыка, танцы и короткий концерт самодеятельности. Праздник закончился в два часа ночи.

Так проводили мы старый год и встретили новый. Спать не хотелось, и мы вышли на улицу. Хмурое небо к утру прояснилось. Над Ленинградом всходило ослепительно яркое солнце. Заблестели сугробы. Сияли радостными улыбками истомленные лица редких прохожих. Они подходили к нам, жали руки, желали скорой победы...

"6 января. Погода стоит сухая, морозная, ясная. Делаем по два-три вылета в ночь. Бомбим аэродромы, железнодорожные станции и тыловые объекты фашистов. Несколько раз вылетали глушить вражеские батареи, стрелявшие по Ленинграду. Настроение бодрое, даже приподнятое. Наши войска бьют противника под Сталинградом, перемалывают в котле огромную вражескую группировку. Теперь нужно ждать активизации действий со стороны Ленинградского фронта. Видимо, скоро и мы должны разорвать блокаду.

По данным разведки, фашисты намерены усилить бомбардировку нашего города. Вчера экипаж старшего лейтенанта Летуновского пролетел над аэродромами Кресты, Коровье Село, Луга, Сольцы, Городецк, Лисин, Сумск. Везде обнаружено скопление фашистских бомбардировщиков. С сегодняшней ночи приступаем к блокаде этой авиационной группировки. Приказано всеми силами помешать врагу выполнить их коварный замысел..."

"9 января. Знаменательное противоборство. Фашисты блокируют Ленинград, стремятся бомбежками, артобстрелами уничтожить его защитников, сломить их волю и мужество. Мы же блокируем их авиацию, срываем бомбоудары, уничтожаем фашистские самолеты, склады боезапаса и топлива, оберегаем защитников Ленинграда..."

Блокада вражеских аэродромов проводится комбинированно. Опытные экипажи капитанов Косова, Чернова, старших лейтенантов Балебина, Стрелецкого, Самедова, Курячего,

лейтенанта Разгонина в течение всей ночи патрулируют в районе заданного объекта, взрывами одиночных бомб выводят из строя летное поле, делают невозможным взлет самолетов. Одновременно остальным составом полка мы наносим удары по одной или двум группировкам вражеских бомбардировщиков, чтобы уничтожить их на стоянках.

Фашисты встречают наших ребят ураганным зенитным огнем, поднимают с соседних аэродромов ночные истребители. Вчера погибли летчик Червоноокий, штурман Дроффа, воздушные стрелки Кузовкин и Шевченко. Мы потеряли еще один смелый слетанный экипаж. Но остальные летчики выполнили задание успешно.

С Григорием Червонооким я познакомился задолго до войны, когда работал авиационным мотористом в школе полярных летчиков. Тогда он учился на последнем курсе и частенько летал на моем самолете. Скромный, немного замкнутый, Григорий с каким-то особым душевным трепетом вспоминал о родных, оставшихся на оккупированной территории. С какой радостью он подбежал ко мне в конце декабря, когда узнал, что наши войска, разгромив группировку Манштейна, вышли на Маныч.

- Началось на юге, Сашок! - крепко стиснул Григорий мне плечи. - Скоро увижу своих! Скоро освободят и мою Украину.

И вот не дождался..."

"10 января. Уехал от нас комиссар полка Григорий Захарович Оганезов. Его перевели с повышением. А на должность заместителя командира полка по политической части прибыл майор Бушихин.

Майор Бушихин - опытный летчик-бомбардировщик. В свой экипаж он отобрал наиболее подготовленных штурмана капитана Глядеева, стрелка-радиста старшего сержанта Ивана Рудакова и воздушного стрелка сержанта Виктора Алексеева нашего баяниста. Когда сегодня знакомился с нами, предупредил, улыбаясь:

- Завтра ночью работенка горячая намечается. Дело для всех найдется. Хочу вместе с вами слетать. Смотрите не подведите...

На аэродроме действительно к чему-то готовятся. С утра к самолетным стоянкам подвозят бомбы крупных калибров и укладывают их штабелями. Среди личного состава пронесся слушок о возможном прорыве блокады. Но мы уже столько времени ждем этот радостный день, что даже не верится. А все-таки, может быть, правда?.."

"12 января. Вот когда началось! Всю ночь бомбили фашистов в районе Синявино. Бросали бомбы весом до тысячи килограммов. Основными целями были вражеские позиции в

районах деревни Марьино, городка имени Кирова и рабочих поселков под номерами 1, 2, 5. Фашисты когда-то назвали этот участок "фляшенхальс" - бутылочным горлом. Вот в это самое горло мы им кляп и вбивали. Казалось, что взрывы укрыли землю сплошным огневым ковром. Смотришь сверху - места живого не видно. Хорошо, что фашисты наше население оттуда убрали, и бомбили мы их, подлецов, без зазрения совести.

А утром следом за нами в воздух поднялись штурмовики. Тут же ударила артиллерия и ринулась в атаку пехота. В фашистское горло вцепились сразу два фронта, Ленинградский и Волховский. Солдаты и моряки бросились через Неву по ледяному насту, сразу за огненным валом ворвались в траншеи противника. Значит, все-таки началось!"

"15 января. Четвертую ночь подряд не вылезаем из самолетов. Железнодорожные станции Красногвардейск, Кингисепп, Луга, Волосово забиты вражескими эшелонами с войсками и техникой. Фашисты стараются протолкнуть их на Синявино, Мгу. А мы бомбим, вагоны горят, снаряды взрываются...

Зенитки бьют страшно. Вчера около станции Мга на самолете гвардии лейтенанта Александра Разгонина прямым попаданием снаряда разбило левый мотор и оторвало воздушный винт. Удержав машину на боевом курсе, Саша успешно отбомбился по скоплению эшелонов и благополучно привел самолет на свой аэродром.

Под Синявином наша пехота буквально вгрызается в фашистскую оборону. Враги чувствуют себя смертниками и дерутся отчаянно. Теперь они закупорены в "бутылочном горле". Пространство между передовыми частями Ленинградского и Волховского фронтов уже простреливается насквозь. До окончательного прорыва остались сотни метров и считанные часы".

"18 января. Ура! Блокада прорвана!

На рассвете бойцы Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе рабочих поселков под номерами 1 и 5".

"19 января. Ночью ленинградское радио сообщило: "Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он будет..."

Да! Мы ждали и верили. И он пришел!

Люди ночью выбежали на улицы. Начались поздравления, объятия, поцелуи. Послышались песни. От радости многие плакали... А мне почему-то захотелось прокричать во весь голос тут же родившееся четверостишие:

Нет уже больше смертельных тисков.

Прорвана нами блокада!

И засветилась в сиянье веков
Слава бойцов Ленинграда!

"20 января. До боли обидно в такой момент покидать Ленинград. Но приказы не обсуждаются. Вечером убываем на север за новыми самолетами. В составе группы шесть экипажей. Командиром назначен инспектор дивизии по технике пилотирования капитан Иван Иванович Борзов..."

Поздняя ночь. За окном завывает вьюга. Укрывшись под снегом, притаились в тревожной тьме гарнизон и небольшое селение.

Встретили нас хорошо. Удивительно быстро разместили в гостинице. После морозной трясучей дороги теплая печка-голландка и солдатская койка с тощим матрасиком кажутся верхом блаженства.

Кончился утомительный путь с чехардой на открытых машинах по лесным вологодским ухабам, с лязгом заржавленных буферов и рыдающим скрипом промерзших от стужи вагонов. Одубевшее тело расслабленно нежится на застиранной, пахнущей хлоркой короткой простынке.

- Не спишь?

Закатившись в надсадном кашле, Петр Стрелецкий приподнимается и ощупью шарит ладонью по тумбочке.

- Мне вот не спится, - хрипит он простуженно. - Даже не верится, что живыми до места добрались. Папиросы куда-то запропастились. Нужно, пожалуй, перекурить...

После завтрака из столовой вернулись в гостиницу. С удивлением гляжу на часы. Уже девять утра, а за окнами непроглядная темень.

- Сомневаешься? - улыбается Бунимович. - Это же Север: очарование полярных ночей, моржи и айсберги. Начинаю влюбляться в природу. Бр-р-р, поводит он зябко плечами.

- Природа природой, а дело делом, - скороговоркой чеканит капитан Борзов, заходя в нашу комнату. - Представляю руководителя переучивания старшего инспектора летчика морской авиации полковника Рейделя.

Вошедший за ним незнакомый худощавый полковник изучающе смотрит на нас белесыми главками и неожиданно восклицает:

- Кто изучал английский?! Никто? Удивительно! Американскую технику будем осваивать, а вы в языке ни бум-бум. Потрясающе здорово!

- Американскую? - медленно тянет майор Алаторцев и продолжает невозмутимо: - Да нам хоть турецкую подавай. Если не хуже нашей, то запросто провернем.

- Значит, договорились, - удовлетворенно произносит полковник. - Вам и поручим возглавить работу по переводу английской инструкции на русский язык. Пока с этим делом освоитесь, мы с капитаном Борзовым и инженером Лебедевым проверим комплектность машин, прикинем график их сборки. Переводчика и инструкцию вам сейчас привезут. Пойдемте, Иван Иванович.

...Склонившись над кипой бумаг, Алаторцев с сожалением смотрит на переводчицу.

- Скажите, ну кто же вы по профессии?! - восклицает он жалобно.

- Я уже вам заявляла: преподаватель английского языка. Только преподаватель!

- Уж коли преподаватель, то я опять утверждаю: для вас это семечки.

- А я еще раз прошу вас понять: это технический перевод. Меня же учили литературному, разговорному языку. Поэтому ничего не получится. В данном контексте слово "кок" не подходит. В переводе на русский - это петух. Даже по смыслу он никуда не монтируется. Что же я могу с ним поделать?

- Ну отрубите вы ему голову - и поехали дальше, - миролюбиво советует штурман Николай Афанасьев.

...В комнате дымно и душно. Рейдель проводит короткое совещание. Живой, энергичный, он все время в движении.

- Значит, установили. После обеда все, за исключением

переводчиков, выходят на сборку. Работой руководят инженер Лебедев. Сегодняшняя задача распакован, самолетные ящики, рассортировать все детали, приступить к их расконсервации и стыковке основных узлов самолета, таких, как крылья и хвостовое оперение.

Оглянувшись, полковник подходит к майору Алаторцеву.

- Как с переводом? Трудностей быть не должно. Английский значительно проще турецкого.

Бегло листая рукопись, бросает довольные взгляды на переводчицу.

- Хорошо. Тут немного подправим - будет точнее. Молодцом! Удивлен поразительно быстрым успехом в техническом переводе.

От удовольствия и смущения щеки у переводчицы розовеют.

- Это не я, - говорит она сбивчиво. - Это Алаторцев подправляет, интуитивно...

Сборочная площадка со стороны похожа на муравейник. Кажется, все суетятся, толкаются, бегают. Но это только так кажется. Одни раскрывают огромные ящики. Другие разносят детали по стеллажам. Работа движется строго по плану, на удивление споро. Техники Соколов, Панкратов, Лупач, Алексей Пресняков с трудом успевают производить сортировку предметов.

- Братцы! Кабину смотрели? Ух и красивая! - восхищенно твердит Стрелецкий. - Тумблеры, кнопочки, ручечки, клавиши. Даже коврики к полу пристегнуты.

- Это не показатель, - возражает ему Бунимович. - Ручечки, коврики мишура. Вот соберем, полетаем и скажем, что самолет из себя представляет. Восхищаться пока рановато...

* * *

- Наконец-то мы встретились, - тихо смеется Борис, придвигая поближе раскрытую банку с тресковой печенкой. - Надеюсь, успел убедиться, что Север не рай? Если ночь, то полярная. Если война, то коварная. Пьем не водку, а спирт и треской заедаем. Слава! Ты не уснул? - подталкивает он старшего лейтенанта Балашова. - Налил бы по капельке, что ли?..

Вечно смеющийся Боречка Громов. Сколько лет, сколько зим? Расстались в тридцать девятом, после выпуска из училища, молоденькими лейтенантами. Теперь капитан. Или, как пишут во флотской газете: "...знатный североморский летчик-торпедоносец". На раздавшейся вширь груди отливают муаром два ордена Красного Знамени. В волосах седина. У переносья суровая складка. Только глаза, как и были, мальчишечьи, колкие, быстрые, наблюдательные. И Слава под стать ему. В звании чуть приотстал, зато по другим статьям - близнецы. А в училище худеньким был, незаметным. "Бледным индейцем" когда-то его

дразнили. Теперь вон в какого красавца вымахал.

Вздохнув, Борис закурил папиросу.

- На Севере наших почти не осталось - убиты. В полку - только Гриша Малыгин да Коля Ильин. Из знакомых - Костя Шкаруба, Сергей Макаревич. Остальных ты не знаешь. Ну! Давай по единой, за всех однокашников, за тех, кто воюет, и за тех, кто погиб...

"5 февраля. Вчера закончили сборку первого самолета. Машина американская, типа "Бостон А-20б". Инженер с техсоставом доводят ее "до глянца". Мы приступили к поточной сборке пяти остальных. Руководитель бригады - техник звена Александр Соколов. Каждую трудоемкую операцию мы выполняем одновременно на всех самолетах пятью бригадами. После ее окончания переходим к следующей.

Полковник Рейдель занимается доработкой инструкции по технике пилотирования и описания самолета. Послезавтра, в соответствии с планом, приступаем к их изучению. Начало полетов намечено на 15 февраля. Готовность к отлету - на 22-е - ко Дню Красной Армии.

Вечерами, когда не особенно устаем, встречаемся с торпедоносцами из 9-го гвардейского полка. У них есть чему поучиться".

"8 февраля. Перевод инструкции по технике пилотирования закончен полностью. Ее размножили на машинке и вручили каждому летчику. Теперь мы все светлое время суток проводим около самолетов, детально изучаем устройство и расположение систем, органов управления, компоновку приборов и оборудования в кабине, порядок их включения и выключения. Особое внимание уделяем тренировкам в безошибочном нахождении кранов, ручек и тумблеров с завязанными глазами.

Для правильного понимания английских наименований полковник Рейдель составил словарик из тридцати семи слов и приказал его вызубрить. На 11 февраля назначен экзамен на допуск к полетам".

"9 февраля. Сегодня экипажи капитанов Поповича, Громова и старшего лейтенанта Балашова атаковали вражеский конвой в Баренцевом море и потопили два транспорта. Прилетели избитые, как говорится, на честном слове. Зато лица у них сияют от удовольствия, особенно у Славы. Командир эскадрильи Григорий Данилович Попович старается свою радость прикрыть напускным хмурым видом. Но из этого ничего не выходит. Только немного разговорится - и на лице появляется счастливая улыбка"

"11 февраля. Сдали экзамен на допуск к полетам. Гонял нас Рейдель до седьмого пота. Думали, душу вывернет наизнанку. Но

пронесло - получили пятерки".

"12 февраля. Летчики-торпедоносцы Громов и Балашов, их штурманы Николай Уманский и Юрий Качелаевский одними из первых на Северном флоте награждены орденами Отечественной войны I степени. По этому случаю мы организовали представительную делегацию и сердечно поздравили их от имени балтийских торпедоносцев. Молодцы ребята! Воюют здорово".

"13 февраля. Погиб еще один мой однокурсник по училищу - старший лейтенант Григорий Малыгин. Сбили его корабельные зенитчики в момент выхода из атаки. Транспорт торпедой взорвал и сам упал рядом. Не стало в наших рядах еще одного летчика, смелого боевого товарища. Теперь окончательно осиротела его сестренка Валя. Я видел ее один раз на вокзале, когда после окончания училища мы проезжали через Москву. Кажется, кроме старшего брата Григория, у нее никого из родственников не было".

"14 февраля. Сегодня приступили к полетам. Сначала полковник Рейдель сам облетал первый самолет, а потом начал вывозку. Так как самолетов с двойным управлением нет, мы по очереди ложились в гаргрот, единственное свободное пространство в кабине за бронеспинкой летчика, и, удерживая свою голову около его головы, наблюдали за каждым движением рук и ног, запоминали показания приборов. После двух провозных полетов по кругу он выключал моторы и спрашивал:

- Ну хоть немного усвоил? Если уверен - лети. Не уверен - иди отдыхать. Завтра повторим.

Ни у кого неуверенности и вопросов не возникало, и все отлетали самостоятельно. Самолет оказался простым в пилотировании, легко управляемым и послушным. Но мы не смогли освоить его на всех режимах. Над аэродромом частенько появляются "мессершмитты". Навстречу им вылетают наши истребители. Вокруг сразу же начинается такая воздушная карусель, что много не разлетаешься. Поэтому здесь мы отработаем только взлет и посадку. Остальное будем долетывать уже дома".

"16 февраля. На наших глазах произошла катастрофа. На немецком "Юнкерсе-88" разбился советский летчик-североморец. Нелепо, но это действительно так. "Юнкерс", когда-то подбитый зенитчиками, сел между сопок на фюзеляж. Фашистского летчика забрали в плен, а поломанную машину в разобранном виде перевезли в мастерские. Там ее подлатали и решили проверить в воздухе. Когда она подрулила к старту, мы ужаснулись: фюзеляж и мотогондолы в заплатках, моторы дымят и стреляют на выхлопе. Но летчик отчаянная голова, инициатор эксперимента -

решился взлететь. Только самолет оторвался, как из-под черных моторных капотов показался огонь. С каждой секундой он разгорался больше и больше. Садиться перед собой было некуда. Охваченный пламенем самолет, качаясь, набрал высоту двести метров, на развороте сорвался в штопор и врезался в землю.

Полковник Рейдель сразу же прекратил наши полеты и поехал к месту падения. А мы поплелись в гостиницу, подавленные тяжестью переживаний. До слез обидно, когда вот так, ни за что, по лихости и недомыслию, гибнут хорошие, смелые парни".

"18 февраля. Гвардейцы 9-го полка нанесли торпедный удар по конвою противника и потопили транспорт. Однако радость победы омрачена тяжелой утратой. Погиб экипаж во главе с одним из лучших летчиков полка капитаном Сергеем Макаревичем. Его самолет задымил при прорыве кольца корабельного охранения. На горящей машине Сергей продолжал сближение и все же донес торпеду до фашистского транспорта. Взрывы один за другим прогремели над морем погребальным салютом геройскому экипажу".

"20 февраля. Тренировка закончена. Облетаны все машины. Дефекты устранены. Находимся здесь последние сутки. Вечерком посидели с друзьями-североморцами, поговорили в последний раз. При прощании расцеловались с Борисом и Славой и чуть не расплакались. Доведется ли нам когда-либо встретиться?.."

"21 февраля. Перелетели в район Архангельска. Из шести экипажей на аэродроме приземлились лишь пять. Петр Стрелецкий произвел вынужденную посадку на замерзшее озеро, примерно в двухстах километрах от Архангельска. В полете он доложил, что на его самолете один мотор отказал, а второй начинает перегреваться и вряд ли дотянет до конечного пункта маршрута. Капитан Борзов порекомендовал ему не дожидаться, пока заклинит второй мотор, а подобрать площадку и сесть на нее, соблюдая все меры предосторожности. Мы с волнением наблюдали, как, сделав круг над незнакомым таежным озером, Стрелецкий начал снижение. Наконец его самолет, проскочив над верхушками сосен, заскользил по пушистой белой равнине. Разгребая глубокий снег фюзеляжем, он катился почти до противоположного берега и остановился без видимых повреждений. Петр Стрелецкий, его штурман старший лейтенант Николай Афанасьев и стрелок-радист сержант Иван Трусов сразу же вылезли из машины на снег и взмахами рук показали, что невредимы. С соседнего аэродрома к ним немедленно вылетел самолет Р-5, установленный на лыжные шасси. Летчик старший лейтенант Евгений Федунов забрал с собой продукты, лыжи и

медикаменты. Он прекрасно знает этот район и укажет Стрелецкому, как дойти до ближайшей сторожки лесника, где он должен ждать прибытия ремонтной бригады".

"23 февраля. 25-я годовщина Красной Армии. Радостно сознавать, что наша родная Красная Армия действительно непобедима, что она встречает день своего рождения разгромом фашистов под Сталинградом, прорывом ленинградской блокады, изгнанием врага с Северного Кавказа, освобождением Краснодара, Ростова, Ворошиловграда, Харькова, Курска. Каждый день, каждый час приносят нам новые радостные вести. Горит земля под ногами фашистских захватчиков, растут горы трупов поработителей, ширится лес крестов на их кладбищах. Красная Армия уничтожит пришельцев, всех до единого. Уже близится радостный миг, когда над всей нашей землей засияет утро Победы.

На дворе бушует метель. Она началась неожиданно, часа через два после вылета Федукова. Снег валит не переставая, мелкими острыми льдинками до крови сечет лицо на ветру. Утром получили сообщение от лесника. В нем говорится, что экипаж Стрелецкого и Федуков находятся у него. Все люди здоровы, а для ремонта машины нужно прислать новый мотор. Капитан Борзов договорился с командованием ВВС Северного флота об оказании необходимой помощи в ремонте машины и принял решение завтра продолжить полет пятью экипажами".

"24 февраля. Полковой аэродром встретил нас тяжелым известием. Позавчера не вернулся с задания экипаж заместителя командира полка по политической части майора Бушихина. С ним погибли капитан Глядеев, старший сержант Рудаков и любимец полка сержант Алексеев. Так и не уберегли мы этого талантливого баяниста..."

"1 марта. Уже пахнет ранней весной. Разогретый солнышком воздух напоен смолистым ароматом. Оседает, становится ноздреватым и хрупким посеревший слежавшийся снег. На реке около берега темнеют бурые пятна проталин. В полдень с пригорка к ним устремляются тонкие ручейки.

Теперь мы по-настоящему облетали "бостоны". Машины нам нравятся. Они легки в управлении, свободно выполняют любой маневр, развивают максимальную скорость до пятисот километров в час. Однако без серьезных заводских переделок мы применить их не можем. В бомболюки нельзя подвесить наши торпеды, мины и бомбы крупных калибров. Маловата и емкость бензиновых баков. Запасы горючего не обеспечивают необходимую дальность полета. Изучив их летные и боевые характеристики, командование решило передать новые самолеты

в разведывательный полк".

"6 марта. Кажется, только вчера мы покинули наш старый дом, а изменений не перечесть. На каждом шагу попадаются незнакомые лица, "Старички" растворились меж новичками, их почти незаметно. Комнаты снова наполнились шумом и гамом. Только на тумбочке в комнате отдыха сиротливо стоит полковой баян. Сверкает на солнце его вишневая полировка. Призывно горят перламутровые пуговки клавиш. Их заботливо протирают каждое утро. Но играть никто не решается.

На груди у Василия Балебина сияет Золотая Звезда. Его награда - наша общая радость. В полку теперь шесть Героев Советского Союза. А Вася считается одним из лучших торпедоносцев.

Сменилось и место базирования самолетов. ДБ-3 теперь летают для ударов по врагу с вновь построенной взлетно-посадочной площадки в трех километрах от нашего поселка. Взлетно-посадочная полоса на ней хуже, чем раньше, длиной девятьсот, а шириной всего сорок метров. Сделана она наполовину из кирпича, наполовину из забитых в болото свай, обшитых сверху толстыми тесовыми досками. Взлетать с нее трудно, а садиться еще трудней, особенно когда доски мокрые и машина на них скользит, как по льду.

Среди новичков неожиданно встретил своего однокурсника по училищу Аркадия Чернышова. Увидел его и опешил. Говорили, будто он недавно погиб, и вдруг..."

Сразу припомнилась курсантская молодость и тот незабываемый день, когда, получив новенькое командирское обмундирование, с нашивками лейтенантов на рукавах кителей, мы уезжали из Николаева. Еле протиснувшись в набитый людьми вагон почтового поезда, Аркадий и я забрались на верхние, багажные полки и кое-как примостились под потолком. С отходом поезда вагонная сутолока постепенно прекратилась. Над длинным проходом подслеповато мерцали керосиновые фонари. В прокуренном едкой махоркой воздухе установилась сонная тишина.

- Саша! - шепнул вдруг Аркадий и поманил меня пальцем. Свесившись над провалом прохода, мы чуть не стукнулись лбами. - Понимаешь... такие события!. Досрочное окончание училища, присвоение званий и назначение. И такой неожиданный отъезд, - зашептал он. - Может, обмоем? Я в привокзальном ларьке успел купить поллитровку, связку баранок да круг колбасы. Хоть и не пью, но по этому случаю...

- Как же мы лежа и без стаканов?

- Так, по чуть-чуть, символически. Пригубим из горлышка и

закусим.

Повернувшись, он открыл чемодан, осторожно вынул бутылку, разломил колбасу.

- Ну! С присвоением и с назначением!

Глотнув, Аркадий болезненно сморщился, протянул мне бутылку. Я тоже сунул горлышко в рот. Вагон неожиданно дернулся. Поперхнувшись, вскинул голову и ударился о потолок. Пальцы разжались, бутылка выскользнула и провалилась в проход. Ахнув, мы оба замерли, не в силах предотвратить неизбежного. Поллитровка летела на голову спящего человека.

К счастью, она ударилась о ватный наплечник добротного пиджака, скатилась по руке и улеглась у пассажира на коленях. Дальнейшее виделось как во сне. Схватив бутылку за горлышко, человек поставил ее на пол и тихонечко крякнул:

- Горилка?.. Сверху, с небес прилетела, голубушка. Не иначе как господь бог наградил.

Не глядя наверх, он медленно выдвинул из-под ног сундучок, вытащил кружку, кусочек сала и огурец. Неторопливо порезав сало, налил половину кружки, перекрестился и выпил. С хрустом куснув огурец, наконец поднял голову. Его старческое морщинистое лицо светилось откровенной усмешкой.

- Ну, архангелы божьи, спускайтесь на землю, пока я все не выпил. А святое причастие и для вас не во вред.

...Со смехом мы вспомнили тот давний случай. В разговоре я не сдержался.

- Мне говорили, что тебя...

- Многое говорят, - улыбнулся Аркадий. - Сбили, да не добили вернулся. Мы народ стреляный. Из мертвых воскреснуть сумеем. Мне, например, про тебя раза три говорили, а ты... Помнишь, старик нас в архангелы произвел? Значит, и умирать не положено...

* * *

Майор Хохлов, теперь уже штурман дивизии, останавливает нас около двери командного пункта.

- Карту ты подготовил? - обращается он ко мне.

- Карту?

Ох и глаза у Петра Ильича! Ничего от них не укроется. Вроде не смотрит, а все замечает. Где же теперь найти карту? Свою, как назло, еще утром отдал механику. Всегда носил за голенищем унта, на случай прыжка с парашютом. Утром проверил - истерлась на сгибах. Хотел разорвать, да механик вмешался. Попросил оставить ему как память... Теперь придется выкручиваться.

- Карта на самолете, товарищ майор.

Хохлов с сожалением пожимает плечами. Во взгляде недоумение и укоризна:

- Плохо, старший лейтенант, очень плохо. Карта не для забавы дается. Маршрут на ней нужно прокладывать. Расчетные данные наносить. Летчик ты опытный, знаешь, что требуется.

- Расчеты мы вместе со штурманом делали. Карта на самолете лежит. На Котку почти через сутки летаем. Маршрут уж давно в память врезался.

- Память тогда хороша, когда ее новыми данными освежают. На досуге подумай об этом. А карту на самолете проверю. Маршрут проложи по всем правилам.

...Под ногами непролазная грязь. Калоши слезают с унтов, как стопудовые гири влипают в размокшую снежную кашу. В душе закипает невольное раздражение: "Обуть бы создателя такой обуви в эти собачьи доспехи да погонять по болотному месиву. Наверняка через час заскулит..."

Чертыхаясь на каждом шагу, сзади бредут новые члены моего экипажа: штурман младший лейтенант Николай Иванов и воздушный стрелок-радист старший сержант Сергей Скляренко.

Николай Иванов, уроженец села Знаменка Старо-Оскольского района Белгородской области, прибыл из училища в полк в 1941 году перед самой войной и сразу зарекомендовал себя подготовленным штурманом. На выполнение боевых заданий он летал с такими опытными летчиками, как Борис Громов, Иван Иванович Борзов, Илья Неофитович Пономаренко, Павел Автономович Колесник. С ним я впервые поднялся в воздух при перегонке "Бостона" из Ваенги. Теперь он зачислен в мой экипаж. В полку Николая зовут Колокольчиком. Непременный участник художественной самодеятельности сначала в школе, потом в Воронежском коммунально-строительном техникуме, Иванов и в обычной жизни не может обходиться без шутки. Там, где находится он, обязательно слышится смех.

Сергей Скляренко - уроженец Кубани. Он тоже вошел в состав моего экипажа при перегонке "Бостона".

- Интересно, рискнет ли Хохлов по такому разливу к нашему самолету добраться? - говорит Иванов.

- И пытаться не будет, - убежденно отвечает Скляренко. - Зачем ему в ботиночках мокнуть? Припугнул - и достаточно.

- Ну а если придет? Он упорный, - не соглашается Иванов. - Ты ему мою карту покажешь. Передам из своей кабины под приборной доской. В темноте не заметит.

Сумерки постепенно сгущаются. Из леса доносится запах болотной гнили. Перед нами один за другим проруливают самолеты. Пора собираться...

- Экипажу занять места! Приготовиться к запуску! Накинув на плечи парашютные лямки, залезаю в кабину.

- Провернуть винты!

Лопасти сразу же дернулись. Под ногами механиков зачавкала грязь.

- Сынок! Ты уже запускаешь? Задержись на секунду.

Голос майора Хохлова раздается совсем неожиданно. Снизу, под приборной доской, слышится шелест бумаги. Рука Иванова упирается в мое колено: "Говорил, что придет, - шепчет он торопливо. - Ты же знаешь, какой он настырный".

Над обрезом кабины показалась фуражка. Значит, не пожалел своих ног, пришел по воде в ботиночках.

- Ну, сынок, покажи твое творчество.

- Нечего мне показать, Петр Ильич. Карта истерлась. Отдал механикам. И не нужна она летчику ночью. Свет в кабине мы все равно не включаем. В темноте у себя на руках даже пальцев не видно.

Хохлов обиженно засопел.

- Петух тебя мало клевал, - ответил он раздраженно. - И фордыбачишься зря. Над картой не посидел, значит, с ней не работал, выход на цель не продумал, возможное противодействие не учел...

- Мы все продумали.

- Хорошо, если так. Вы по вокзалу бомбите? Как подходить к нему будете?

- С моря, как все. Бомбометание с ходу.

- Все бомбят порт. А вокзал далеко на суше. Зачем вам на порт выходить? Зачем через самое пекло пролазить. А говорите, продумали... На, возьми мою карту. Отдашь, когда прилетишь. За плохую подготовку к полету будешь наказан.

...Моторы натужно ревут. Машина тяжелая, старая. Под фюзеляжем две пятисотки. Стрелка высотомера еле ползет. Кажется, она вот-вот остановится. Цель уже рядом. Высота маловата. Может, действительно порт обойти стороной и ударить по железнодорожным пакгаузам с суши? Прав Петр Ильич. Не учли мы деталей. Хотели над зоной огня проскочить, а на деле не получается. Нужную высоту набрать не успеем. А от порта до вокзала придется лететь в самом пекле...

Прожекторные лучи качаются, как гигантские маятники. Они прошивают кромешную темень то рядом с машиной, то чуть в стороне. Сверху и снизу на черном фоне виднеются вспышки разрывов. Перед глазами проносятся искорки раскаленных осколков. С каждой секундой их становится больше и больше. Значит, зенитчики точно определили скорость и курс самолета.

Нужно быстрей отвернуть, сбить их прицельные данные. Нужно и невозможно. Мы производим прицеливание. Остаются секунды до сбрасывания...

- Доверни чуть правей! Еще пару градусов. Так держать! - командует Иванов. - Бросил!

Резко ввожу самолет в разворот. Машинально гляжу на землю. Там должны вспыхнуть наши разрывы. Сильный удар сотрясает машину. Она будто вздыбилась. Правый мотор закрывается пламенем. Огонь выбивается из-под капота, то стихает, то разгорается.

Неужели начался пожар?..

Рывком пожарного крана отсекаю поток бензина. Пламя больше не появляется. Выравниваю машину и штурвалом удерживаю ее от крена. Стрельба внизу прекращается. Значит, под нами уже вода. Высота полторы тысячи метров. Работает только один мотор.

- Коля! Сколько лететь до дома?

- На этой скорости часа полтора...

С посадочной полосы до стоянки самолет подтащили трактором.

- Повезло, - констатирует инженер Лебедев, отходя от машины. - Прямым попаданием разнесло два нижних цилиндра. Осколками перебиты все трубопроводы. Дюраль обгорел и оплавился. А пожара не получилось.

- Страха набрались? - негромко спрашивает Хохлов.

- Кажется, не успели. Пока соображал что к чему, все уже кончилось. Потом стало ясно, что долетим.

- Везучие вы. Но это до случая. На войне гляди в оба. Победа у летчика куется вот тут - на земле.

"12 марта. Вот и опять мы остались без самолета. Машина вышла из строя надолго. Придется ждать, пока заменят мотор и отремонтируют все системы. Не послушал тогда я Хохлова. Думал, что пронесет. Хорошо, что хоть этим закончилось. Могло быть и хуже.

Взыскания не дождался. Петр Ильич о моем нарушении никому не докладывал. Только спросил однажды! "Теперь поумнел?.."

"15 марта. Приказано лететь в Сибирь за машинами. В составе перегоночной группы экипажи Борзова, Стрелецкого, Бунимовича и мой. Командиром группы назначен помощник командира полка майор Илья Неофитович Пономаренко".

"17 марта. Сибирский аэродром забит самолетами. По всей границе летного поля рядами, крылом к крылу, стоят пикировщики Пе-2, штурмовики Ил-2, дальние бомбардировщики

Ил-4. За ними - отдельными группами - американские "кобры", "бостоны", "боинги". Силищи собрано столько, что хватит для целой воздушной армии. Большинство машин построены на средства трудящихся, внесенные ими в фонд обороны. На них видны красочные надписи: "Красноярский колхозник", "Иркутский рабочий", "Омский комсомолец".

Мы принимаем американские "Бостоны А-20ж". Эти машины сделаны в варианте штурмовиков. Вместо передней штурманской кабины на них установлена батарея из четырех двадцатимиллиметровых пушен и двух крупнокалиберных пулеметов. Пригнали их наши летчики через Аляску и Дальний Восток".

"18 марта. Облетали все самолеты. Моторы и прочие механизмы исправны. Готовимся к перелету домой. У нас все в порядке. Настроение у ребят бодрое, хотя предстоит дороженька длинная. Погодные условия сложные, особенно в марте..."

"22 марта. Все мне кажется или сном, или сказкой. Только вчера мы всей группой благополучно приземлились на нашем тыловом аэродроме, а сегодня мой экипаж прилетел в Москву..."

Помню, тогда вбежал я домой, уселся на подоконник - вижу Москву-реку, здание МОГЭС, Кремлевские башни, гляжу на них и не верю. А рядом суетится растерявшаяся мама. Не знает, куда посадить, чем угостить. Потом вдруг всплеснула руками. Оказалось, что и угощать-то нас нечем.

Иванов и Скляренко недоуменно глядят на меня. Им непонятно, почему я медлю, не подаю команду открыть чемоданы. В них и консервы, и колбаса, и много всего другого. Шутка ли, летный паек на трех человек на полмесяца. Я же любуюсь сияющей мамой, смотрю, как она хлопочет, волнуется, и не решаюсь вмешаться в ее заботы. В них наша общая радость.

...Произошло все совсем неожиданно. На аэродроме мы приземлились под вечер. Грязные и усталые, сразу помчались в баню. А тут срочный вызов к командиру нашей перегоночной группы майору Пономаренко. Запыхавшийся, вбегаю в штаб. Пономаренко с Борзовым загадочно улыбаются, предлагают присесть.

- Приказано один самолет переделать под наше вооружение, - наконец говорит Илья Неофитович. - Нужно лететь в Москву на завод. Решили тебе поручить. Не возражаешь? Другая кандидатура тоже имеется. Борзову бы нужно с родными увидеться. Однако он не согласен. Еще и другая задача перед ним поставлена - летчиков срочно переучить.

- Соглашайся, - смеется Иван Иванович. - Я в другой раз наверстаю. Ты ведь тоже москвич.

- А может, все-таки вы полетите? Я уже был. Год назад...

- Исключено, - вздыхает Иван Иванович. - В этот раз уступаю тебе, а в другой - не просись, не пущу.

Если Борзов сказал, значит, точка. Характер его мне известен. Не человек, а кремень. В воздухе виртуоз. Под Двинском на его экипаж "мессеры" навалились. Дрался он с хладнокровным упорством, мастерски уходя от ударов. Даже когда подожгли, не покинул машину. Обгоревший, привел дымящийся самолет и посадил на аэродроме. Казалось, он больше не будет летчиком. Однако Борзов не только поправился, но и снова сел за штурвал самолета. И опять полеты, бои...

В сентябре сорок первого его подбивают вторично над колоннами танков под станцией Тосно. Вспыхнувший самолет с трудом повинуется летчику. Борзов покидает машину последним. Приземлившись на вражеской территории, шесть суток ведет экипаж по лесам и болотам, обходя фашистские гарнизоны, населенные пункты, дороги. На седьмые выходит к своим.

Чуть подлечившись, он снова в воздухе: бомбит врагов днем и ночью, сбрасывает торпеды на корабли, ставит мины. На груди два ордена Красного Знамени. Лицо волевое, открытое. Взгляд независимый, дерзкий, решительный...

- Значит, летишь? Ну добро, на здоровье. Сядешь в московском аэропорту - сразу рули на завод. Там тебя должны встретить инженеры из Главного управления.

...Мама всплеснула руками:

- Зачем так много продуктов? Хоть недельку побудете? Я бы для вас постаралась. Продуктов вон сколько с собой привезли. А сами худущие, синие. Только и красят вас ордена. Судимость-то сняли? - добавляет она неожиданно.

- А это откуда известно?

- Думаешь, если простая да старая, значит, не смыслю ни в чем? В Москву не вы одни прилетаете. Форма у морских летчиков видная, замечаю ее еще издали. Встречу на улице незнакомого паренька - подхожу: "Вы не с Балтики?" Если с другого моря, то извиняюсь. А уж если балтиец мне попадется - не отпущу. Все разузнаю доподлинно. Да и люди душевные, откровенные. От матери ничего не скрывают.

В коридоре звонок.

- Ты сиди. Я открою.

Шурочка на пороге. Застыла от неожиданности. Смотрит и, видно, не верит...

"25 марта. На заводе уже нас признали. В проходной пропускают без предъявления пропуска. Самолет закатили в огромный цех ангарного типа. Тут же размещаются всевозможные

станки, верстаки и другое необходимое оборудование. В рабочей бригаде одна молодежь допризывного возраста. Только мастер - вернувшийся по ранению фронтовик..."

В первые сутки заводские инженеры выдали рабочие чертежи на переоборудование машин. Надо дополнительно установить подкрылевые держатели для торпед, мин и бомб, а в фюзеляжном бомбоотсеке - бензиновый бак большой емкости. Кабину для штурмана оборудуют в хвостовой части фюзеляжа, а для стрелка-радиста поставят турельную башню с крупнокалиберным пулеметом.

Вечером над самолетом появился плакат:

"РЕБЯТА! САМОЛЕТ НУЖЕН ФРОНТУ. ВЫПОЛНИМ БОЕВУЮ ЗАДАЧУ ДОСРОЧНО!"

И закипела работа. Парни и девушки буквально облепили машину. Сверлят, пилят, клепают. Работают чисто, аккуратно, самоотверженно, не считаясь с затратой сил и времени.

Мы, консультанты, определяем, что и как нужно сделать. Ребята нас очень внимательно слушают, беспрекословно выполняют все указания.

Москва изменилась, стала строгая, деловая. К -военным везде относятся с исключительным уважением, стараются нигде не задерживать. Приятно, когда тебе говорят: "Проходите, товарищ. Вам нужно быстрее".

Всем экипажем сходили на Красную площадь, постояли перед Мавзолеем Владимира Ильича, полюбовались ажурной архитектурой Кремлевских башен, неповторимым творением русского зодчества - собором Василия Блаженного.

- Твердыня Отечества, ее мозг, ее сердце, - проговорил Иванов, восхищенно осматриваясь. - Здесь все народное, русское. И никому, кроме нас, тут не бывать во веки веков!

"3 апреля. Снова перелетели на свой полковой аэродром. Сделали самолет на три дня раньше срока. На наш взгляд, машина получилась удачная. Теперь у нее грузоподъемность и продолжительность полета не уступают нашим отечественным торпедоносцам. Здесь ее сдали в дивизионные мастерские. Она будет являться эталоном для переделки всех остальных.

Завтра опять летим в глубокий тыл. В составе перегоночной группы уже десять экипажей. Командиром назначен майор Пономаренко. Борзов остается продолжать переучивание летного состава".

"7 апреля. Сибирь встретила нас непогодой. С утра моросит мелкий дождик со снегом. Самолеты обледенели. Облетывать их невозможно.

Вечером прогулялись по городу. На улицах непривычно горит

электричество, но гуляющей публики незаметно. Народ кругом трудовой. Прохожие быстро шагают по тротуарам, торопятся на работу в ночную смену. Окна в домах не зашторены. О световой маскировке местные жители даже представления не имеют. В парке работает ресторан, играет эстрадный оркестр. Такого мы с довоенного времени не встречали. Решили зайти, посмотреть. В зале пусто и неприветливо. Мы вчетвером присели за столик. Тучный розовощекий официант услужливо пояснил:

- По виду вы, кажется, с фронта, поэтому наших порядков не знаете. В ресторане на каждые сто граммов напитка положено заказывать порцию горячего.

- Вот чертовщина! - пробурчал Петр Летуновский. - Такие порядки, да к нам бы в Ленинград. Люди бы сразу ожили".

"9 апреля. К городу прорвались под низкими облаками. Сверху аэродром кажется огромным озером. "Приводнились" при сильном дожде. На отдых устроились в бывшей курсантской казарме, уставленной двухэтажными старыми койками.

- Вам, морякам, привычно в воде полоскаться, - смеются армейские летчики. - Тело в ракушках не промокает. А нам, сухопутчикам, каково? Вторую неделю не просыхаем..."

Вверху, над Иваном Шамановым, улегся его неожиданный пассажир Эрих Гептнер. Закинув руки за голову, он мечтательно улыбается.

Эрих Георгиевич работал в Сибири пилотом в гражданском аэропорту. С первого дня войны он стремился попасть в военную авиацию, но его не отпускали, ссылаясь на то, что он нужен именно здесь. С Иваном Шамановым Эрих когда-то вместе служил и здесь столкнулся случайно на улице города. Узнали друг друга, обнялись. Крепкую старую дружбу припомнили и... заявились к майору.

Пономаренко сначала задумался, потом трянул головой:

- Не подведешь нас с Иваном?

- Не подведу, Илья Неофитович. Честное слово! - взмолился Эрих. Скорее погибну, чем честь замараю. И местное руководство не возражает.

- Тогда приходи прямо к вылету. И справку от командира отряда с собой принеси. В Ленинграде мобилизуем в наш полк. Опытных летчиков нам не хватает.

Так появился на самолете Ивана Шаманова непредусмотренный член экипажа.

"11 апреля. Прилетели домой без происшествий. Теперь в полку пятнадцать "бостонов". Три в мастерских уже переделали по московскому варианту. Борзов облетал их на полигоне с имитацией торпедных атак и практическим сбрасыванием

учебных торпедных болванок. Маневренные качества самолетов ему понравились. Завтра опять летим в Сибирь. Пригоним еще десять машин".

"17 апреля. Перегонка закончилась. Наш тыловой аэродром буквально забит новыми самолетами. Их затолкали на лесную опушку, закрыли сетями, еловыми ветками. Переделанные машины отгоняют на площадку неподалеку от деревни. Там заново формируется первая эскадрилья.

На фюзеляже одного из "бостонов" написано крупно по-английски: "Мы сделаем". Это любимое выражение известного американского киноартиста Реда Скелтона. В письме, обнаруженном в пилотской кабине, автор сообщает, что этот самолет куплен им на личные сбережения для оказания помощи русским друзьям в нашей общей борьбе с врагом, и просит передать его одному из лучших летчиков. "Впоследствии, - пишет Ред Скелтон, - я хотел бы познакомиться с тем человеком, который будет управлять этим грозным самолетом. Я желаю ему большого счастья и удачи. Я знаю, что не мне говорить вам, как надо бить врага".

Машину вместе с другими поставили на дооборудование. Интересно, кому ее вручат?.."

"25 апреля. Петр Стрелецкий и я перелетели на новое место. Меня назначили в первую эскадрилью - заместителем командира. Летчиков пока нет. В нашем подчинении один Гептнер. Его уже мобилизовали и присвоили звание старшего лейтенанта. Летает Эрих прекрасно. Немного потренируется в боевых условиях и станет настоящим военным летчиком.

Попробовали на "бостонах" летать в ночных условиях. Машина простая, пилотируется легко. Приборы в кабине высвечиваются четко. Намеченную тренировочную программу выполнили за две ночи.

Иванов заскучал. Во Всеволожском поселке осталась его любимая девушка Тося. Каждый вечер Коля строчит ей длинные письма и с каждой почтой получает ответы. Я пытался над ним подшутить - обижается. Значит, дело серьезное.

Из Тосиных писем мы знаем все новости. Ленинградцам снова увеличили хлебную норму. Продуктовые карточки отовариваются без перебоев. Жить стало значительно легче. Только обстрелы города продолжаются. Фашисты подвезли огромные пушки. От взрывов снарядов рушатся здания, гибнет много людей. Однако все знают, что самое страшное уже позади, что скоро у стен Ленинграда фашисты найдут свою гибель".

"5 мая. Наконец-то прибыли летчики - молодые симпатичные парни. Все успешно закончили ускоренный курс училища, но для

полетов на торпедные удары подготовлены слабо. Нет у них морской выучки - привычки к длительным полетам над морем вне видимости береговой черты, не могут пилотировать ночью и в сложных погодных условиях. Майор Пономаренко решил свести их в одну учебную группу и начать теоретическую программу с изучения тактики. Вчера и сегодня составляли программу. Как ни крутили, меньше трех месяцев не получается. Узнав об этом, некоторые пилоты начали выражать недовольство. Я тут же вспомнил, как сам кипятился, когда нас ознакомили с программой переучивания на торпедоносцев..."

"28 мая. Вчера вместе с майором Пономаренко перегнали два самолета..."

Наш домик под Ленинградом почти опустел. Опять в нем живет только третья Краснознаменная. Как и прежде, в ней собраны наиболее опытные экипажи. Майора Александра Дроздова куда-то перевели. Вместо него эскадрильей командует капитан Григорий Васильев. Сейчас он готовит свой летный состав к полетам на дальнее крейсерство. Такую задачу мы еще не решали. Посильна она лишь для летчиков с отличной техникой пилотирования, высоким уровнем тактической подготовки, закаленных физически и морально.

Об этих полетах мечтали и ранее. Давно мы стремились прорваться в центр Балтики, на ключевые морские дороги противника. Знали, что там наша главная цель. Да обстановка не позволяла. Нужно было громить фашистов на суше, отбивать их от стен Ленинграда. Теперь времена изменились. Пополнилась и окрепла армейская авиация. Ее штурмовые дивизии на сухопутных фронтах превратились в грозу для противника. У нас появилась возможность усилить удары на море. Отсюда и возникла проблема дальнего крейсерства. Ночью во вражеский тыл проникнуть не трудно. А как пролететь туда днем, без прикрытия истребителей, через зону противовоздушной обороны фашистов, на глубину от трехсот до семисот километров?..

Многое в нашем домике изменилось. Подполковника Челнокова перевели на Черное море. Теперь за командира полка остался Илья Неофитович Пономаренко.

И еще одна неожиданность. Только пришли на КП и разговорились с ребятами, как сзади кто-то спросил:

- О чем здесь толкует прилетевший пилот? Обернулся - глазам не поверил. Передо мною Калашников, комиссар 41-й отдельной...

- Виктор Михайлович! Вы-то какими судьбами тут очутились?

- Залетался ты, друг, по тылам. Совсем от полка оторвался. Даже не знаешь, что я Бушихина заменил, - трясет мою руку

черноволосый майор. Теперь не отпустим. Решили на месячишко тебя задержать. На ДБ-3 повоюешь. Возражений не будет?

- А молодежь? Ее же учить обязательно нужно.

- Серьезное дело мы тут затеваем. У капитана Васильева с кадрами туговато. Пока молодежь в Богослово теорией занимается, ты с экипажем к нему в эскадрилью вольешься...

Первый успешный полет на дальнее крейсерство провел экипаж Ивана Гавриловича Шаманова. Вместе со штурманом Михаилом Лориным Шаманов в ночной темноте пролетел над Эстонией и с рассветом начал поиск в Рижском заливе. Через час обнаружили транспорт водоизмещением в пять тысяч тонн. Кораблей охранения не было. Взрывом торпеды транспорт почти разломило. Накренившись, он сразу же затонул.

А дальше началось самое трудное. Возвращаться знакомым маршрутом нельзя, потому что над Эстонией солнышко. Самолет обнаружат вражеские посты наблюдения еще до подлета к эстонскому берегу. Тогда не менее двух часов его будут преследовать фашистские истребители. Десятки зенитных орудий откроют ураганный огонь по одинокой машине. Гибель почти неминуема. В поисках облаков решили пролететь по заливу на юг. К счастью, на этот раз полковой метеоролог капитан Шестаков не подвел. Его прогноз подтвердился. На подходе к латвийскому берегу они встретили мощную облачность. Забравшись за верхнюю кромку, экипаж на большой высоте долетел до озера Ильмень, потом через Чудово вышел на Волхов и оттуда благополучно вернулся домой. Полет продолжался почти семь часов. Третья Краснознаменная положила начало успешному дальнему крейсерству.

"17 июня. Опять в основном летаем на бомбоудары и минные постановки. Дальним полетам мешают белые ночи и, главное, непонятные перебои с доставкой горючего. С целью его экономии непродолжительные полеты с торпедами выполняются только в Финский залив. Экипажи старших лейтенантов Николая Деревянных и Аркадия Чернышова потопили по одному транспорту".

"23 июня. Стыдно смотреть в глаза боевым товарищам. Два раза летал на дальнее крейсерство - и неудачно. В первом полете в дожде и тумане исколесили почти все Балтийское море, но цели не обнаружили. Восемь часов проболтались даром. Вторично летали вчера. В Ботническом заливе обнаружили транспорт противника без охранения. От волнения я, видимо, допустил ошибку в выдерживании высоты. Торпеда при ударе об воду разбилась и затонула..."

Тогда ситуация получилась прискорбная. Летели во

вражеский тыл за шестьсот километров. Рисковали, искали, переживали. И все пошло прахом за долю секунды. Цель перед нами, а потопить ее нечем. Да и муки на этом пока не закончились. Еще нужно при ясной погоде пролететь над Финляндией и до дома добраться. От обиды я чуть не заплакал. Хорошо, что хоть штурман меня поддержал:

- Не горюй, командир! Должниками мы долго не будем. Завтра же прилетим и капут устроим. Набирай высоту и бери курс на север. Я маршрут проложил над безлюдным районом. Теперь мы должны в Ленинград прилететь и обратно в Балтийское море вернуться...

На аэродром сели нормально. Следом за нами вернулись с победой экипажи капитана Васильева и старшего лейтенанта Колесника. Они обнаружили и потопили два транспорта. Над Финляндией Колесника атаковал вражеский истребитель. Удачным маневром Павел развернулся в сторону солнца, и противник его потерял.

"25 июля. Завтра летим на новое место. В течение месяца мы минировали портовые фарватеры и лишь изредка, днем, - в плохую погоду, летали с торпедами в Финский валив. При этом старшие лейтенанты Белов и Колесник утопили два транспорта, но оба на поврежденных машинах еле дотянули до своей территории. Фашисты на ближних коммуникациях усилили корабельное охранение транспортов и прикрывают их патрулированием истребителей. Мы же в эти районы летаем лишь одиночными самолетами.

С 15 июля лимитирование горючего кончилось. Оно стало поступать без ограничений. Уже 18-го на дальнее крейсерство вылетели два экипажа. Аркадий Чернышов обнаружил и потопил крупный транспорт, а экипаж Евгения Белова не вернулся с задания. С ним погиб один из немногих моих сослуживцев по 41-й отдельной штурман старший лейтенант Николай Севастьянович Семенко. В последней радиограмме экипаж сообщил, что их над Финляндией атакуют истребители.

Обидно улетать, не рассчитавшись с "фрицевским долгом". За последние дни экипажи Васильева, Бунимовича и Борзова потопили еще три транспорта, а мой самолет простоял на смене моторов. Майор Пономаренко неумолим. Просил его хоть на недельку отложить мое возвращение в первую эскадрилью. Не разрешил".

"7 августа. Формирование эскадрильи заканчивается. Молодежь не узнать. Летчики получили хорошую тренировку в ночных полетах, пилотируют машину уверенно, грамотно. Сейчас мы летаем на полигон, отрабатываем тактические приемы

торпедометания. Наш командир эскадрильи капитан Константюк недавно прибыл с Тихоокеанского флота, боевого опыта не имеет, настойчиво изучает все новое. Стрелецкий и я не вылезаем из инструкторской кабины двухштурвального самолета с рассвета до темноты, тренируем каждого летчика в визуальном определении высоты, в занятии исходной позиции для атаки, в выполнении противозенитного маневра на малых высотах. От ежедневного напряжения иногда устаем до одури, но не жалеем об этом. Молодые пилоты меняются на глазах. У них появляется хватка настоящих торпедоносцев".

"20 августа. Всей эскадрильей перелетели под Ленинград на недавно построенный аэродром. Живем в черте города, в живописном местечке. Весь летный состав разместился в двухэтажном особнячке. В таком же домике по соседству расположилась вторая эскадрилья. Она, как и наша, укомплектована новыми самолетами "Бостон" и необстрелянной молодежью".

"23 августа. Приступили к полетам на минные постановки. Продолжительность каждого вылета небольшая, в пределах полутора-двух часов, зато эффект изумительный. Летчики втягиваются в ночные полеты над морем в условиях сильной дымки, самостоятельно выходят на цель, прорываются к ней сквозь зенитный огонь, мужают и закаляются.

С торпедами нас пока не пускают. Майор Пономаренко решил "обкатать бостонистов" на менее сложных задачах. Но молодежь уже чувствует силу и горит желанием сразиться с противником в торпедном поединке".

"26 августа. Вчера Колесник потопил еще один транспорт водоизмещением шесть тысяч тонн. Этой победой Павел довел боевой августовский счет третьей Краснознаменной эскадрильи до семи потопленных вражеских судов".

"4 сентября. Сегодня на дальнее крейсерство вылетала вся третья Краснознаменная. Васильев со штурманом Данилиным, Разгонин с Чвановым, Шаманов с Лориным, Бунимович с Михаилом Советским, Колесник с Сагателовым, Чернышов с Алексеем Рензаевым и Летуновский с Борисом Черныхом потопили семь транспортов. Такого успеха в полку еще не было.

К моменту их возвращения погода испортилась. Экипажи садились на взлетную полосу при ливневом дожде. Из кабин вылезали усталые, мокрые и засыпали в автобусе. Длительный, напряженный полет над вражеской территорией, поиск цели, атака на малых высотах и возвращение в сложных погодных условиях измотали их до предела. К таким испытаниям наши пилоты еще не готовы. Крейсерство на "бостонах" необходимо

начать наиболее опытным экипажам".

"19 сентября. Командиром нашего полка назначен майор Иван Иванович Борзов. Внимательно разобравшись с подготовкой каждого летчика, он определил срок готовности эскадрильи к полетам на дальнее крейсерство 1 октября".

"30 сентября. На полковом партийном собрании выступавшие отмечали успехи партийной организации третьей эскадрильи. Коммунисты Колесник, Разгонин, Шаманов, Чернышов, Бунимович, Советский, Васильев, Лорин, Данилов идут в авангарде всего полка, настойчиво ищут и топят торпедами вражеские суда, перевозящие танки, машины, оружие, боеприпасы и снаряжение. На личном счету у каждого экипажа по три-четыре потопленных транспорта. В августе сентябре коммунисты партийных организаций первой и второй эскадрилий провели большую индивидуальную работу с молодым летным составом, что обеспечило высокое качество ввода в строй экипажей и повышение их боевого мастерства. Полеты на минные постановки и бомбоудары по базам противника приучили летчиков к морю, закалили духовно, подготовили к выполнению наиболее сложных заданий. Собрание обязало всех коммунистов усилить свой личный вклад в борьбу с германским фашизмом и к 26-й годовщине Великого Октября порадовать Родину новыми победами на море".

Под крылом - Балтика

Машина словно застыла в морозном воздухе. Моторы работают ровно, баюкают слух монотонным переливчатым гудом. Над верхним стеклом кабины мерцают крупные звезды. Внизу сереют плотные облака. Их верхняя кромка не ниже пяти тысяч метров.

Нам поручено первое крейсерство на "Бостоне". Маршрут пролегает от Ленинграда до устья Финского залива и делает резкий излом на юг, в ту пасть Балтики, куда мы почти не летали. Основной район поиска расположен от полуострова Сырве до Мемеля.

- Проходим над Гогландом. Облака очень плотные, - говорит Иванов. - Над ними нас никто не отыщет. Может, не будем тащиться до устья? Лучше, пожалуй, пройти над Эстонией.

Предложение заманчивое. Поправка в маршруте сокращает наш путь километров на сто пятьдесят.

- А если над сушей облачность кончится?

- Такая, как эта, сразу не кончится. Нам бы до берега над ней проскочить. Рекомендую принять чуть левее на курс двести двадцать.

Уверенность штурмана отметает возникшие опасения.

Свобода маневра торпедоносца - основа дальнего крейсерства...

Облачность постепенно редеет и наконец обрывается. Внизу появляются редкие тусклые огоньки. Это эстонские хутора. Фронт далеко, и они маскировку не соблюдают.

- Погода меняется вовремя, как по заказу, - сообщает мне штурман. Кончились облака, и минут через пять мы над Рижским заливом. А там ищи ветра в поле...

Он прав. Впереди, под обрезом кабины, виднеется темная линия берега. Может, ее я не вижу, а, скорее, угадываю? Наползая с востока, предрассветная сизая мгла затеняет далекие звезды. Наверху начинает светать, но внизу еще темень, словно огромным ковром она укрывает далекую сонную землю.

Под самолетом мелькают волнистые серые гривы. Вздымаясь и опускаясь, они словно гонятся друг за другом и, не догнав, закипают от ярости пенными брызгами.

Вот она - Балтика! От горизонта до горизонта раскинулась неохватной ширью, неоглядным простором свинцом отливающих волн. В стороне одиноко парит белоснежная чайка, изредка машет она крыльями. Так, и хочется крикнуть: "Здравствуй, родная! Спасибо, за теплый балтийский привет".

- Слева на траверзе дым, - почему-то вдруг шепчет Скляренко. - Слышите, командир? До него километров пятнадцать.

- Ты чего зашептал, как простуженный? - возбужденно говорит Иванов.

- Там же фашисты, - громким голосом отвечает гвардии старшина. - Я и шепнул, чтоб они не услышали.

...Под дымком появляются очертания транспорта. Вырастая над горизонтом, он приближается, с каждой секундой становится четче, рельефнее. Судно просело в воде очень низко. Его длинный сереющий корпус по цвету почти сливается с волнами. Надстройки с дымящей трубой расположены ближе к корме. Буруна от винтов почти нет, но у носа взбиваются белые брызги.

Вот когда пригодятся советы североморцев. Кабина штурмана на самолете расположена недалеко от хвоста. Теперь ни он, ни стрелок фашистское судно не видят. Целиться должен сам летчик - на глаз. Он же бросает торпеду с короткой дистанции. Палец руки механически давит на кнопку переговорного аппарата:

- Транспорт противника без охранения. Водоизмещение три тысячи тонн. Следует курсом на север. Осадка большая - загружен сверх нормы. Ход приблизительно восемь узлов. Атакую!..

Глаза одновременно наблюдают за целью и определяют высоту до воды. Непрерывно удерживаю нос самолета чуть

впереди обрамленного пеной корабельного волнореза. Судно уже совсем рядом. Пора...

- Бросил!

А борт транспорта, его труба и надстройки уже стремительно наплывают на самолет, мгновенно проносятся под крылом и исчезают из поля зрения.

- Торпеда идет! - кричит Иванов. - Транспорт взорвался! Фотографируем.

Энергичным движением штурвала ввожу самолет в разворот. Транспорт теперь в стороне. Окутанный облаком дыма и пара, он медленно валится на бок, уходит под воду. Свинцовые волны лижут борта, набегают на палубу. Через минуту под нависшим над водой облаком дыма виднеются только обломки.

- Возвращаться, пожалуй, нам лучше над Финским заливом, - говорит Иванов хрипловато. - Около его устья войдем в облака и возьмем курс домой. Долг отплатили, теперь умирать не положено.

"5 октября. Молодец Эрих! Сегодня летал на дальнее крейсерство и потопил вражеский транспорт водоизмещением в семь тысяч тонн.

Погода была явно нелетная. По маршруту почти непрерывно лил дождь. Местами машина подвергалась обледенению. Но он проскочил, прорвался в центральную Балтику, обнаружил фашистское судно и потопил его. Вот что такое воля, настойчивость, смелость в сочетании с прекрасной техникой пилотирования..."

Не ошибся Пономаренко, когда в Сибири поверил незнакомому летчику. Тот не подвел. Примечательно, что эту победу он одержал на "Бостоне", который нам подарил Ред Скелтон. Передавая нам подарок, конечно, он уж никак не рассчитывал, что в первую схватку с врагами его самолет поведет наш советский немец-антифашист Эрих Гептнер.

"12 октября. Целую неделю низкая облачность, морось, туманы не пропускали нас в Балтику. Летали только на минные постановки в ближнем районе. Но сегодня в Балтийское море проскочил лишь Борзов. Пожалуй, не пролетел, а прорвался в дожде, в снегопаде, на бреющем через Эстонию в Рижский залив, торпедировал вражеский транспорт и возвратился домой.

Штурман полка Никита Дмитриевич Котов вылез из самолета и удивленно сказал:

- Неужто до дома добрались? Я всю дорогу его убеждал, что лететь невозможно. А он ни в какую. Так в прорвались туда и обратно на его самолюбии".

"14 октября. Не вернулся из крейсерства экипаж командира

звена второй эскадрильи Александра Самедова. В первой радиограмме он сообщил: "Атаковали и потопили транспорт в пять тысяч тонн". Во второй стрелок-радист Бубнов успел доложить: "Атакованы истребителями". На этом связь оборвалась.

Из "могикан", воюющих с сорок первого года, во второй эскадрилье теперь остались экипажи Николая Победкина и Петра Летуновского. Старший лейтенант Александр Самедов со штурманом лейтенантом Александром Копыловым также воевали с первого дня. Сколько раз они вырывались из зенитного шквала, отбивались от атак истребителей! На их счету уже числились три потопленных транспорта. Казалось, они уж не могут погибнуть. И вдруг...

Расстроившись, даже забыл про свой день рождения. Напомнил за ужином Николай Иванов.

- Крепись, командир, - сказал он тихонько, поднимая стакан. - Мы ведь сегодня вместе родились. Наверное, и умирать нам вместе придется, в одном самолете, в одном бою. Давай поднимем за светлую память погибших и за нашу победу".

"16 октября. На самолете "Мы сделаем" Петр Федорович Стрелецкий потопил танкер противника водоизмещением пять тысяч тонн. Громадина тонула восемь минут. После ее погружения на поверхности воды еще плавало много вражеских солдат.

Удачливую машину подарил нам Ред Скелтон. Второй крейсерский вылет и вторая победа".

"19 октября. Павел Колесник потопил еще одни транспорт. Уже при возвращении, в Ирбенском проливе, неожиданно наскочил на вражеский сторожевик. Наверное, фашисты находились в высокой готовности, так как в его самолете обнаружено много пробоин".

"20 октября. Снова летали на крейсерство. Примерно в том месте, где вчера обстреляли Колесника, обнаружили тральщик водоизмещением семьсот тонн. Неожиданно появившись из дождевой завесы, мы с ходу атаковали его. Фашисты заметили нас лишь тогда, когда самолет оказался над палубой. Сразу ударили из двух "эрликонов" и нескольких пулеметов. Но тут рванула торпеда, и все закончилось. Домой прилетели благополучно.

По-видимому, противник пытается организовать прикрытие своих коммуникаций расстановкой боевых кораблей по пути движения транспортных судов. Иначе зачем бы вражеский тральщик болтался в одном районе несколько суток?"

"1 ноября. В последние дни октября экипажи Васильева, Чернышова, Разгонина, Бунимовича, Стрелецкого, Гептнера,

Летуновского провели успешное крейсерство.

В эти октябрьские дни произошло неожиданное изменение и в нашем экипаже. Мой штурман Николай Дмитриевич Иванов женился на своей Тосеньке, теперь уже Евстолии Михайловне. Обошлись без фаты и парадного сюртука, зато в добрых пожеланиях недостатка не ощущалось".

"2 ноября. Такой крупной победы у нас еще не было. Петр Летуновский со штурманом Николаем Демченко потопили вражеский транспорт водоизмещением более десяти тысяч тонн.

Несмотря на плохую погоду, огромное судно шло в охранении двух сторожевых кораблей. Маскируясь в нижней кромке нависших над морем дождевых облаков, Петр незаметно сблизился с конвоем и внезапно атаковал противника. Фашисты так растерялись, что начали стрельбу лишь после взрыва торпеды. Маневрируя в сильном огне, Летуновский продолжал кружиться над транспортом, фотографируя его погружение. Медленно накреняясь на правый борт, транспорт через минуту лег полностью на борт, затем перевернулся кверху килем и на шестой минуте скрылся под волнами. Не прекращая стрельбы, сторожевые корабли подошли к месту его погружения и, спустив шлюпки на воду, начали спасать плавающих солдат. Видимо, не одну сотню фашистов отправил на дно Балтийского моря этим мастерским ударом экипаж Петра Летуновского".

"5 ноября. Позавчера в честь годовщины Великого Октября открыл свой боевой счет командир нашей эскадрильи капитан Константюк. Вместе со штурманом Петром Кошелевым они обнаружили и потопили вражеский транспорт водоизмещением пять тысяч тонн.

Вчера мы не летали из-за сильного ухудшения метеоусловий. А сегодня майор Борзов приказал мне произвести разведку погоды. Над Эстонией мы попали в сильнейшее обледенение и чуть не разбились. Постепенно нижняя кромка тумана прижала нас к самым макушкам деревьев, но мы продолжали лететь по маршруту на бреющем. Вдруг началась сильная морось, и машина почти мгновенно покрылась ледяной коркой. Лед нарастал интенсивно. Самолет стал тяжелым, неповоротливым. Кое-как развернувшись, полетели обратно. Однако машина быстро теряла скорость, Моторы ревели на полном газу, но их мощности уже не хватало. А толщина ледяного слоя все увеличивалась. Верхушки деревьев мелькали под крыльями, чуть не цепляли за фюзеляж. Еще немного, и мы сядем на лес на территории, занятой врагом. В последний момент я сбросил торпеду. Освободившись от тысячекилограммового груза, самолет стал легче. Его скорость увеличилась километров на двадцать. А секунд через пять или

семь мы выскочили из мороси. Медленно освобождаясь от ледяного плена, самолет лишь минут через сорок обрел свою обычную маневренность. Мы потеряли торпеду, в Балтику не пробились".

"12 ноября. Летаю на разведку погоды почти каждый день, иногда по два раза. Чаще всего удается прорваться до острова Гогланд, затем облака прижимают машину к воде, переходят в туман или морось с неизбежным обледенением, и мы возвращаемся.

Пилоты начинают коситься на наш экипаж, будто не погода, а мы мешаем им летать на задания в Балтику".

"17 ноября. Сегодня не вернулись с задания экипажи Петра Летуновского и Александра Разгонина. К рассвету погода вроде улучшилась. Моему экипажу было приказано отдыхать, а на разведку вылетел Летуновский. Прорвавшись в Рижский залив, Петр радировал, что по маршруту облачность низкая, однако обледенения нет. Борзов дал команду поднять еще пять самолетов. Экипажи взлетели с временным интервалом в десять минут, но через час-полтора четыре из них вернулись. Погода резко ухудшилась, и они пролететь не смогли. А Летуновского и Разгонина мы так и не дождались. Неужели они не смогли пробиться обратно?.."

(Забегая вперед, скажу, что экипаж Героя Советского Союза Александра Ивановича Разгонина был подбит во время торпедной атаки. При вынужденной посадке Александр Иванович потерял сознание и попал в плен к фашистам. В 1945 году Разгонин был освобожден наступающими войсками и сейчас продолжает служить в авиации ВМФ.)

"20 ноября. Мой экипаж наградили правительственными наградами. Перед строем полка гвардии майор Иван Иванович Борзов вручил мне орден Красного Знамени и сказал:

- Бей, дружище, фашистов, как бил до сих пор. Уверен, что эта награда не будет последней. Желаю тебе дожить до победы.

Спасибо, дорогой Иван Иванович, за добрые, сердечные пожелания. До победы, наверное, всем дожить очень хочется. Мне лично хотелось бы хоть на миг ощутить это, пока еще неизведанное, но такое манящее чувство, увидеть улыбки и радость на лицах друзей, восторженное ликование всего народа. Однако война не щадит ни юнца, ни бывалого воина. Из тех, с кем пришлось ее начинать, почти никого не осталось, особенно из летчиков-торпедоносцев. Наверное, чем дольше воюешь, тем ближе подходишь к своему последнему рубежу. Но жить все равно очень хочется. И я не теряю надежды".

"28 ноября. Разведчик погоды я, видимо, неудачный. Летаю и

днем и ночью. Влезаю в туман, в облака, в мокрый снег, а пробиться в Балтийское море никак не могу. Уже на себя самого начинаю сердиться, но и это не помогает. Несколько раз пытался изменить профиль полета. При появлении опасности обледенения сразу начинаю набирать высоту, чтобы выйти за облака или в зону низких температур. Однако неприспособленный самолет почти сразу обледеневает, теряет скорость и начинает дрожать. Приходится опять возвращаться. И так раз за разом, полет за полетом..."

"10 декабря. И декабрь не принес ощутимого улучшения. В одну из ночей всем полком вылетали на бомбометание. Сначала все шло хорошо, но к моменту возвращения последних трех экипажей аэродром закрыло туманом. Капитан Константюк пытался зайти на посадку, но зацепился за лес. Машина упала и загорелась. Петр Кошелев просто чудом вытащил его из обломков и принес обгоревшего на руках. Сейчас наш комэск лежит в госпитале. Состояние очень тяжелое.

Дня через два мне наконец удалось прорваться в Балтийское море. Долетели почти до Мемеля. Погода была подходящая: высота облаков примерно четыреста метров и хорошая видимость. Атаковали транспорт, шедший в составе конвоя, но промахнулись..."

Конвой мы заметили километров за десять. Четыре груженых транспорта, растянувшись в кильватерной колонне, шли курсом на север. Ближе к нам, на траверзе головного и третьего транспортов, находились два быстроходных тральщика. Замыкал колонну сторожевой корабль.

- Смотри, командир! - проговорил Иванов. - Фашисты теперь даже в Балтике в одиночку ходить не решаются. Ишь какой конвой сколотили! Боятся наших торпедоносцев.

- Вижу в воздухе два истребителя! - доложил Скляренко. - Находятся впереди, чуть правее. Летят нашим курсом.

Действительно, впереди, почти рядом, оказались два "мессершмитта". Как же я раньше их не заметил? Фашисты пока нас не видят. Но если мы развернемся на курс сближения с конвоем, они останутся у нас сзади и смогут сразу начать атаку...

- Подождем, командир, - деловито сказал Иванов. - Вода, наверное, холодная. Меня купаться не тянет.

Его шутливый совет показался мне правильным. Нам действительно некуда торопиться. Вот истребители начали разворот. Теперь они могут нас обнаружить. Потянув штурвал на себя, я ввел самолет в облака и надежно укрылся в их нижней кромке.

Секунд через десять плавно снизил машину. "Мессершмитты"

уже переместились левее. На высоте двести метров они спокойно летят в направлении конвоя. Этого момента и нужно было дождаться. Энергичным маневром разворачиваюсь им в хвост, отрываюсь от облаков и резко снижаюсь к воде. Конвой приближается. С тральщиков не стреляют. Значит, пока не заметили. Для страховки почти непрерывно меняю курс на десять - пятнадцать градусов, чтобы не сбили с первого залпа.

- Атакуем концевой транспорт! Водоизмещение примерно шесть тысяч. Наблюдайте за "мессерами". Если они нас увидят, успеем уйти в облака.

Дистанция около двух километров. Над палубой транспорта рассыпается веером букет многоцветной ракеты. "Вот когда он заметил, подлец, приближение собственной гибели".

Ближний тральщик ударил из пулеметов и автоматов. Трассы прошли далеко в стороне. Истребители заметались, закрутились на виражах, но, наверное, пока нас не видят...

Вспышки огней засверкали на палубе транспорта. Буруна за кормой я не вижу. Но черный дым из его трубы рваными клочьями почему-то пролетает над палубой в сторону носа.

- Маневрирует скоростью! Дал задний ход, - говорю Иванову.

- Целься ему в середину! - советует штурман. Сторожевик, окутавшись пеной, рванулся вперед. От него в нашу сторону разноцветными струями вылетают снаряды и пули. Борт транспорта уже рядом. Нос самолета точно нацелен в его середину. Секунды полета на боевой высоте.

- Бросил!

Сильный удар сотрясает машину. Плечом ударяюсь о борт кабины. Под фюзеляжем проносится мачта.

- Истребители сзади! Метров семьсот! - кричит мне Скляренко.

Энергично тяну штурвал и даю полный газ.

- Мы промахнулись, - скрипнув зубами, говорит Иванов. - Торпеда прошла за кормой, метров десять.

Над верхним стеклом кабины огневыми кометами пролетают снарядные трассы. Машина дрожит от очередей крупнокалиберного пулемета.

- "Мессеры" на хвосте! - кричит Иванов. - Уходи быстрей в облака, пока нас не схарчили!

- Один из них отлетался! - восклицает Скляренко. - Получил, стервец, свою порцию.

Натужно гудя моторами, самолет врезается в нижнюю рвань облаков. Морская поверхность сразу скрывается. На стеклах кабины виднеются капельки влаги. Развернувшись, беру курс на север. Моторы работают ровно. Утечки бензина пока не заметно.

- Доложите, куда нас ударило. Как самочувствие?

- Взрывом снаряда хвост покорежило, - огорченно проговорил Иванов. Самочувствие в норме. Сережа сбил "мессера". А мы не попали.

- Почему мы промазали? - удивился Скляренко. - Если судить по дыму, то транспорт пятился задом, а торпеда у самой кормы проскочила.

- Никуда он не пятился, - пояснил Николай. - Когда над ним пролетали, я все рассмотрел. Двигался транспорт вперед, как ему и положено. А дым из трубы в направлении носа ветром попутным сносило...

"12 декабря. Сегодня ночью майор Борзов атаковал и потопил торпедой транспорт противника..."

Борзов прилетел на рассвете. Мы с нетерпением ожидали его на КП. Первый в истории вылет на низкое торпедометание ночью. Выполнение поиска и атаки по лунной дорожке. И это не где-то на полигоне, а в условиях открытого моря, с нанесением удара по настоящему противнику.

О результате мы уже знали. Сообщение уложилось в короткой радиограмме: "Торпедировал транспорт пять тысяч тонн. Возвращаюсь". Из телеграммы нам ясно, что опыт удался, транспорт потоплен и экипаж возвращается. Но как он искал этот транспорт в ночной темноте? Какие приемы использовал? Доступны ли эти приемы для среднего летчика?

Дверь распахнулась. На пороге показался Иван Иванович Борзов. По виду не скажешь, что только сейчас он вернулся из опасного пятичасового полета. На губах озорная улыбка. В глазах так и светится радость.

- Ждете, голубчики? - говорит он насмешливо. - Ждете, когда командир полка сам слетает, потом объяснит, все разложит по полочкам? Ну да уж ладно. Пользуйтесь случаем. Дежурный! Быстро на стол лист бумаги и карандаш.

- Можно вопрос? - торопливо вставляет Шаманов. - Вы для начала только скажите, сможем ли мы торпедировать ночью?

- Сможете! Обязательно сможете, - уверенно отвечает Борзов, садясь на подставленную скамейку. - Трудности будут, особенно в первых полетах. Сегодня я их ощутил, когда первый раз в темноте с высоты почти к самой воде опускался. Высотомеру верить нельзя - там барометрическое давление атмосферы обязательно отличается от установленного на аэродроме. Вместо моря внизу видна чернота. Поэтому страха по горло, а удовольствия нет. Однако, как видите, смог. И за вас я уверен, что сможете...

"13 декабря. Как говорит Миша Лорин: "Нас опять затянула беспросветная мгла". Погода такая, что даже в разведку не

выпускают..."

"1 января 1944 года. В новогоднюю ночь мы собрались в летной столовой. Посередине обеденного зала красовалась нарядная елка. На стенах - красочно оформленные победные сводки, итоговые таблицы, дружеские шаржи. Чувствовалось, что над их составлением изрядно потрудились парторг полка майор Букин и пропагандист капитан Марголин.

С грустью смотрели мы с Ивановым на творчество неизвестного карикатуриста, изобразившего наши удивленные физиономии на фоне спокойно плывущего фашистского транспорта. За кормой у него след торпеды, огромный вопросительный знак и надпись: "Так почему она не попала?" А рядом веселые лица Колесника, Чернышова, Васильева, Шаманова, Бунимовича.

На другом плакате нашему экипажу тоже адресовалось персональное пожелание: "В новом, 1944 году бить врага только по носу!"

Теперь попались мы шутникам на заметку. И обижаться вроде бы не на кого. Если не можешь бить по носу, то сам получай по загривку...

После полуночи немного повеселились и разошлись отдыхать".

"5 января. Над аэродромом все время стоит низкая облачность, и мне приказано тренировать молодых летчиков в выполнении торпедных атак с маневром на малых высотах. С утра и до вечера по границе аэродрома трактор таскает огромный фанерный макет корабля, а я летаю с пилотами на двухштурвальной машине и атакую эту мишень. Получается здорово. Тренировка классическая. Особенно лихо летают Евграфов, Кливцов, Шишков, Шарыгин и Дорошенко".

"13 января. Сегодня погиб экипаж Бунимовича - разбился на наших глазах..."

Пасмурный, унылый рассвет. Резкие порывы холодного ветра непрерывно выталкивают из залива низкие темные клочья дождевых облаков. Колючая морось сечет до боли посиневшую кожу лица, леденит поникший кустарник, покрывает блестящей наледью оголенные сучья деревьев.

Сумрачные, подавленные ненастьем, сидим на нашем КП. Из комнаты оперативного дежурного доносится осипший, простуженный голос Борзова.

- Мне все понятно! - кричит он кому-то в телефонную трубку. Попытаемся выполнить. Тумана не ожидаем. Вышлю разведчика... Юрия вышлю, с сигарой...

Мы посмотрели на Бунимовича. Опершись спиной о дощатую

стену, он повернулся на голос. На белесом фоне четко вырисовывалась его стройная, худощавая фигура. Голова, обрамленная черной густой шевелюрой, чуть наклонилась вперед. Кожа на выпуклом лбу и щеках слегка сморщилась от ожогов, полученных при пожаре на самолете. Коричневые зрачки больших глаз смотрят на дверь внимательно, ожидающе...

- Бунимовича к командиру! - раздается голос дежурного.

Оглянувшись, Юрий кивком головы приглашает штурмана и шагает в приоткрытую дверь.

Мы выходим на улицу. Уже совсем рассвело. Ветер по-прежнему гонит с залива низкую облачность, оголтело рвет кусты и деревья. Но мороси нет, и видимость стала приличной. С земляного бугра, насыпанного над командным пунктом, просматриваются стоянки и летное поле.

Вот закрутились винты, и послышался рокот моторов. Грузно покачиваясь, самолет Бунимовича порулил от стоянки. Короткая остановка на полосе - и стремительный, быстрый разбег. Рокочущий гул сотрясает промерзшую землю.

Ни пуха тебе, ни пера!..

Через час получили радиограмму: "Обледенение сильное. Пытаюсь пробиться на высоте". Борзов прочитал и махнул безнадежно рукой.

- На КП оставить в дежурстве два экипажа. Остальным отдыхать. Может, облачность к ночи немного рассеется.

Часы ожидания тянутся медленно. Шахматы надоели. Склонившись на валик дивана, Иванов задремал. Николай молодец! Знает, если к ночи погода улучшится, нам тоже придется лететь.

На исходе четвертого часа дежурный радист доложил начальнику штаба: "Бунимович передает, что атаковал танкер водоизмещением десять тысяч тонн. Возвращается. На борту все в порядке".

- Придется с десятой победой поздравить, - улыбнулся начальник штаба гвардии подполковник Кичинский.

- Пробились ребята, - вздохнул дежурный. - А погодка не улучшается. Ветерок только стих. Как бы туманчик опять не пожаловал.

Кичинский озабоченно поглядел на него и неуверенно возразил:

- Не пожалует... Метеобоги клянутся не допустить. Будем надеяться, что не обманут.

И снова все стихло. Опять потянулись секунды, минуты, часы...

Меня разбудил телефонный звонок.

- Бунимович уже на подходе, - ответил кому-то дежурный. - Будет минут через двадцать, не раньше.

- Даже поспать не дадут, - проговорил Иванов, вставая с дивана. - Кто там такой беспокойный нашелся?

- Капитан Васильев со старта звонил. Наш аэродром закрывает туманом, а запасных нигде нет.

Мы вышли на улицу. Ранние сумерки надвигались стремительно. Контуры отдаленных предметов уже не проглядывались. Над головами медленно проплывали тонкие хлопья приподнятого тумана. Из соседней землянки, словно из-под земли, неожиданно вынырнул Чернышов.

- Туманчик пока не сплошной, но достаточно вредный, - поглядел он на небо. - Юрий, конечно, пилот замечательный. Однако придется ему попотеть.

- Для него это семечки, - улыбнулся в ответ Иванов. - Последнее время мы все от пота не высыхаем. Пойдемте на старт. Там нам будет виднее.

Над головой зашумели моторы. Васильев схватил микрофон:

- "Сокол"! Я - база. Как слышишь?

- Я - "Сокол". Слышу отлично. В просветах тумана вижу ваши огни.

Голос у Юрия хриплый, но бодрый, уверенный, хотя в воздухе он находится почти девять часов.

- "Сокол"! Туман приподнятый, тонкий, семь-восемь баллов. Нижняя кромка метров на тридцать. Заходи повнимательней.

- Я - "Сокол". Вас понял. Буду стараться.

Гул моторов постепенно стихает. Самолет удаляется. Каждый из нас представляет, как внимательно Юрий смотрит на землю в разрывы тумана, ищет глазами ориентиры. Огни полосы далеко позади. За туманом уже их не видно. Теперь внизу словно черная пропасть, укрытая облачной ватой. Только по времени, а точнее, чутьем должен угадывать он момент разворота.

Васильев сигналит карманным фонариком. С шипением включаются посадочные прожекторы, заливая слепящим светом прикрытую наледью землю.

Поеживаясь от холода, смотрим в ту точку, откуда должны показаться огни самолета. Снова слышится гул. Приближаясь, он нарастает и ширится, сотрясает насыщенный влагой морозный воздух. Вдалеке над землей появляется красный глазок. Цепляясь за нижнюю кромку тумана, он притухает и загорается снова, становится ближе с каждой секундой.

- Все... Теперь сядет, - облегченно вздыхает Васильев.

И тут же взревели моторы, ударили в землю форсажным звенящим грохотом. Красный глазок заметался, запрыгал,

дернулся вверх и стремительно ринулся вниз. Пламя огромного взрыва озарило пурпуром нависшую рваную облачность и скорбно поникшие ветви одинокого дерева...

"14 января. Под Ленинградом началось наступление наших войск..."

Все прибыли на командный пункт по срочному вызову. У карты толпятся командиры эскадрилий, заместители командира полка: Пономаренко, Кичинский, Калашников. Глядя на нас, Борзов улыбается, а глаза холодные, строгие. Откашлявшись, оглянулся на карту, указкой обвел приморский плацдарм.

- Началось, дорогие товарищи, - проговорил он негромко. - Началось изгнание фашистов с ленинградской священной земли. Два с лишним года сидели они под стенами города. Два с лишним года зарывались под землю, укрывались бетоном и сталью, создавали и укрепляли свой Северный вал. Наши войска нанесли им удар вот отсюда, с плацдарма. Солдаты ринулись в наступление. Грудью своей прорывают они рубежи обороны, бьют фашистов в окопах, в ходах сообщения, обливаются кровью, но рвутся вперед. Мы должны вместе с ними громить фашистскую нечисть. Как назло, нам мешает погода. Туман пока не расходится. Наша задача - находиться в готовности к вылету. При первой возможности будем бомбить врага днем и ночью...

"15 января. На всем фронте, от Лигово и до Колпина, не умолкая грохочут орудия. От Пулкова по фашистам ударила 42-я армия. Метр за метром пехота вгрызается в оборону противника, медленно движется к Стрельне, Пулкову, Пушкину. Фашисты упорно сопротивляются, не теряют надежды отбить все атаки, отсидеться в укрытиях под накатами блиндажей, под бетонными плитами, за глубокими рвами и рядами противотанковых надолб.

Представители штаба дивизии сообщают, что наша пехота под шквальным огнем. Но упорно ползут по-пластунски солдаты. Стонет от взрывов под ними земля. А они все ползут и ползут, от воронки к воронке, от кустика к кустику. Потом вдруг кидаются яростной лавой. Врываются в дзоты, окопы, ходы сообщения. Колют фашистов штыками, ножами...

Мы не летаем. Туман не расходится. Наоборот, он становится гуще. Бой не стихает. Ждут нас солдаты. Наверное, смотрят с надеждой на хмурое небо. И, не дождавшись, снова ползут от воронки к воронке..."

"16 января. К вечеру подул ветерок, разметал нависшие клочья тумана, расчистил огромное звездное небо. Разбежавшись по самолетам, все подготовились к вылету.

Нам бить по Рошпе, одному из опорных пунктов обороны противника. Чтобы взломать укрепления гитлеровцев, будем бомбить пятисоткилограммовыми бомбами..."

В отработанном графике все учтено до секунды. Одиночными самолетами образуем своеобразное колесо. Первым взлетает мой экипаж. Потом, с интервалами, Гептнер, Стрелецкий, Победкин и все остальные. Бомбоудары один за другим, через три минуты. К моменту взлета последнего экипажа я должен успеть вернуться, подвесить бомбы и вылетать вслед за ним. Так колесо должно крутиться без перерыва всю ночь. Одновременно, но по другим целям, бомбят экипажи авиации дальнего действия и фронтовые бомбардировщики.

Над командным пунктом зазеленела ракета. Штурман Николай Иванов нажал на кнопку секундомера. Через восемь минут на взлетную полосу порулил самолет Павла Колесника. Его бомболюки загружены САБами - светящими авиабомбами. Колесник со штурманом Сагателовым будут светить нам над целью.

Взревели моторы, и самолет взвился в воздух. Теперь наша очередь. Внимательно осмотревшись, запускаю моторы. Они подготовлены и прогреты техником самолета лейтенантом технической службы Лупачом.

- Пора, командир, - говорит Иванов. - До взлета осталось четыре минуты.

Неторопливо снимаю машину со стояночных тормозов. Самолет тяжело сдвигается с места. Лейтенант Лупач мигает зеленым фонариком, переводит мерцающий луч на подкрыльные бомбы. Читаю короткую надпись: "За Ленинград!"

Справа тихонько рулит Эрих Гептнер. За ним выдвигается Петр Стрелецкий. Короткий разбег - и мы в воздухе. Колесо возмездия завертелось.

...От Кронштадта ложимся на боевой курс. Пронзая темень тончайшей иглой, с острова в сторону Ропши светит прожектор. Иванов наводит машину точно на луч. До цели четыре минуты полета. По нашему курсу, с интервалом в пять - семь секунд, вспыхивают два САБа. Это Колесник и Сагателов начали выполнение задачи. Тотчас внизу, на земле, загораются десятки прожекторов. Их лучи лихорадочно шарят по небу, ищут Колесника, ищут меня. Вокруг самолета вспышки разрывов сливаются в огненный шар, из которого некуда вырваться.

- Цель наблюдаю! Сейчас мы им врежем! - кричит Иванов,

нажимая на кнопку.

Сорвавшись с держателей, тяжелые бомбы исчезают внизу. Энергичным маневром бросаю машину в сторону. Она вырывается из огненного клубка. Развиваю предельную скорость. На земле видны непрерывные вспышки рвущихся бомб. Ярким цветастым ковром они накрывают черную землю.

Стрельна уже позади. Зенитный огонь прекращается. Нужно быстрей посадить самолет и подвесить новые бомбы.

...Мы опять над Кронштадтом. Колесо продолжает крутиться без перерыва. Это четвертый вылет. Теперь обстановка переменилась. Уже не светят прожекторы, не стреляют зенитки. Их больше не существует. Фашисты раздавлены, смяты лавиной огня и металла. Они потеряли способность сопротивляться.

Разворачиваю машину на боевой курс. На сердце легко и радостно. Сейчас еще разок отбомбимся, или, как говорит Иванов: "Подбросим фашистам еще одну порцию смерти".

"17 января. Сегодня бомбили фашистов в Кипени. Успели сделать три вылета и получили сигнал закончить удары. Наверное, туда подошла пехота, и наше смертельное колесо пришлось срочно затормозить.

Пехота увеличила темп наступления. Летчики и артиллеристы здорово помогают, бьют по противнику без перерыва круглые сутки.

В первом ударе над Ропшей зенитки подбили самолет лейтенанта Евграфова. Парнишка не растерялся и сумел посадить искореженную машину на ближайшем аэродроме Борки. Молодежь на глазах закаляется, крепнет, превращается в зрелых отважных воинов".

"20 января. Из Ропши возвратилась комиссия, проверявшая результаты наших бомбовых ударов. Впечатление очень сильное. От укреплений фашистов почти ничего не осталось. Прямым попаданием пятисоток уничтожен командный пункт вражеской дивизии. Из-под обломков бетонного бункера извлечены исковерканные трупы тридцати офицеров. Среди военнопленных попадаются оглохшие, очумевшие солдаты. Пехота шлет нам свою благодарность..."

"22 января. Сегодня в полку торжество. Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза присвоено нашим лучшим летчикам: Юрию Бунимовичу, Александру Разгонину, Михаилу Советскому, Аркадию Чернышову, Ивану Шаманову.

Огласили Указ перед строем. Михаила, Аркадия и Ивана качали, несли на руках до командного пункта. Торжественно помянули погибших Бунимовича и Разгонина".

"10 февраля. Погода снова испортилась. Днем низкие облака проносит почти над вершинами деревьев, а ночью аэродром закрывает туманом.

Под низкими облаками летать очень сложно, а маневрировать для атаки тем более. Это мы остро почувствовали после ошибки, допущенной Николаем Победкиным. Во время атаки он выполнил разворот с большим креном, немного перетянул штурвал, самолет сделал бочку - перевернулся вокруг продольной оси - и врезался в землю.

После этого случая командир полка сам проверил технику пилотирования летчиков, летающих в крейсерство. Погоду выбрал самую мерзкую. Облака стелились почти у земли. Снегопад снизил видимость до двух километров. А мы крутили глубокие виражи с максимальным креном, маневрировали в облаках на одном моторе, чуть не цепляя за лес, пробивали их вниз. Борзов с пристрастием контролировал каждого. Несмотря на мороз, я вылез из самолета мокрый от пота.

На разборе Иван Иванович установил единую методику выполнения всех элементов полета и приказал отработать ее со всеми летчиками. Используя эту погоду, летаем с утра до ночи. Чуть облака приподнимутся - мы уже в воздухе. На границе аэродрома макет корабля бороздит снеговые сугробы, а мы тренируем пилотов в маневрировании для нанесения торпедных ударов в сложных условиях. Ребята потеют, по учатся с жаром, с огромным желанием".

"15 февраля. В Ленинграде стало непривычно спокойно. На улицах больше не рвутся снаряды, не завывают сирены пожарных машин, не объявляют по радио: "Граждане! Начался артобстрел района. Всем укрыться в убежищах".

Теперь угрожать Ленинграду блокадой уже больше некому. Тысячи скрюченных, смерзшихся трупов фашистских "завоевателей" навечно остались под Лигово, Стрельной, у Пулкова, Ропши, на красносельских позициях. А тех, кто успел улизнуть от возмездия, наши солдаты отбросили с ходу за Нарву и Чудское озеро.

В такой обстановке и нам воевать стало чуточку проще. Проскочишь на бреющем к Чудскому озеру, перемахнешь через фронт, а там уж и Балтикой пахнет. Тридцать минут пролетел над Эстонией, выскочил в Рижский залив - и раздолье. Лети куда хочешь..."

"17 февраля. Везет мне на всевозможные приключения. Кажется, было их столько, что одному, даже самому невезучему, человеку должно с избытком хватить на две жизни. Сегодня я понял, что это не так, что еще одного приключения мне как раз не

хватало..."

С утра экипаж находился в дежурстве с торпедой. На улице непроглядный туман с липкой моросью. Под тяжестью ледяного нароста обрываются провода, свисают как плети древесные сучья. Дороги сковало сверкающим гололедом. Природа, видимо, твердо решила исключить даже мысль о движении по земле и по воздуху.

Но где-то начальство решило иначе. Кому-то как раз до зарезу втемяшился крейсерский вылет. Как ни ругался Борзов в телефонную трубку, как ни упрашивал вникнуть в нелепость подобной затеи, кто-то решил в этот раз не поверить его доказательствам и остался глухим к уговорам.

На самолете механики дружно грохочут жгутами резины по крыльям, сбивая с них лед. Инженер эскадрильи подходит к кабине и говорит удивленно:

- Ты не рехнулся?

Убедившись по выражениям, что я еще в добром здравии, тут же уходит от самолета.

...Руководитель полетов включает рубильник. На полосе в направлении взлета вспыхивают огоньки. Я вижу лишь два самых ближних. Их удаление пятьдесят и сто метров. Дальше все скрыто стеной непроглядного мрака.

Начинаю разбег. Колыхнувшись, огни побежали навстречу. Радужными факелами они вылетают из мороси и исчезают под крыльями. На циферблате прибора стрелка перевалила за скорость отрыва. Нужно еще подождать. Машина слишком тяжелая. Секунда, другая - теперь уже можно. Плавно тяну штурвал. Самолет отрывается. Немедленно ставлю кран шасси на "убрано". И... страшный удар сотрясает машину. Накренившись, она задевает крылом за сверкающий лед, ударяется фюзеляжем о полосу и с ужасающим грохотом скользит по земле.

Постепенно скольжение прекращается. Выключив аккумулятор, выпрыгиваю из кабины на землю. Вижу: Иванов и Скляренко, живые и невредимые, стоят у разбитого фюзеляжа. Оглядев самолет, по вмятине на капоте убеждаюсь, что причиной падения явился удар обо что-то правым мотором. Кругом тишина. В тумане не видно ни зги. Кажется, мы остались одни в целом свете.

- Вроде бы живы? - шепчет Скляренко. - Только куда нам идти? Ни огней, ни предметов не видно.

В стороне сквозь туман промелькнули два огонька.

- Фары! - кричит Иванов и выстреливает ракету. Огоньки приближаются к нам. Из эмки выходит Борзов.

- Значит, здесь загудели, голубчики? - говорит он угрюмо. - Самолет расчехвостили в дым. Хорошо, что хоть живы остались.

Как объясните причину?

- После отрыва непонятный удар. Самолет зацепился за землю крылом и упал. Остальное вы видите.

- С ударом пока не согласен. Причина, пожалуй, не в этом. Машина обледенелая. Подорвали без скорости. Она на крыло и свалилась. Ошибка элементарная, наиболее вероятная для подобных условий. Но нужно ее доказать. Едем на полосу. На ледке свежий иней. Место отрыва колес мы определим. От него по спидометру отсчитаем длину разбега. И все станет ясно даже в таком тумане.

Усевшись в машину, медленно едем вдоль следа от фюзеляжа. Показались огни полосы. На ледке продолжают виднеться четкие борозды. Вот они кончились. Значит, до этого места машина летела. Немного дальше следы от колес покажут место отрыва. Левее, на полосе, что-то чернеет. Повернули туда. Перед нами - автомашина - маслозаправщик, лежит на боку. Рядом стоит огорченный шофер. Борзов открывает дверцу кабины.

- Как ты здесь очутился, приятель?

- Проезжал через полосу, товарищ майор. Вдруг громыхнуло что-то по кузову, и машина перевернулась.

Борзов оглядел покореженный кузов.

- Вот и причина. Искать больше нечего. Удачно ты его мотором по заду ударил. А если б кабиной?.. Не иначе в сорочке родились. И вообще, вам всем повезло. Садитесь в машину. Поедем начальству докладывать...

"22 февраля. Сегодня Колесник летал на разведку. В Балтику Павел пробиться не смог, но в Финском заливе обнаружил и атаковал транспорт противника".

"23 февраля. Красной Армии двадцать шесть лет. Перед строем полка проплывает гвардейское Знамя. Командир объявляет Указ о награждении полка орденом Красного Знамени. Звонким, радостным голосом он поздравляет весь личный состав. Перекатом гремит "ура". Ветераны и молодежь обнимают друг друга.

Раздается команда "Смирно". Склонив полотнище Знамени, минутой молчания чтим светлую память погибших товарищей. Они вместе с нами, в одном строю. Их боевыми делами, их кровью и жизнью завоевана эта награда.

Снова звучит команда. Майор Калашников объявляет Указ о присвоении звания Героя Советского Союза Григорию Васильеву и Павлу Колеснику. Григорий и Павел одновременно взлетают над шумной толпой.

- Не убейте героев! - смеется Борзов. - Оставьте живыми хоть

для рукопожатия".

"27 февраля. Сегодня отличился Стрелецкий. Какой же Петр молодец!.."

Бежим от стоянки к самолету капитана Стрелецкого. С остановленными моторами он одиноко маячит в конце полосы. На борту даже издали виднеется надпись: "Мы сделаем". Подпрыгивая на ухабах, нас обгоняет санитарная машина. Кто у них ранен? Почему самолет не рулит на стоянку?..

Петр взлетел на разведку еще до рассвета. В донесении сообщил, что погода плохая, но в Балтику удалось проскочить. На исходе третьего часа было получено радио: "Торпедировал транспорт пять тысяч тонн". А минут через десять - второе: "Задание выполнил, имею раненого".

Ожидали его на стоянке. Самолет прилетел через пять с половиной часов и с ходу пошел на посадку. Пробежав до конца полосы, он чуть развернулся и замер.

Теперь уже видно, как штурман Николай Афанасьев и стрелок-радист Иван Трусов вынимают из кабины Петра. Видимо, он без сознания. Одежда перемазана кровью.

Как же он посадил самолет? Как долетел из туманной Балтики?..

Врач полка Лебедев хлопает дверцей кабины, и "санитарка" срывается с места. У самолета никто не остался. Афанасьев и Трусов уехали с раненым.

- Помоги отрулить на стоянку, - просит бежавший вместе со мной инженер эскадрильи.

Залезаем на самолет и не верим глазам. Кабина залита кровью. Пол и приборы, штурвал, парашют, даже на стеклах красные пятна. Местами кровь загустела, засохла, местами свисает свежими каплями.

- Бедный Петро! Как же он прилетел? - схватился за голову инженер Лебедев. - В такую кабину и сесть невозможно. Пойду подгоню со стоянки тягач.

* * *

В знакомом мне кабинете врача Дановича все тот же заваленный снимками стол и широкий диван, на котором он отдыхает не раздеваясь.

- Долго возился я с вашим Петром, - говорит Федор Маркович, устало потирая затылок, - Крупнокалиберной пулей разбиты все кости в коленном суставе. Рана в тридцать сантиметров длиной. Потеря крови неимоверная. Я вообще не способен понять, как он сумел после этого выжить. Главное, видимо, сила характера, воля. Мы, медицина, пожалуй, потом. Нам удалось поддержать эту волю. Кризис, конечно, уже миновал.

Но он очень сильно ослаб. Других не пускаю, тебе отказать не могу. Подожди, подпишу назначения...

- Здорово, Петро!

- Здорово, Сашко, - еле шевелит губами Стрелецкий.

Бледная, иссиня-бледная кожа лица. Заострившийся нос. Под глазами мешки. Темно-красные веки. Только глаза, как и раньше, живые.

- Стукнуло в левую ногу на боевом, перед сбросом торпеды. Сначала даже не понял, что ранен. Только когда на педаль надавил, левую сторону пронзило болью. Но сгоряча все равно не дошло. Довернул самолет и прицелился точно. Два сторожевых корабля прикрывали. Били по мне, понимаешь, в упор. Как я из этого пекла убрался?! Голова закружилась, когда разглядел, что из дырки в унте кровь струей, выбегает. Перед глазами туман, и не пойму, что со мной происходит. Тут я собрался и сам себя выругал: "Что ты раскис, как кисейная барышня? Крови своей на ноге испугался? Ну-ка за дело, пока вся не вытекла!" Отстегнул ремешок от планшета и накрепко ногу выше колена перетянул. От этой работы выдохся здорово. Сразу же в сон меня стало клонить. Пришлось сказать Николаю, что ранен.

Стрелецкий умолк, словно что-то припоминая. Глаза у него потихоньку закрылись. Казалось, он сразу уснул. Я тихонько поднялся.

- Трудно, ой трудно мне было, Сашко! - продолжил он вдруг торопливым измученным шепотом. - Бреющим два с половиной часа - и в такую погоду... Все делал будто во сне. Самолет доворачивал триммером. Николай молодец. Всю дорогу что нужно подсказывал и уснуть не давал. Нога онемела, перестала болеть. Под конец я ее и не чувствовал. Перед посадкой взял себя в руки и выполнил все как положено. Сознание потерял на пробеге. Нужно на тормоз давить, а нога не работает. Моторы я выключил, схватился за голень руками и надавил на педаль. Тут болью сознание и вышибло...

Умолкнув, Петро чуть откинул голову. Веки закрылись и не моргали. Данович тронул меня за рукав.

- Видишь, как измотался, уснул. Анна Ивановна, - прошептал он дежурной сестре, - без меня никого не пускайте.

"7 марта. Не вернулся с задания Павел Колесник. Ночью летали на минные постановки. Погода была хорошая. Противник почти не стрелял. Казалось, все обойдется благополучно. Мы ожидали его всю ночь. Утром обзвонили аэродромы, опросили посты наблюдения. Нигде его нет, и никто ничего не видел.

Бедная Галочка сильно переживает. На ней нет лица. Но держится стойко, не плачет".

"23 марта. Не писал потому, что писать почти нечего. Погода не балует, и летаем только на минные постановки и бомбоудары в ближнем районе. На крейсерство прорываются лишь отдельные экипажи".

"26 марта. Погиб Аркадий Чернышов, не вернулся из крейсерского полета. Даже не верится, что я никогда его не увижу.

Проходчик московского метрополитена, он стал замечательным летчиком, верным сыном трудового народа, преданным бойцом коммунистической партии..."

"7 апреля. Сегодня Совинформбюро сообщило: "...В результате атаки самолетом-торпедоносцем потоплен транспорт противника водоизмещением двенадцать тысяч тонн. В Финском заливе потоплен тральщик противника водоизмещением пятьсот тонн".

Транспорт потопил экипаж Ивана Шаманова. Вместе со штурманом Михаилом Лориным он повторил ночную атаку Борзова. И опыт снова удался. Конвой противника был обнаружен на лунной дорожке. Снизившись до боевой высоты, Шаманов и Лорин хорошо видели огромный транспорт, а их самолет оставался невидимым для противника. Атака получилась внезапной и эффективной. Корабли охранения не сделали ни одного выстрела.

А вражеский тральщик уничтожен моим экипажем. Обнаружили его мы уже на рассвете. Исходную позицию для атаки заняли западнее цели, в наиболее темной стороне горизонта. Фашисты заметили нас лишь тогда, когда при ударе торпеды о воду всплеснулась белая пена. Беспорядочный огонь из пулеметов и автоматов их уже не спасал. Взрывом у тральщика оторвало корму, и он сразу же затонул".

"24 апреля. Несколько раз летали на разведку погоды с торпедой, но в Балтику не прорвались. Вчера нам рано дали отбой, и после ужина в помещении школы состоялся концерт полковой самодеятельности. К нему никто не готовился. Перед вечером в эскадрилью зашел майор Калашников и спросил: "Чем вы сегодня людей займете? Народ за последние дни отоспался. Многим безделье уже надоело. Может, концерт организуем? От эскадрильи по пять номеров. Погода такая, что ночью наверняка не поднимут. А мы выявим наши таланты..."

Уже около часа без устали рвет меха баяна начальник связи гвардии лейтенант Иванов. Конферансье, адъютант эскадрильи гвардии старший лейтенант Драпов, выискивает среди зрителей и вызывает на сцену солистов. Летчики, штурманы, техники, торпедисты, радисты и оружейники поют и танцуют, читают и

декламируют, играют на струнных инструментах. Концерт проходит с подъемом. Довольны и публика, и артисты.

- А сейчас, - объявляет Константин Драпов, - перед вами выступит замечательный штурман, заслуженный мастер бомбо-торпедных ударов гвардии старший лейтенант Николай Афанасьев. На мотив песенки водовоза из кинокомедии "Волга-Волга" он исполнит собственную пародию под названием "Песенка торпедовоза".

Николай не заставляет себя уговаривать. Картинно раскланявшись, он долго откашливается и наконец начинает:

Над заливом я лечу, блям-блям,
Головой своей верчу, блям-блям,
И вдруг вижу, ой-ой-ой!
Плывут фашисты, как домой.
Подлетел поближе к ним, блям-блям,
В борт торпедой - вижу дым, блям-блям.
Фрицы тонут, ай да ну!
Коль к нам пришли, давай ко дну!..

Провожаемый громом аплодисментов, Николай покидает сцену. Подождав, пока успокоится публика, Костя взглядом находит меня и неожиданно приглашает на сцену. От растерянности немею, а в голове пугливая мысль: "С чем выступить? О Ленинграде писал для себя. "Торпедоносцы" еще сыроваты, не совсем доработаны. Однако для нашей аудитории эти стихи будут самыми близкими..."

Стрелою взмыв в заоблачный простор,
Летит вперед крылатая машина.
Под ней плывут луга, леса, равнины,
Мелькает гладь заливов и озер.
В ее кабинах трое смельчаков,
Подобно витязям из славной русской были,
Они не раз врывались в стан врагов
И далеко от наших берегов
Фашистов в водах Балтики топили.
На крыльях звезды алые горят.
Под фюзеляжем длинная торпеда.
В сердцах пилотов месть за Ленинград.
И нет теперь для них пути назад.
Ведь только впереди их ждет победа.

В зале молчание. Летчики, штурманы, техники словно бы затаились. А у меня появилась уверенность. В горле исчезла неприятная сухость...

Конца и края нет поверхности морской.
Минуты поиска здесь кажутся часами.

Но вот пред воспаленными глазами
На горизонте вражеский конвой...

Перед глазами темнеющие корпуса транспортов, секунды полета у самой воды, томительные минуты сближения...

И грянул бой!.. Задергались стволы,
Огонь и сталь лавиной изрыгая,
Хвостами трасс все небо заполняя,
То в битву ринулись балтийские орлы.
Рука не дрогнет! Глаз не подведет!
И сердце не забьется от испуга...
Так бьют врагов три витязя, три друга.
Их самолет стрелой летит вперед.

Неловко кивнув головой, ухожу за кулисы. Спуститься со сцены в зал не могу. Нужно, пожалуй, чуть-чуть переждать.

- А сейчас, - кричит Костя Драпов, - выступает молодой балтийский пилот гвардии лейтенант Вадим Евграфов! Под аккомпанемент Анатолия Иванова он исполнит матросское "Яблочко".

...Концерт длится долго. Все от души веселятся. Такого удовольствия мы давно не испытывали. Да, сколько у нас способной молодежи!..

"28 апреля. Погода налаживается, дает нам возможность привлекать к крейсерским полетам молодых пилотов и штурманов. О наших победах все чаще и чаще сообщается в печати. Сегодня мы с радостью прочитали очередное короткое сообщение о потоплении в Финском заливе танкера и тральщика противника.

Танкер торпедировал экипаж Михаила Шишкова. Вместе со штурманом лейтенантом Бабановым Михаил уже несколько раз летал на охоту в Финский залив, но пока безуспешно. То они ничего не найдут, то торпеда пройдет мимо цели. Наконец молодой экипаж добился успеха. Пронесшись бреющим над посадочной полосой, Шишков сделал горку и возвестил о победе салютом из пушек и пулеметов. Шесть длинных оглушительных очередей. По одной на каждую тысячу тонн потопленного тоннажа. Хоть победа досталась им не легко, Шишков и Бабанов вышли из самолета довольными. Подумаешь, свыше сотни пробоин. Технический экипаж во главе с лейтенантом технической службы Пичугиным их моментально заделает. Зато фашистские танки, машины и самоходные пушки будут на фронте стоять без горючего.

С тральщиком расправился старший лейтенант Гепттнер. Он атаковал его сразу за Гогландом и потопил. Корабль не сделал ни единого выстрела".

"6 мая. Коротко еще об одном сообщении.

"5 мая наш самолет-торпедоносец обнаружил в Финском заливе вражеский транспорт. Летчик лейтенант Кливцов и штурман лейтенант Герахин торпедой потопили транспорт противника водоизмещением три тысячи тонн".

Это сообщение Совинформбюро мы написали красивыми буквами на большом листе ватмана, обвели траурной рамкой и поместили в столовой. Экипаж гвардии лейтенанта Кливцова не вернулся с задания. При перелете линии фронта его сбили зенитки..."

"21 мая. Сегодня впервые летали в ночное крейсерство. Задание выполнено успешно..."

Такие задания гвардии подполковник Борзов доверяет наиболее подготовленным экипажам. Ночь была ясная, звездная. На исходе второго часа полета в устье Финского залива обнаружили транспорт противника в охранении двух сторожевых кораблей. Маневром в темную часть горизонта заняли позицию, удобную для атаки. Перед нами скособоченный диск луны. От него по воде в направлении самолета тянется светлая полоса, которую мы называем лунной дорожкой. На ее поверхности огромный транспорт кажется темной бесформенной глыбой. Осторожно снижаемся до боевой высоты и атакуем противника, удерживая его на светящейся полосе. Мы в темноте, и фашисты пока нас не видят. Сближаемся быстро. Волны под самолетом искрятся пурпурными блестками. Дистанция - шестьсот метров. Упреждение - треть длины судна. Палец давит на кнопку.

- Торпеда пошла! - кричит Иванов.

...Отсыпались весь день. Разбудил нас дневальный уже перед ужином. Побрившись, почистившись, заходим в столовую. Боевые друзья вручают здоровенное блюдо с растянувшимся во всю длину поросенком. Улыбаясь, майор Калашников просит прослушать вечернюю сводку. Все замолкают. "От Советского информбюро..." - доносится из репродуктора знакомый голос Левитана. В течение трех долгих лет мы слушаем каждое его сообщение и, затаив дыхание, стараемся уловить каждый штрих, каждую новую нотку. Сегодня его голос ровный, спокойный. В нем нет той тревоги и скорби, как в сорок первом и сорок втором. Звоном металла он возвещает о наших победах. Вот диктор заговорил и о нас: "В ночь на двадцать первое мая самолет-торпедоносец Краснознаменного Балтийского флота атаковал и потопил в Финском заливе транспорт противника водоизмещением шесть тысяч тонн".

Поднимаем бокалы. Под руками повара Яши ножик с хрустом врезается в нежную кожицу обжаренного поросенка.

- С победой, дорогие друзья! - поздравляет Борзов. - За нашу Советскую Родину!

"25 мая. На рассвете вернулись с задания и взвились в небо с победным салютом сразу два самолета. Тремя громовыми очередями возвещал о потоплении транспорта Михаил Шишков, четырьмя - Вадим Евграфов.

На самолете Шишкова снова масса пробоин. Серьезно ранен штурман Бабанов. Но боевые друзья держатся стойко. Рана наверняка заживет. Самолет восстановят. А фашисты уже не всплывут со дна Балтики.

Начальник штаба полка майор Люкшин доложил подполковнику Борзову, что боевой счет полка доведен до девяноста девяти потопленных и поврежденных транспортов и кораблей противника.

- Добро! - ответил Борзов, потирая ладони. - Завтра организуем охоту за юбилейным. Эскадрильям поставить боевую задачу".

За сотым

Белая ленинградская ночь. Сотрясая воздух громоподобным гулом, в небо взлетают "бостоны" Евграфова, Гептнера, Пучкова, Тарасова, Большакова, Шишкова, Смолькова... Тяжело отрываясь от полосы, машины одна за другой скрываются за сереющим горизонтом.

Подходит и наша очередь. Перегруженный самолет, неуклюже покачиваясь, медленно катится к полосе. Он подготовлен к дальнему крейсерству. Баки по пробки залиты бензином. Под фюзеляжем торпеда. В патронных ящиках полный боекомплект. И дополнительный человек в экипаже.

Машину нам дали новую, с передней кабиной для штурмана. Теперь мой навигатор Николай Иванов снова сидит впереди, на законном штурманском месте. А сзади, в хвосте, рядом со старшиной Скляренко, у нижнего пулемета, расположился воздушный стрелок младший сержант Лепехин.

Отруливаю в самый конец полосы. Точно по курсу взлета сверкающей тонкой иглой в небо вонзается луч прожектора. На затемненном аэродроме только этот ориентир поможет нам выдержать направление.

На тормозах прожигаю моторы и даю полный газ. Вздрогнув, машина будто бы нехотя начинает разбег. Стрелка прибора скорости, стронувшись с места, медленно убыстряет движение. Поднимаю переднее колесо. Самолет отрывается и зависает во тьме. Под нами чернеют макушки леса. Установив обороты моторам, перевожу машину в горизонтальный полет. Над сушей мы будем лететь только бреющим.

В полете находимся час. Мелькают под крыльями поля, перелески, овраги Эстонии. Быстро проносятся деревушки и хутора. Нигде ни единого огонька. Фронт уже рядом. Снова война подкатилась к эстонским границам, укутала землю траурным покрывалом, дохнула зловещим смертельным холодом. Мысленно представляю, как там, внизу, днем и ночью кричат офицеры, надрываются полицаи, подгоняют военнопленных, солдат, мобилизованное население. Там роют окопы, эскарпы и рвы, блиндажи и землянки, бетонируют доты, готовят "непреодолимые" рубежи обороны. Но дни врага сочтены. Уже грохочут орудия под Нарвой и Псковом, рвутся в смертельную схватку с фашистами эстонские полки и дивизии. В боях за свободу родной земли их не удержат никакие преграды.

...Под самолетом колышутся темные волны. Третий час на исходе. Хочется встряхнуть онемевшее от однообразного положения тело. От напряжения слезятся глаза. Пуст горизонт. Море будто вымерло.

- Не везет нам сегодня, - устало говорит Иванов. - Придется домой возвращаться с торпедой. Скляренко! - кричит он сердито. - Посмотри хорошенько! У тебя глава, как у рыси. Неужели мы ничего не найдем?

- Кажется, я уже в филина превратился, даже моргать перестал, - хрипло смеется Скляренко. - По-моему, левее, на зорьке, виднеются дымки у самой воды. Но в глазах мельтешит. Боюсь ошибиться.

Довернули к востоку. Впереди полыхает кумачовое зарево. От блеска воды в глазах действительно мельтешит. Однако на горизонте, над розовым с золотыми прожилками фоном воды, поднимаются дымные струйки.

- Конвой... В самом деле конвой! - Голос у Иванова с шепота переходит на выкрик. - Сереженька! Там же сотый дымит. Гляделочки твои золотые. Понимаешь ты это?!

На горизонте четыре транспорта. Самый крупный - третий от головного. Водоизмещение не меньше пяти тысяч тонн. Перед ним, чуть правее, фашистский сторожевик. Других кораблей охранения пока не видим. Возможно, они замаскированы сизой предутренней дымкой.

- Ударим по третьему, - говорит Иванов рассудительно. - Только ты поспокойней, не торопись. Это же юбилейный утопленник будет.

...Цель приближается. Сторожевик остается правее, метрах в трехстах. У него под кормой вскипает белая пена. В небо взлетает ракета. Повиснув на парашюте, она освещает нас белым мерцающим светом. Дистанция полтора километра. На корме

сторожевика сверкнули огни пушечных выстрелов. Трассы снарядов огненно-красного цвета роем проносятся впереди, исчезают в темнеющих волнах. От палубы транспорта нам навстречу летят разноцветные искорки. Рывком поднимаю машину метров на двадцать. Веер сверкающих пуль пролетает под самолетом. Дистанция - восемьсот. Небольшой доворот. Трассы мелькают справа и слева. Нажимаю гашетку и нажимом ноги на педаль провожу нос машины над палубой судна. Треск пулеметов вплетается в гул моторов. Над транспортом вихрем проносятся белые трассы.

Толчком штурвала прижимаю машину к воде. Высота тридцать метров. Нос транспорта проецируется чуть левее обреза кабины. Горизонтальный полет. Дистанция пятьсот метров...

- Бросил! - кричит Иванов.

- Торпеда пошла! - словно эхо вторит Скляренко.

Палуба судна проносится слева. Скляренко с Лепехиным бьют по транспорту из пулеметов. Энергично ввожу самолет в разворот.

- Взрыв! - в один голос кричат стрелки.

Сзади, левее, наблюдаю столб дыма и пара. Маневром на юго-запад увожу самолет в темноту, ухожу от конвоя. Перед глазами опять только волны. Проверяю остаток бензина. Течи горючего нет. Моторы работают ровно. Можно снова вернуться к конвою.

На светлой черте горизонта опять виднеются транспорты. Они продолжают идти своим курсом. Только их уже три. Там, где под волнами скрылся четвертый, на малом ходу циркулирует сторожевик.

- Амба! - прищелкивает языком Иванов. - Сережа! Дай радио: "Сотый прикончили. Возвращаюсь. Серьезных повреждений не имею".

* * *

На КП у разостланной карты оживленно толпятся прилетевшие летчики, штурманы, работники штаба полка и дивизии.

- Опоздала усатая гвардия, - смеется подполковник Борзов, пожимая нам руки. - Опередили вас желторотые птенчики. Полюбуйтесь на этих юношей, кивает он на Вадима Евграфова и его штурмана Виктора Бударагина. - Не постеснялись опередить "стариков". На сорок минут раньше вас с фашистом расправились. Но вы потопили сто первый.

- Счет второй сотни открыли, - добавляет Виктор Михайлович Калашников. - И продолжатели есть. На подходе экипажи Смолькова и Гептнера. По времени нанесения ударов Смольков потопил сто второго, а Гептнер - сто третьего...

"28 мая. Сегодня полку вручили орден Красного Знамени..."

Поистине знаменательный день. Ровно в шестнадцать ноль-ноль полк замер в строю по команде "Смирно". На его правом фланге ветер колышет гвардейское Знамя. К дощатой трибуне подходят командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал Трибуц, командующий Военно-Воздушными Силами флота генерал-лейтенант авиации Самохин, командир нашей дивизии полковник Суханов. Сопровождает их гвардии подполковник Борзов.

Под звуки марша Знамя проносят к трибуне. Командующий флотом становится на помост.

- Товарищи гвардейцы! Я прибыл к вам, чтобы лично поздравить полк с новой большой победой - успешным завершением первой и началом уничтожения второй сотни вражеских кораблей и судов; чтобы от имени Президиума Верховного Совета СССР вручить вашему славному полку награду за доблесть и мужество, за отвагу и стойкость в боях - орден Красного Знамени. Военный совет Краснознаменного Балтийского флота твердо уверен, что первый гвардейский Краснознаменный минно-торпедный авиационный полк, воодушевленный этой высокой наградой Родины, еще выше поднимет свое гвардейское Знамя, еще сильнее будет громить фашистских захватчиков до нашей полной победы...

Знаменосец полка майор Никита Дмитриевич Котов передает полковую святыню командиру полка. Подполковник Борзов становится перед командующим флотом, и адмирал Трибуц прикрепляет к полотнищу боевую награду. На ветру алый бархат трепещет, в ярком солнечном свете колышется огненными всплесками, зовет нас на новые подвиги...

"29 мая. Перед строем полка подполковник Борзов зачитал телеграмму:

"Трибуцу, Самохину, Борзову.

Поздравляю вас и ваши доблестные экипажи Преснякова, Евграфова с блестящими результатами их ударов по транспортам противника на Балтике. Желаю гвардейцам-летчикам дальнейших боевых успехов.

Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Кузнецов".

"31 мая. Всем коллективом поздравили капитана Петра Стрелецкого и его штурмана старшего лейтенанта Николая Афанасьева с присвоением звания Героя Советского Союза.

Петро поправляется. Уже начал ходить, но сильно хромает. Несгибаемый человек. Нога волочится, а он чуть не пляшет и уверен, что будет летать. Думаю, своего он добьется".

"2 июня. Линия фронта снова стабилизировалась. От побережья Финского залива она проходит по реке Нарва, затей по берегу Чудского озера до Пскова. Штурмовые и истребительные авиационные дивизии уже давно перекочевали следом за фронтом на аэродромы, покинутые в сорок первом году. Наконец наступила и наша очередь. Вчера мы тоже перебазировались на новый аэродром (шестьдесят километров западнее Ленинграда). Такой маневр приблизил нас к морским коммуникациям противника почти на сто километров и облегчил организацию взаимодействия с другими частями ВВС.

Ранее знакомый нам аэродром теперь стал почти неузнаваем. Если летное поле содержалось фашистами в относительном порядке, то в двухэтажных бревенчатых домиках гарнизона царили хаос и запустение. Вражеские офицеры, привыкшие кичиться своей аккуратностью, довели их до отвратительного состояния. Грязные, захарканные полы. Со стен свисают обрывки обоев. Над кроватями приклеены и пришпилены непристойные фотографии и открытки. По углам громоздятся бутылки от шнапса и горы окурков.

Целые сутки, засучив рукава, мы выгребали весь этот мусор, превращали "тевтонские пещеры" в жилье для цивилизованного человека. Пол и стены удалось кое-как отскоблить, а специфический запах спертого вонючего воздуха пока не выветривается".

"7 июня. Новое место базирования оказалось удачным. Сразу же последовало сообщение: "Авиацией КБФ в ночь на 5 июня потоплены в Балтийском море три немецких транспорта общим водоизмещением одиннадцать тысяч тонн".

Виктор Михайлович Калашников при встрече смеется: - Такими темпами мы за месяц перетопим всех фашистов. Скоро Левитану и говорить будет не о чем, а мы без работы останемся".

"20 июня. Летаем с рассвета до темноты. Противник усиленно перебрасывает войска и технику к нарвскому рубежу обороны. В Балтийском море, особенно в Финском и в Рижском заливах, конвои идут почти непрерывно. Теперь мы наносим удары днем только парами и звеньями торпедоносцев, под прикрытием истребителей 21-го авиаполка. За последние несколько дней транспорты потопили экипажи Тарасова, Шишкова, Евграфова, Смолькова, Девяткина, Турбина".

"3 июля. Напряжение все более увеличивается. Спать приходится лишь урывками, в перерывах между полетами. Днем наносим удары звеньями под прикрытием истребителей, а ночью летаем на крейсерство в Рижский залив и центральную часть Балтийского моря.

При выполнении дневных торпедных атак с одного направления капитаны вражеских судов начали маневром уклоняться от попадания торпед, разворачивая транспорт носом или кормой на атакующие самолеты. Пришлось отработать маневр для боевого расхождения и выполнения атак с двух бортов и нескольких направлений. При условии одновременного выхода самолетов на позиции сбрасывания маневрирующее судно обязательно поражается одним из торпедоносцев".

"14 июля. Центральное радио все чаще передает сообщения об успешных ударах наших торпедоносцев. Сегодня оно опять возвестило: "Летчики Краснознаменного Балтийского флота потопили в Балтийском море два немецких транспорта. Один транспорт водоизмещением восемь тысяч тонн торпедирован и пущен ко дну летчиком лейтенантом Шишковым и штурманом лейтенантом Барановым. Другой транспорт противника водоизмещением шесть тысяч тонн потопили летчик младший лейтенант Девяткин и штурман лейтенант Базаров".

После этого сообщения ребята ходят довольные, да и всем остальным послушать приятно. Значит, ценят наш ратный труд. Не забывают балтийских торпедоносцев".

"18 июля. Наконец-то по радио передано персональное сообщение и о нашем экипаже: "Экипаж самолета-торпедоносца Краснознаменного Балтийского флота в составе летчика капитана Преснякова и штурмана старшего лейтенанта Иванова атаковал и потопил в Балтийском море транспорт противника".

Боевые друзья от души поздравляют нас с этой победой, а также "с приобретением всемирной известности". Мы, конечно, отшучиваемся, дескать, подумаешь, еще одного утопили. Нам это запросто... Однако приятно, когда твое имя звучит в эфире и напечатано в оперативной сводке во всех газетах Советского Союза".

"23 июля. Сегодня нам объявили Указ о присвоении звания Героя Советского Союза..."

Все три эскадрильи и службы полка построены около боевых самолетов. Шелестит на ветру гвардейское Знамя. Перед строем командир 8-й минно-торпедной авиационной дивизии полковник Суханов.

- Довожу до вас телеграмму Военного совета Краснознаменного Балтийского флота, - медленно выговаривает он, чеканя слова. - "Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года за геройские подвиги, проявленные при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда

летчикам первого гвардейского минно-торпедного авиационного полка гвардии капитану Бажанову Григорию Сергеевичу, гвардии подполковнику Борзову Ивану Ивановичу, гвардии старшему лейтенанту Иванову Николаю Дмитриевичу, гвардии майору Котову Никите Дмитриевичу, гвардии капитану Кошелеву Петру Львовичу, гвардии капитану Преснякову Александру Васильевичу, гвардии капитану Чванову Виктору Тимофеевичу. Военный совет горячо поздравляет балтийских героев и желает им новых побед в боях за честь, свободу и независимость нашей Родины. Трибуц, Смирнов, Самохин, Петров".

Мы стоим перед строем полка. Мельком гляжу на товарищей. Глаза у них горят, губы чуть-чуть подрагивают. Справа теснит меня локтем Петр Кошелев, слева сжимает ладонь Иванов.

"30 июля. Прощай, Ленинград! Прощай, героический город, в котором дам стали родными каждая улица, каждый дом, каждый камень. Два с лишним года сражался ты насмерть в борьбе с фашизмом. Девятьсот долгих дней и ночей ты вселял в нас смелость и мужество, окрылял невиданной стойкостью, придавал нам энергию, восстанавливал силы.

Повержен коварный и злобный враг. Закончилась великая битва. У твоих неприступных стен противник оставил тысячи трупов своих молодчиков. И мы улетаем на запад, вдогонку за недобитыми полчищами, чтобы через Литву и Восточную Пруссию прорываться в Балтийское море и топить в нем фашистов..."

"2 августа. Снова перебазировались. Аэродром забит самолетами. Десятки армейских истребителей и штурмовиков замаскированы в легких наземных укрытиях по границам летного поля.

Мы прилетели двумя полками. Для прикрытия при нанесении дневных торпедных ударов с нами прибыл 21-й истребительный авиаполк. Кроме того, сюда же перелетело звено 15-го разведывательного авиаполка. Оно будет давать нам данные о движении вражеских судов и конвоев.

Город недавно освобожден от фашистов. Он сильно разбит. Местами от улиц остались одни развалины. Местное население одевается бедно. Трудящиеся принимают нас радостно. Однако часть горожан (из богатых слоев) не скрывает своей враждебности. Советская власть им явно не по нутру. К счастью, таких очень мало.

Летный состав поселили рядом с аэродромом, в двухэтажной бревенчатой вилле. Бедняки говорят, что хозяин удрал с фашистами. Драгоценности прихватил на чужбину, а дом не сумел. До возвращения оставил на попечение прислуги. Хоромы

просторные. На окнах резные наличники. Крыша из оцинкованного железа. Ночью, при свете луны, блестит, как алмазная. От шоссе до виллы асфальтированная дорога проложена - прямая и ровная, как стрела. Оглядели мы эту прелесть и разместились по-барски".

"3 августа. Вот и первая неожиданность. Взлетная полоса на аэродроме оказалась короче, чем нужно для машин нашего класса. "Бостоны" с полной нагрузкой с нее не излетят. Если уменьшить вес за счет заправки горючим, то радиус действия не позволит нам дотянуться до вражеских коммуникаций. Выходит, что здесь мы можем только сидеть, а воевать неспособны. От такого открытия Борзов потемнел словно туча, немедленно доложил по команде и теперь ждет решения".

"4 августа. Ночью нас бомбили фашисты, причем основательно. Чувствуется, что без хорошей развединформации здесь дело не обошлось..."

Глухие удары зенитных орудий донеслись неожиданно. Мы выбежали на улицу. На небе ни облачка. Нарождающаяся луна освещала землю мягким мерцающим светом.

Дом наш на горке. С этого места хорошо виден город. Фашистские самолеты подлетают к нему на большой высоте. Гула моторов почти не слышно. Их одного за другим почти сразу находят прожекторы. Вражеские летчики не рискуют, моментально бросают бомбы и отворачивают с боевого курса. Непроизвольно разделившись на группы, мы устроили своеобразный полигонный лекторий, оценивая ошибки вражеских летчиков при выполнении маневра в прожекторах.

Так продолжалось минут пятнадцать, и вдруг на бреющем, прямо над нашими головами, с ревом проносится "хейнкель". Следом за ним сверху слышится посвист несущихся бомб. Кто-то крикнул: "Ложись!" Мы немедленно падаем...

Бомбы взорвались минут через пять. Меня ударило по виску. Думал, задело осколком, пощупал, а рядом со ссадиной в волосах деревянные крошки и щепка от бревенчатой стенки виллы.

Однако без ранений не обошлось. Летчику-истребителю Борису Лапшенкову осколок врезался в предплечье и раздробил кость.

Тут же воздушный налет прекратился. Собравшись около разбитой веранды, мы уже совсем по-иному расценили "удобства" нашей прекрасной виллы. Стоит она отдаленно, на горке, под блестящей, хорошо заметной с воздуха крышей. От шоссе до нее прямая, как нитка, дорога. Промахнуться в таких условиях невозможно. Сегодня нас выручил случай...

"7 августа. Каждый день вылетают самолеты-разведчики в

Балтийское море и привозят нам снимки конвоев. Их много. Интенсивность движения судов значительно возросла. Больше того, поведение фашистов показывает, что они поняли нашу оплошность и вновь стали переходить одиночными транспортами без охранения, прижимаясь поближе к шведскому берегу. Значит, определили причину нашей бездеятельности и ушли за предел досягаемости.

Получилось невероятное. Из Ленинграда, за восемьсот километров, мы их доставали почти в центре Балтики. Теперь же, приблизившись на четыреста километров, потеряли такую возможность. Мы сидим. Враги плавают. А решения нет...

Ночуем теперь каждый раз в новом месте. Сразу же после ужина залезаем в грузовики. Борзов садится в кабину переднего - и выезжаем с аэродрома. По шоссе и проселкам петляем до темноты, заезжаем в деревню, располагаемся в школе или на сеновале, выставляем охрану и спим до рассвета".

О предполагаемом месте ночлега до приезда в деревню знают только три человека: подполковник Борзов, майоры Люкшин и Калашников. Маскировка хорошая, но восторга от этих поездок немного. Спасаясь от танков маршала Ротмистрова, по окрестностям Вильно разбежались тысячи фашистов. В лесах укрылись банды из полицаев и охранных отрядов "фронта литовских активистов". К деревням они пробираются почти каждую ночь.

Остановившись в деревне, находим какого-нибудь дедусю и спрашиваем:

- Бандиты давно у вас были?

А он отвечает спокойно:

- Они тут все время шатаются. И сегодня под вечер захаживали. Вы их спугнули, они и ушли.

- Сколько их было?

- Кто ж их считает? Может, десяток, а может, и больше.

- Оружие есть?

- А какие бандиты теперь без оружия? Автоматы, гранаты и пулеметы имеются.

Так и ночуем. Ставим четыре парных поста из радистов. Расстилаем регланы на сене. Кладем пистолеты под голову и засыпаем.

* * *

В шестнадцать часов воздушный разведчик доложил, что обнаружил конвой в составе четырех транспортов и шести кораблей охранения. Проанализировав полученные данные, подполковник Борзов удивленно пожал плечами:

- Неужто фашисты снова приблизили маршруты движения

судов к восточному побережью Балтийского моря? Они же находятся в зоне досягаемости наших торпедоносцев.

- Наверное, обстановка не позволяет перебрасывать срочные грузы дальним путем. Поэтому и рискнули, - ответил начальник штаба майор Люкшин.

Через тридцать минут командующий ВВС КБФ поставил полку боевую задачу. Командир полка решил нанести удар по конвою противника группой из десяти самолетов, имея в ее составе шесть торпедоносцев и четыре "топмачтовика". В подразделение "топмачтовиков" он выделил пушечные "бостоны", экипажи которых упреждающими бомбоштурмовыми атаками по кораблям охранения должны обеспечить торпедоносцам прорыв к транспортам. От взлета до выхода в море нашу ударную группировку прикрывают восемнадцать истребителей во главе с командиром 21-го авиаполка подполковником П. И. Павловым.

Подполковник Борзов ведет машину над макушками деревьев, огибает возвышенности, буквально вжимается в лощины, впадины и овраги. От мощной воздушной струи под его самолетом колышутся густые ветвистые кроны и высокие волнистые травы. Я у него в левом пеленге. В правом - новый заместитель командира полка майор Василий Кузнецов. Правее, чуть сзади нас, - звено торпедоносцев капитана Смолькова. Левее - четверка "топмачтовиков" капитана Тарасова. (Способ топмачтового бомбометания появился во время войны в морской авиации. На максимальной скорости летчик снижает самолет до высоты корабельных мачт и бросает бомбы с горизонтального полета на расстоянии сто пятьдесят - двести пятьдесят метров. Ударившись о поверхность воды, бомбы рикошетируют, поднимаются на высоту трех - пяти метров и попадают в борт корабля.)

Фронт приближается. Под нами уже мелькают извилистые линии окопов и ходов сообщения. Бойцы, приподнявшись, машут нам касками.

У переднего края автоматы и пулеметы противника преграждают нам путь ливневыми потоками трасс.

- Огонь! - раздается в наушниках команда Борзова.

На всех самолетах появляются яркие вспышки. Огненный шквал накрывает окопы фашистов. Снаряды и пули вгрызаются в землю, сверкающим фейерверком рикошетируют вверх. Позиции врага мелькают под самолетом.

- Пронесло, - облегченно вздыхает Скляренко. - Только у капитана Тарасова, кажется, одного зацепили. В строю вижу три самолета.

Действительно, в строю у Степана Тарасова вместо четырех

всего три машины. Отставшего не видно. Значит, кто-то получил повреждения, а может быть, даже сбит.

Истребители юркими парами бойко шныряют по сторонам, прикрывая нас сверху и сзади. Падение самолета они должны видеть и доложить. Но пока информация не поступила.

Впереди показалась береговая черта. Штилевая вода блестит под лучами низко склоненного солнца. Ленивые волны наката лижут желтый прибрежный песок.

- Искупаться бы, братцы, - мечтательно изрекает Скляренко. Разбежаться бы по песочку да в воду бу-у-лтых!..

- Не торопись разбегаться, Сережа, - говорит Иванов назидательным тоном. - Через сорок минут будет баня. Фрицы такого парку поддадут, снарядов не пожалеют!

Самолет подполковника Павлова проносится над машиной Борзова, делает боевой разворот и скрывается позади. Мы остаемся одни. Внизу - бескрайнее море. Вверху - бездонное небо. А между ними, распластав краснозвездные крылья, как журавлиная стая, - девятка торпедоносцев...

Подходим к району встречи с конвоем. Высота пятьсот метров. Воздух кристально чистый. Видимость - "миллион на миллион". Под нами - вода. Немного зеленоватая, она блестит словно зеркало. Кораблей пока нет. Неужели разведчик ошибся в координатах места?.. В наушниках голос Борзова:

- Наблюдение круговое. Будем искать до последнего грамма горючего.

Голос немного хрипит. Наверное, от волнения. Бензин уже на пределе. Еще на земле дальность и продолжительность полета рассчитывались с условием обязательного сбрасывания торпед. Иначе для возвращения в Вильно горючего нам не хватало. Так по кому же теперь их бросать? Если просто в морскую пучину - будет скандал. На аэродроме запаса торпед не имеется. Эшелоны для морских летчиков еще где-то движутся по железным дорогам.

В район прилетели мы точно. Даже если и уклонились километров на пять, пусть даже на десять, противник должен быть обнаружен. При такой прозрачности воздуха не только конвой, даже щепку за двадцать километров увидишь. Неужели ошибся разведчик?.. А может, конвой отвернул и ушел другим курсом?..

Маневр над предполагаемым районом встречи в несколько раз перекрыл те ошибки, которые мы могли допустить. Дольше оставаться нельзя. Бензина осталось в обрез, только для перелета за линию фронта. Борзов разворачивается курсом на берег.

- Торпед не бросать! Будем садиться на ближайшем армейском аэродроме, раздается его команда.

...Под нами снова мелькают поля, перелески, овраги, низины. Девятка мчится к линии фронта, выбрав кратчайшее расстояние. Солнце неумолимо катится вниз. Уже начинаются сумерки.

Над потемневшей землей самолеты врезаются в густую дымку. Видимость километр-полтора. В кабине пахнет удушливой гарью. Местами видны лесные пожары. Это верные признаки близости фронта. Скорей бы перемахнуть на свою территорию...

Слева виден громадный аэродром, густо заставленный краснозвездными самолетами. Их больше сотни - маленьких тупоносых Ла-5 и тонких, приземистых "пешек".

- Аэродром, - говорит Иванов. - Наши недавно его захватили. Самолетов-то сколько! Нужно и нам побыстрее садиться.

Слышу тревожный голос Борзова:

- Доложите остаток горючего и возможность полета до точки базирования.

- Мигает красная лампочка, - отвечает Тарасов. - До точки не хватит.

- Бензина достаточно. До точки хватит с избытком, - докладывает Смольков.

- Откуда такая разница? - удивляется командир. - Проверьте внимательно.

- Мы больше бензина заправили, - со смехом отвечает Смольков. - Моторы новые, сильные, потому и схитрили.

- Смолькову действовать самостоятельно. Остальным разомкнуться для посадки на точку под нами.

Землю совсем упрятали сумерки. Перемешавшись с дымом и гарью, они как завесой укрыли летное поле. Ночного старта для нас не готовили. Борзов планирует наугад, ориентируясь только по памяти. Снижаюсь за ним, копируя его действия. Внизу промелькнула лента шоссейной дороги, проскочили под фюзеляжем силуэтики самолетов. Теперь впереди только летное поле. Фары включать нельзя. Отражаясь от дымки, световые лучи образуют экран. На самолете Борзова виднеется белый хвостовой огонек, помогает выдержать направление. Плавно сбавляю газ и чувствую, что колеса уже коснулись земли.

Один за другим самолеты подруливают к границе летного поля и становятся рядом. Из темноты появляется "виллис". Представившись подъехавшему полковнику, Борзов коротко сообщает причину посадки.

- Милости просим! Заморским гостям всегда рады, - смеется полковник. И разместим, и накормим. Сажайте людей на машины и езжайте на ужин. А спать приглашаю на сеновал.

...Просыпаюсь от рева моторов на взлетающих самолетах. Пряный запах свежего сена дурманит голову, разгоняет остатки

сна. Лучи восходящего солнца, прорываясь сквозь щели в дощатых стенах, освещают спящих товарищей. Откуда-то рядом доносится чириканье воробьев, похожее на крикливую перебранку. Иванов улыбается, видимо, слушает воробьиную трескотню.

- Вчера в темноте я колодец приметил, - зашептал он, потягиваясь. Пойдем пополощемся, пока остальные не всполошились.

На дворе чудесное утро. Ветерок оттеснил дым пожаров на запад, обнажил неоглядную даль неба. Солнце, повиснув над склоном кургана, золотило лучами листву тонкоствольных, умытых росою берез. Колодец оказался за сеновалом. Облокотившись на сруб, на низкой трухлявой скамейке сидел подполковник Борзов. Казалось, он чем-то расстроен.

- Не огорчайтесь так, командир, - проговорил Иванов, подходя к нему сзади. - Конвоев еще будет много.

Борзов повернулся, окинул нас грустным взглядом и безнадежно махнул рукой.

- Плохие, ребята, наши дела, - сказал он угрюмо. - Не долетели наши. Промахнулись с остатком горючего, а я почему-то поверил. Ночью садились на лес и Чванова погубили. Нет больше Виктора Чванова. Погиб при посадке...

Городок небольшой, чистенький, тихий, совсем не разрушенный. Аэродром расположен почти в самом городе, за привокзальной окраиной. Начали строить его еще до войны, когда Литва присоединилась к советским республикам. Для фашистов он поначалу оказался без надобности. Однако потом они спохватились, согнали в концлагерь военнопленных и развернули строительство. Вдоль границы летного поля протянули бетонную полосу. В вековом сосновом бору длинной змейкой прорубили рулежную дорожку. А по обеим ее сторонам бетонные пятаки построили для стоянок.

Аэродром получился удобный и скрытый. Сел самолет, порулил по дорожке и скрылся под сосновыми кронами. Сколько их там, никому не известно.

Потом, заметая следы, строителей уничтожили. Тут же лесу, у специально отрытых глубоких рвов, расстреляли и закопали тысячи пленных красноармейцев - русских, евреев и непокорных местных жителей. Оставили только бараки, темные, грязные, с двухэтажными тесными парами. В них за рядами колючей проволоки томились советские люди. Под охраной собак, под дулами автоматов и пулеметов здесь жили и умирали наши бойцы, друзья и товарищи. А кто не успел умереть от побоев, болезней и непосильной работы, тех расстреляли.

Затуманенными глазами смотрим мы на бараки, на зарытые рвы, на бетонные плиты. На крайней плите обнаружили надпись, продавленную в затвердевающей массе: "Здесь работали русские. 12.IV 44". Еще в середине апреля люди делали эти плиты, жили в этих бараках, а теперь их останки лежат во рвах... Такого мы не забудем и никому не простим. Эти могилы призывают нас к мести.

"15 августа. Сегодня при нанесении удара обнаружили судно-ловушку. Фашисты преподнесли нам сюрприз..."

Ветер сгибает кроны, свищет и воет меж сосен. На КП чуть потише. Оторвав взгляд от карты, подполковник Борзов берет со стола еще влажные фотоснимки.

- Видите: транспорт, тысяч на пять. Этот - тысячи на три. Вот вам и танкер - цель исключительная. Место конвоя возьмите с карты. Задача: группой в составе торпедоносца и двух "топмачтовиков" атаковать и потопить любую из указанных целей. Боевая зарядка - у ведущего одна торпеда, у "топмачтовиков" по две ФАБ-250. Группу ведете вы. Ведомые старший лейтенант Сачко и лейтенант Токарев. Прикрытие в воздухе до выхода в море: шесть истребителей Як-9. Командир группы прикрытия капитан Бурунов. На подготовку к полету тридцать минут. Вопросы?..

Вой ветра доносится даже сюда. Это над сушей. А что же творится в море? Вглядевшись в снимки, я замечаю, что море в сплошных барашках. Положив снимки на стол, обращаюсь к Борзову:

- Волнение больше четырех баллов. Торпеда может переломиться на волне.

Отвечает Борзов лаконично, глядя мне прямо в глаза:

- У тебя под самолетом наша последняя торпеда. Утопить ее не имеешь права - ты мастер. Не попасть не имеешь права - ты мастер. Не найти один транспорт из трех не имеешь права - ты мастер торпедных ударов. Подготовку закончить в указанный срок. Запуск моторов по сигналу с КП.

...Летим строем клина. Справа - Сачко, слева - Токарев. Герой Советского Союза Иосиф Сачко уже опытный "топмачтовик", прибыл недавно из другого полка. Токарев - молодой, почти необстрелянный летчик. По характеру вяловат и чересчур осторожен. Сзади, чуть выше, парами вьются "яки". Их ведущий Александр Бурунов - истребитель надежный.

Море штормит, вскипает барашками пены. С виду волнение балла четыре, не меньше. Торпеда наверняка не пойдет. Основная надежда на бомбы. Какую же цель вам избрать? Транспорт побольше и танкер идут с охранением. Транспорт поменьше -

один. На маршруте он ближе, чем те. Начинать с него легче. Сначала ударят "топмачтовики". Если утопят, тогда я с торпедой пойду на танкер. Не утопят, попытаюсь добить.

...Транспорт уже в нашей видимости. Он небольшой - тысячи на две, не больше. Однако загружен прилично. Борта просели до самой воды. И позиция у нас подходящая. Палец давит на кнопку радиопередатчика:

- Атака! Атака! Бомбы в первом заходе.

- Понял, - спокойно отвечает Сачко.

Его самолет обгоняет мою машину и сближается с транспортом. Токарев отстает, разгоняется дольше.

Над палубой транспорта появились дымки. К самолету тянутся разноцветные трассы снарядов и пуль. Они оплетают его паутиной. Иосиф наклоняет машину и открывает огонь. Четыре пушки и два крупнокалиберных пулемета огненными струями хлещут по палубе. Пронесшись над транспортом, Сачко с маневром уходит от цели. С машины Токарева срываются бомбы. Пролетев над водой, они взрываются с недолетом.

Сачко почему-то бомбы не бросил. Токарев отбомбился, но неудачно. Попробую торпедировать. А бомбы Сачко придержим в резерве.

До транспорта полтора километра. От него к самолету потоком несутся снаряды и пули. Энергично бросаю машину то влево, то вправо. Непрерывно маневрирую высотой.

- У этой козявки автоматов и пулеметов больше, чем на линкоре! - кричит Иванов. - Повнимательней, командир! Обидно, если сгорим на паршивеньком транспорте.

Дистанция - восемьсот. Беру боевой. Упреждение точное. Основное внимание высоте. Самолет летит без маневра. Осколки колотят по крыльям, как молотом. Пули буравят обшивку.

"Не попасть ты не можешь - ты мастер, - проносится в голове. - А если торпеда утонет? Теперь высота - ото главное".

- Бросил! - раздается в наушниках.

- Торпеда пошла! - отдается как эхо.

"Значит, пошла, не сломалась. Значит, сейчас будет взрыв!"

Транспорт под самолетом. С его палубы вверх вылетают сотни сверкающих пуль. Лепехин открывает огонь из люковой пулеметной установки.

- Торпеда прошла под целью! - кричит Скляренко.

Резко ввожу самолет в разворот. Транспорт опять в поле зрения. Зеленый пузырчатый след от торпеды сдвинулся под корму. Она прошла под груженым транспортом и не задела за днище?!

Справа подходит Сачко, слева - Токарев. На бортовых

держателях самолета Сачко виднеются бомбы. Ему придется снова атаковать, но сперва уточняю по радио:

- Почему не бомбил?

- Не раскрылись замки. Пытался сбросить и электрически, и аварийно. Повторять бесполезно.

Голос Иосифа звучит убедительно. Рисковать еще раз совершенно бессмысленно...

К стоянке подрулили вдвоем, вместе с Токаревым. Сачко почему-то не сел, ушел на повторный заход. Выпрыгнув из кабины, глазами ищу его самолет. Он подходит к границе летного поля, снижается для посадки.

- Без шасси заходит! - кричит Иванов. - На пузо хочет садиться.

Самолет спускается ниже и ниже. По полю бегут десятки людей, мчится пожарная машина. Все устремились туда, где он должен сейчас приземлиться. А самолет несется над самой землей, постепенно теряет скорость. Меж фюзеляжем и свежей зеленой травкой виден лишь узкий просвет. Вот он коснулся ее винтами и створками бомболюков. Взвиваются вверх, летят через крылья черно-зеленые комья. Пропахав борозду, самолет останавливается.

Подбегаю к кабине. Сачко сидит неподвижно. По лбу, из рассеченной кожи, бежит струйка крови. Просунув ладони под мышки, тяну его на себя.

- Иосиф! Вставай. Поднимайся быстрее.

- Минуточку, командир, - говорит он устало. - Минуточку, отдышусь, и пойдем...

Осматривая повреждения, инженер полка гвардии майор Островский сокрушенно покачивает головой.

- Избит сверх предела, непонятно, как дотянул.

Он удивленно глядит на перебитые пулями и осколками куски проводов, обрывки тросов, продырявленные шланги и трубопроводы. - От таких повреждений и бомбы не сбросились.

На "виллисе" подъезжает подполковник Борзов. Хмуро заслушав доклад, идет к самолету, тщательно изучает характер пробоин.

- Садитесь со мной. Поедем к вашей машине. Хочу кое в чем убедиться.

На стоянке внимательно осматривает мой самолет, щупает каждую дырку, каждую вмятину.

- Били в упор, - говорит он задумчиво. - Большинство попаданий получено при пролете над транспортом. У Сачко то же самое. За считанные секунды - и столько пробоин. Выходит, одновременно стреляли до пяти "эрликонов" и до десяти

крупнокалиберных пулеметов. На транспортах у фашистов мы таких батарей не встречали. А торпеда прошла под килем, не задела. Значит, осадка у судна меньше двух метров. Примечательно еще то, - восклицает Борзов неожиданно, - что какой-то паршивенький транспортишко идет совершенно один, без конвоя, именно там, где мы чаще всего пролетаем. Он будто нарочно заманивает: "Смотрите, какой я отважный! Маленький, беззащитный, а вас не боюсь". Какой же из этого вывод?

Я и Сачко пожимаем плечами. Сачко с перевязанным лбом стоит какой-то понурый. Наверное, еще не оправился от потрясения.

- Ловушку нам здесь приготовили, - вдруг заключает Борзов. - Соорудили фашисты плавучую батарею, под транспорт ее замаскировали и пустили в район наших действий. Приемчик не новый. Англичане подобным маневром в Атлантике топили их подводные лодки. Увидят пираты такой беззащитный на вид транспортишко, торпеду им тратить не хочется - они и всплывают невдалеке, чтобы из пушки его расстрелять. А англичанам это и нужно. Парочка выстрелов - и лодке конец, исчезает бесследно. В общем, нахалы, - смеется Иван Иванович. - Украли идею у англичан, а нас за дураков принимают. Однако сегодня вам повезло. Качка фашистам все дело испортила - прицельно стрелять помешала и идею скомпрометировала.

"17 августа. Наконец-то прибыли эшелоны с тылами. На стоянках около самолетов опять появились мины, торпеды, запасные части и расходные материалы. Недалеко от командного пункта, в здании школы, для летного состава оборудовали общежитие. В больших классных комнатах запахло домашним теплом и уютом.

Неподалеку, в сосновом бору, расположилась бригада тяжелых гаубиц. Палатки, орудия, боезапас и машины укрыты сетями, травой и свежими ветками. Маскировка сделана так искусно, что их не видно ни от дороги, ни с воздуха. Солдаты и офицеры затаились в лесу, будто их и не существует в округе. "Резерв Верховного Главнокомандования, - объяснил нам комбриг, молодой симпатичный полковник. - Упрятали тут нас до времени. К рывку силы готовим".

На КП мы ходим пешком через бор по тропинке, мимо длинных могильных насыпей, заросших травой я лесными цветами. Рядом с могилами как часовые стоят неподвижно огромные сосны. Днем и ночью шелестят их вершины. Кажется, что деревья испуганы виденным и стремятся поведать нам, людям, о зверствах фашистов.

"Торпедоносцы, вперед!"

"21 августа. Сегодня вместо конвоя нанесли удар по подводным лодкам. Обнаружили их случайно..."

Опять летали звеном на удар по конвою. Поднялись в воздух в предутренних сумерках. Небо только начинало сереть, а мы уже брили макушки деревьев, направляясь к линии фронта.

Земля постепенно светлела. Сквозь предрассветную мглу все четче проглядывались сероватые контуры перелесков, темнеющие провалы оврагов, серебристые ленты ручьев.

Группа летела плотным компактным строем. Даже верткие истребители не резвились, не рыскали по сторонам, не рисовали в светлеющем небе свою бесконечную змейку. Пристроившись слева и справа, они неотрывно следили за нами, опасаясь, что мы неожиданно ускользнем в мутноватую дымную пелену.

Линию фронта пролетели без выстрела. Под нами мелькала истерзанная земля. Изрытая бомбами и снарядами, перепаханная окопами и траншеями, она словно бы пропиталась удушливым запахом лесной гари и совсем онемела от ран и ожогов жестокой войны.

Наконец появились еще не тронутые боями поля и посевы, заливные луга и болота с оконцами заросших "осокой озер. Неожиданно справа, из небольшой деревушки, ударили автоматы и пулеметы. Трассы прошли далеко в стороне.

- Это из Плунге, - сказал Иванов. - Проснулись собаки и сразу загавкали. Впереди - Кретинга. Железнодорожный поселок и станция. Желательно обойти ее с юга.

Довернув чуть левее, продолжаем полет. На востоке над лесом появляется краешек солнца. С каждой секундой оно поднимается выше, словно вылезает из-под земли, - превращается в ярко-красный сверкающий диск. Мгла исчезает, растворяется в золоте ранних лучей. От деревьев на землю ложатся мягкие тени.

- У нас на Кубани жаворонки сейчас заливаются, солнышко славят, вздыхает Скляренко. - Давно их не слышал. Война, проклятущая, даже птиц разогнала...

Слева из леса появляется серая лента шоссе. Пронзая стрелой перелески и рощи, она направляется точно по нашему курсу.

- Кажется, влево мы многовато хватили, - забеспокоился Иванов. - Так и есть. Гляди, командир! На Мемель выскакиваем...

Впереди за окраиной леса уже виден город. На домах частоколом вздымаются островерхие крыши. Из леса шоссе выбегает на переезд и крутым поворотом ложится вдоль темнеющей насыпи железной дороги. В закрытый шлагбаум уперлась колонна военных мотоциклистов. Солдаты, задрав кверху головы, одеревенело смотрят на нас.

"Что делать?! Отворачивать поздно, изобьют на отходе.

Единственный выход - прорываться вперед, пока они не опомнились".

Перед глазами мелькают крыши и трубы, переулки и улицы, скверы и площади. Город еще не проснулся. На мостовых видны одинокие пешеходы, редкие автомашины или повозки.

Прижимаю самолет к самым крышам. От могучего грохота наверняка просыпаются люди, подбегают к зашторенным окнам. Но грохот утих, а на небе ни облачка...

По нашим самолетам не стреляют. Наверное, прозевали зенитчики. С сорок первого года Мемель не подвергался дневным бомбежкам, не потому, что щадили морскую крепость, а из-за силы ее ПВО. Поэтому наш случайный визит им в диковинку. Расчеты постов и орудий, видимо, только сменились с дежурства. Служба оповещения не успела включить ревуны. Жаль, что мы здесь случайные гости, не имеем возможности дать им предметный урок.

Под самолетом причальные стенки, портовые краны и склады. Частоколом стоят на пути корабельные мачты.

"Неужели проскочим и здесь? Неужели они еще в шоке?"

Быстро проносится лента прибрежной косы. Впереди только море. Штилевая вода блестит словно зеркало. Сильная дымка укрывает машины своей пеленой.

- Над Мемелем проскочили! - возбужденно кричит Иванов. - Они и очухаться не успели, а нас уже нет.

Прямо по курсу на водной поверхности появляется узенькая полоска. На корабль или транспорт она не похожа. Временами ее прикрывает туманная дымка.

- Николай! Погляди, что за чудо маячит? По карте здесь море как стеклышко чистое.

- Я уже вижу. Действительно чудо, - удивляется Иванов. - Это же лодка! - восклицает он громче. - Подводная лодка! Ух и акула!.. Таких здоровущих я в жизни не видел. Ее упустить нам нельзя, - добавляет он торопливо. - Нужно атаковать, хоть она и не задана.

Я и сам понимаю, что нужно атаковать. Подводные лодки врасплох попадаются редко. Исключительный случай, и упустить его - преступление. Лишь бы не погрузилась за время сближения.

Палец давит на кнопку радиопередатчика:

- Внимание! Атакую подводную лодку. Всем фиксировать результат.

- Курсовой - девяносто. Ход - три узла. Доворот на пятнадцать градусов влево, - диктует Николай исходные данные.

Энергично выполняю заданный доворот. Левее подводной лодки появляется еще одна черточка. Это еще одна лодка. Левый

ведомый, гвардии лейтенант Скрябин, без команды устремляется на нее. В топмачтовом варианте потопить лодку трудно - бомбы на рикошете перелетят через палубу. Но может, и попадет?..

Правее из дымки вылезает сторожевик. За ним виден транспорт. Сторожевик открывает огонь. Снаряды и пули летят впереди моего самолета. Правый ведомый, старший лейтенант Филимонов, горкой взмывает на высоту и на пологом снижении стреляет из пушек и пулеметов по палубе корабля. Отбиваясь, сторожевик переносит огонь на его самолет. Для меня путь свободен.

Подводная лодка ближе и ближе. Она еле движется. За кормой на блестящей спокойной воде расползаются чуть заметные усики. Упреждение минимальное. Высота боевая. Теперь она никуда не уйдет.

- Бросил! - взволнованно кричит Иванов. - Скляренко, фотографируй!

Снизившись, чуть не цепляю винтами за воду. Нос лодки почти под правым крылом. На рубке стоят офицеры. Их трое. Ухватившись за поручень, они глядят на меня. Первый раз в жизни я атакую подводную лодку и первый раз в жизни с воздуха вижу так близко лица врагов. На них незаметно испуга, только одно удивление. Видно, не могут понять, почему из их базы неожиданно появились торпедоносцы с красными звездами...

Лодка проносится рядом и исчезает за фюзеляжем. Свалив машину в глубокий крен, стараюсь как можно быстрее увидеть ее в развороте.

- Взрыв! - в один голос кричат Скляренко с Лепехиным.

Он виден и мне. Высокий пенный султан, рассыпаясь на мелкие брызги, медленно оседает на воду. А рядом - вздыбленная вертикально корма. Через секунду она исчезает под белыми гребнями.

- Амба! Скончалась акула! - кричит Иванов.

- Чисто сработал, Сашок! - восхищенно изрекает в эфир ведущий истребительной группы капитан Леонид Казакевич.

Левее впереди продолжает атаку Скрябин. Подводная лодка уже погружается. Над водой видна одна рубка. Нужно бы предварительно пушками рубануть, прошить снарядами корпус, заставить противника всплыть на поверхность. Теперь утопить ее трудно.

Две пятисотки одна за другой отрываются от самолета, цепляют за воду и, отскочив, пролетают над рубкой. Ближайшая рвется от лодки метрах в пятидесяти. Конечно, гидроударом по корпусу громыхнуло прилично. Всплывет ли она иль теперь погрузилась навечно? Этого мы уже не узнаем.

Самолеты пристроились. Группа полностью, в сборе. У Филимонова в крыльях машины виднеются дыры и вмятины. По радио уточняю, насколько серьезны его повреждения.

- Пустяки! Все нормально, - отвечает он возбужденно. - Жаль, что вторую добить не смогли.

"24 августа. Сегодня тяжелый день! На задание летали несколько групп, и в каждой потери..."

В составе моей пятерки экипажи Евграфова, Филимонова, Скрябина и Шарыгина. На флангах и сзади, чуть выше нас, маневрируют парами истребители во главе с Александром Буруновым.

Взлетели мы по сигналу, без предварительной подготовки. Подъехал к стоянке начальник штаба майор Люкшин, дал нам место и время обнаружения конвоя, его курс и скорость, а на прощание добавил: "Маршрут проложите в воздухе. Удар нанесете по отработанной схеме. Экипажам занять места в самолетах. Запуск по зеленой ракете".

- Где будем фронт проходить? - спросил Иванов после взлета и сбора всей группы.

- Думаю, там, где проходили позавчера. Сплошные леса, и никто не стреляет.

- Добро. Доверни на семь градусов влево. Через десять минут пройдем эту точку.

Под самолетом мелькают верхушки разлапистых сосен. Горизонт впереди задымлен от пожаров. Минут через пять мы проскочим речушку Дубису и прорвемся во вражеский тыл.

- Саша! Прижми своих кроликов, - говорю Бурунову по радио. - На высоте они демаскируют.

- Понял, - отвечает он утвердительно, и его истребители тут же снижаются к самому лесу.

Дымка сгущается. В кабину доносится запах дыма и гари. Перед глазами мелькнула речушка. Сейчас будет фронт. Чувствую, как напрягаются мускулы, а пальцы сжимают баранку штурвала. Похоже, я приготовился прыгнуть через препятствие...

Под нами мелькают окопы и блиндажи. Над фашистами мы появились внезапно. Они не увидели нас на подходе и теперь не успеют встретить огнем.

- Пронесло, - облегченно вздыхает Скляренко. - Так бы всю жизнь воевать согласился.

Мы снова над лесом. Скоро на нашем пути будет поле. Обходить его трудно и незачем. Там у фашистов нет средств ПВО. Это проверено в прошлых полетах.

Лесок под машиной становится ниже и реже. Впереди на опушке виднеются покосившиеся домики бедняцкого хутора. А в

стороне - что-то новое, похожее на подковы из свеженарытой земли.

- Кажется, самолетные капониры? - тревожно говорит Иванов. - Наверное, тут фашисты площадку для истребителей делают. Может, зенитные средства уже притащили?

В тот же момент отовсюду ударили автоматы и пулеметы. Спереди, сзади, с боков понеслись к самолетам снаряды и пули. Рука механически двинула газ к номиналу. Перескочив через домики, мы оказались над полем и снизились к самой траве.

С боков "эрликоны" стреляют не целясь. Снаряды их сыплются веером и почти не опасны. Но сзади один автомат пристрелялся точнее. Сверху, рядом с кабиной, проносятся трассы и гаснут в траве впереди самолета.

От них я спасаюсь скольжением вправо и влево. Но трассы ложатся все ближе и ближе. Нужно быстрей дотянуть до большой одинокой березы и за развесистой кроной укрыться от глаз наводчиков. Иначе собьют, собьют обязательно...

До березы всего триста метров. Начинаю набор высоты. И сразу удар по передней кабине. Самолет клюнул носом. Наклонившись, береза несется навстречу, чудовищно вырастает в размерах.

Рывком беру штурвал на себя. Перед глазами сплошная зеленая масса. Страшный удар сотрясает машину. В ушах раздается оглушительный треск. И опять тишина с заунывным напевом моторов...

Глаза затуманены режущей болью. По щекам льются слезы. Впереди темнота. Но моторы гудят, продолжают работать. Значит, мы еще в воздухе, еще не упали.

- Командир! Высоко от земли оторвались, - раздается в наушниках голос Скляренко.

Правой рукой чуть толкаю штурвал от себя. Пальцы левой очищают глаза, отдирают от век непонятную клейкую массу.

По кабине несется воздушный поток. Начинаю немножечко видеть. Зрачки заливает слезой. Постепенно туман исчезает. Остекление кабины разбито. Пол завален древесной корой и зелеными листьями. Обтекатель на левом моторе прижался к цилиндрам. Крыльев не видно. Они плотно укрыты ветвями березы. Самолет превратился в летающий куст. Как же мы еще держимся в воздухе?..

Показания приборов нормальные, но левый мотор сильно греется. Сброшенная торпеда падает в лес. Машина становится легче. Палец давит на кнопку внутренней связи:

- Доложить состояние самолета и самочувствие!

- В корме все нормально. Ударом повредило стабилизатор,

сорвало остекление кабины и антенну. Связи ни с кем не имею. Ведомых не вижу.

Голос у Скляренко взволнованный. Повреждение стабилизатора - дело не шуточное. На нем крепятся рули глубины. Нужно вести самолет аккуратнее, не допускать перегрузок, не доломать его окончательно.

- Иванов! Ты почему не ответил? Как себя чувствуешь? Если слышишь, нажми световую сигнализацию.

Штурман молчит. Лампочка не загорается. Что с ним случилось? Неужели убит? А может быть, ранен и лежит без сознания? Снаряд разорвался в его кабине. И береза ее покорежила здорово...

Глазам уже лучше. Боль почти прекратилась. Скоро опять будет фронт. Осторожно снижаю машину к деревьям. На опушке вижу окопы, ходы сообщения, тонкую ленту речушки Дубисы. Теперь уж действительно можно сказать: "Пронесло". Под нами своя территория.

К аэродрому подлетаем на высоте двести метров. Пробую выпустить шасси. Машину встряхнуло. На индикаторе видно, что вышли все три колеса. Это какое-то чудо. После такого удара передняя стойка наверняка деформирована.

- Скляренко! Идем на посадку. Шасси сработали, но я в них не верю. Если сломаются, вытащи штурмана. Я постараюсь выбраться сам.

Садимся на грунт. Полоса приближается. Осторожно тяну штурвал. Теряя скорость, самолет потихоньку снижается, мягко цепляет за траву колесами. Почти сразу же слышится треск и удар. Машина валится на нос и влево, трещит и ломается. Инстинктивно снимаю с замка в толкаю крышку входного люка кабины. Наступает гнетущая тишина. Над самолетом висит непроглядное облако едкой коричневой пыли. Спрыгнув на землю, бросаюсь к передней кабине. Она почти развалилась. В рваном проломе стоит Иванов. От головы и до ног он залит кровью.

Положив Николая на траву, оглядываюсь. Через летное поле на полном ходу несется санитарная машина, бегут солдаты-зенитчики. Где же Скляренко? Куда он девался?

- Скляренко! - кричу что есть силы. - Скляренко!

Ответа не слышу. Раздвинув столпившихся рядом солдат, бросаюсь обратно к машине. Пыль уже села, припудрив искореженную обшивку сероватым налетом. Над задней кабиной видна голова. Лицо у Сергея белее бумаги. Из носа на подбородок стекают две тонкие струйки крови. В горле слышатся хрипы...

Зажало в турели. Он задыхается. Нужно быстрее вытащить.

- Ломайте кабину! - командую подбежавшим солдатам.

Вцепившись руками в надломанное стальное кольцо, солдаты с треском выдирают турель из обшивки, бережно кладут на носилки почти безжизненное тело, несут к санитарной машине. Иванова уже погрузили. Врач пропускает меня в кабину.

- Где у вас доктор?

- Сейчас позову, - отвечает испуганно девушка в белом халате и выбегает из ординаторской.

Через щелочку в двери гляжу в полутемный большой коридор. Около стен на кроватях, носилках и просто на топчанах лежат раненые солдаты. Их много, молодых и постарше, бородатых и безбородых. Рядом крутятся санитары, отбирают тяжелых и куда-то уносят.

В конце коридора появляются две фигуры в белых халатах. В одной узнаю убежавшую девушку. Рядом с ней пожилой худощавый мужчина. "Чего она испугалась? - промелькнула запоздалая мысль. - Неужели я такой страшный?"

- Чем могу быть полезен? - говорит подошедший мужчина, с сожалением глядя на меня. - Вы, кажется, ранены?

- Я абсолютно здоров, но товарищи... Двое. В морской синей форме. Прошу осмотреть и помочь.

- Товарищей уже смотрят. Результаты сейчас нам доложат. Ну и видок же у вас, - качает он головой. - Полюбуйтесь-ка в зеркало.

Только сейчас замечаю в углу умывальник и большое трюмо. Увидев себя, даже вздрагиваю. В зеркале у меня не лицо, а уродливо-грязная маска с воспаленными красными веками. Рваный китель покрыт слоем пыли и пятнами крови.

- Нюра, возьмите китель у капитана и приведите его в порядок. А вы умойтесь холодной водичкой и успокойтесь.

...Осторожно виляя между дорожными выбоинами, "санитарка" выезжает за город. В кузове на носилках лежат Иванов и Скляренко. У Иванова осколочные ранения в голову и большая потеря крови. У Сергея дела похуже. Переломаны кости предплечья, ребро и ключица. Немного затронуто легкое. Но оба держатся молодцом.

В госпитале они не остались. Упросили врачей положить их в полковой лазарет. Это, пожалуй, и правильно. Хирурги свое дело сделали, а остальное доделают наши врачи.

...На командном пункте Борзова не оказалось.

- На стоянку уехал, - пояснил мне майор Люкшин. - Выпускает две группы и сам вылетать собирается. Пока его нет, ты сходи в общежитие и надень другой китель. На пятна смотреть страшно.

"29 августа. За август мы потопили более десяти кораблей и

транспортов. Так доложил партсобранию подполковник Борзов. Он дал высокую оценку действиям летчиков, техников, оружейников, торпедистов. С особенной теплотой отозвался о действиях молодежи. Быстро перенимая накопленный опыт, она воюет напористо, смело, с задором. Однако потери полка непрерывно растут, особенно при пролете через линию фронта. Это вызывает необходимость отработки и совершенствования новых тактических приемов при выполнении прорыва в Балтийское море и при нанесении ударов.

Собрание длилось четыре часа. В выступлениях коммунисты делились опытом, отмечали недостатки в боевых действиях тактических групп, предлагали новые приемы боевого использования торпедоносцев и "топмачтовиков" при выполнении совместных атак.

Анализ потерь показал, что гибнут в основном молодые экипажи, пока не сделают первых пять - семь вылетов, то есть тогда, когда они еще не освоили полеты на очень низких высотах, с выполнением маневра в зоне огня и почти мгновенным применением оружия. Поэтому опытным летчикам-коммунистам нужно использовать каждую свободную минуту для бесед и рассказов, для отработки маневра над вновь созданным полигоном, в воздухе личным примером учить молодежь".

"30 августа. Стремясь уменьшить потери, фашистские конвои стараются проходить через район наших действия в темное время суток. Днем интенсивность движения вражеских транспортов резко понизилась. Для осуществления непрерывной борьбы на морских коммуникациях в полку создана особая группа из летчиков-ночников. В нее вошли экипажи капитанов Шаманова, Меркулова, Федора Клименко и мой, старших лейтенантов Николенко, Гагиева, Ивана Клименко и лейтенанта Шишкова. Вместе со штурманом полка майором Котовым Борзов отобрал и наиболее опытных навигаторов: капитанов Лорина, Рензаева, старшего лейтенанта Андреева, лейтенантов Уткина, Демидова, Фурса, Бударагина.

Мой штурман Николай Иванов уже вышел из лазарета. Раны на голове и лице едва затянулись, но он прошел медкомиссию и получил допуск к полетам. У Скляренко дела неважнецкие. Переломы срастаются медленно. Вместо него стрелком-радистом назначен старший сержант Васильев".

"2 сентября. На рассвете воздушной разведкой обнаружен конвой в составе четырех транспортов и четырех кораблей охранения. Для нанесения удара вылетели два звена "топмачтовиков" под командованием старшего лейтенанта Николенко и лейтенанта Баженова..."

При пролете через линию фронта гвардейцы попали под ураганный зенитный огонь. Самолет лейтенанта Токарева был поврежден и вернулся на свою территорию. Остальные экипажи прорвались к Балтийскому морю.

Недалеко от Либавы пятерка пересекла береговую черту и почти сразу столкнулась с конвоем. Из труб четырех транспортов дым вырывался густой черной завесой. Вода у форштевней вскипала высокими пенными брызгами.

- Раскочегарились до упора! - крикнул ведомым Николенко. - Ночью до порта дойти не успели, теперь стараются наверстать. Сейчас мы их подхлестнем. Я и Разбежкин ударяем по концевому. Звену Баженова бить по двум головным.

- Понял! Спасибо за щедрость, - ответил Баженов. - Мы с Пискуновым ударим по первому, Сенюгину атаковать второй транспорт.

Разомкнувшись, самолеты устремились в атаку. Перед глазами гвардейцев мелькают снаряды и пули. Но транспорты уже в перекрестиях прицелов. Бомбы, сорвавшись с держателей, валятся вниз, ударяются о поверхность воды, рикошетом взвиваются вверх, будто стремятся догнать самолеты. Взрывом одной ФАБ-500 сносит трубу и надстройку на концевом транспорте. Из чрева огромного судна вверх вырываются языки пламени. Две пятисотки одновременно врезаются в борт головному и разрывают его пополам. Третий транспорт от взрыва бомбы, сброшенной лейтенантом Сенюгиным, осел на корму.

Проскочив сквозь конвой, экипажи сближаются, собираются в группу. В наушниках слышится голос Баженова:

- Как же теперь мы докладывать будем? Один утонул, а два еще держатся. Но и для них поминание уже уготовано.

- Так и доложим, - возбужденно смеется Николенко. - Один на шесть тысяч под воду пустили. А два по пять тысяч всерьез повредили. Видишь, сверху наши разведчики ходят? Они зафиксируют их погружение.

- В гидросистеме давление ноль, - тревожным голосом сообщает Разбежкин.

- Нашел чем хвалиться. Приготовься к посадке на пузо, - ободряет его Баженов. - Как у других получается, наверное, не раз наблюдал. Затянись ремнями покрепче. Штука не очень приятная, но для нас не смертельная.

"7 сентября. Дневным экипажам приходится туго. Они с трудом пробиваются через зенитный огонь у линии фронта. Ночники воюют успешнее. Почти каждую ночь один или два экипажа топят фашистские транспорты.

Одержали очередную победу Иван Шаманов со штурманом

Михаилом Лориным. Они обнаружили и потопили вражеский транспорт водоизмещением шесть тысяч тонн".

"13 сентября. На бреющем линия фронта стала непроходимой, особенно для истребителей. Торпедоносцы в полете могут снижаться до минимальных пределов, пролетать по низинам оврагов, проноситься между деревьями. А на "яках" так летать трудно, мотор расположен впереди летчика и мешает ему наблюдать за землей. И получается, что торпедоносцы промчатся, фашистских зенитчиков всполошат, а следом летят истребители, и высота у них двадцать пять тридцать метров. Тут зенитчики их и сбивают. Оставшись без истребителей, ударная группа не может прорваться к конвою и возвращается.

Сегодня нам было поручено изменить эту тактику, отработать один из новых приемов..."

После взлета группа собралась над аэродромом. У меня в правом пеленге экипажи старшего лейтенанта Васильева и лейтенанта Пискунова, в левом лейтенантов Разбежкина и Сенюгина. Задача у нас необычная: сначала пробиться за облака, над ними пройти через линию фронта, в море снова выйти под облачность и нанести удар по конвою.

На первый взгляд все выглядит просто: взял и пробил облака вверх и вниз. Для меня одного это сделать нетрудно. Но, к сожалению, я не один. Слева и справа четыре "бостона", а сзади двенадцать Як-9. Семнадцать машин армада! Попробуй проткни восьмибалльную облачность...

Высоту набираю над летным полем. Глаза непрерывно следят за самым большим окном в облаках. Чувствую, что за нашим маневром внимательно наблюдают с земли, смотрят и ждут, что получится из этого первого опыта. Наверно, там очень волнуются, так как знают, что из летчиков группы лишь трое могут летать в облаках, а остальные четырнадцать по приборам летать не умеют.

На КП меня вызвали неожиданно. Задачу поставил командир дивизии полковник Курочкин. Объяснив, что и как нужно сделать, он устало сказал:

- Знаю, ты хочешь мне возразить. Скажешь, что это невыполнимо. Вспомни, сколько за эту войну мы решали невыполнимых задач? К сожалению, и эта не будет последней. Облака не сплошные. Нижняя кромка выше тысячи метров. Пробивайся в окно, проведи в него группу. Задачу выполни обязательно.

Высота перевалила за тысячу шестьсот метров. Облака нависают над головой. В них впереди появляется длинная узкая щель. Ее я приметил еще перед взлетом.

Даю команду сомкнуться как можно плотнее и начинаю

энергичный набор высоты. Щель извивается. Пилотировать трудно. Выполнив очередной доворот, почти упираюсь в белую стену. Это граница окна. До верхней кромки облачной ваты еще не менее сотни метров. Неужели не перетянем?

- Внимание! Впереди облака. Если зацепим, то только верхнюю кромку. Всем прижаться ко мне, сохранять свое положение по летящему впереди самолету. Кто оторвется, смотрите на авиагоризонт. (Авиагоризонт - прибор, показывающий положение самолета в пространстве при отсутствии видимости естественного горизонта.) Удержите машину от кренов на двадцать секунд.

Нос самолета врезается в сероватую массу. В кабине сразу темнеет. Глаза устремляются на приборы. Машину немного подбалтывает, но я должен держать ее точно в режиме. Над головой промелькнули голубые просветы. Еще секунда, и перед взором появляется волнистое белоснежное поле.

Оглянувшись, вижу один "Бостон" и один истребитель. Значит, пробились вверх лишь Васильев и Бурунов. Остальные над облаками не появляются. Над нами светит лучистое солнце. Видимость изумительная. Каждую темную точку можно заметить за несколько километров. Развернувшись на запад, даю команду по радио:

- Всем лететь в направлении фронта самостоятельно. Облака пробивать одиночными самолетами в окна. Сбор группы над верхней кромкой.

Минуты тянутся медленно. В эфире молчание. На запросы самолеты не отвечают.

- Правый мотор начал греться, дает перебои, - раздается в наушниках голос Васильева.

Отвечаю автоматически, не вдумываясь в слова:

- Возвращайся на базу. Мотор не насилуй. Лучше выключи сразу. Машина отлично идет на одном.

Снижаясь, машина Васильева скрывается в облаках. Мы остаемся вдвоем с Буруновым.

- Что будем делать? - говорит он невесело. - Облака впереди без просветов. Ребятишки сквозь них не пролезут.

- Пройдем минут десять. Если никто не появится - вернемся домой...

- Ну и цирк вы устроили! - хмурится инженер эскадрильи Лебедев, помогая стянуть парашютные лямки. - Скрылись вы в облаках. Мы уже успокоились. Вдруг бомбы летят - пятисотки на голову падают. Попадали мы с перепугу, а они за леском разорвались. Только на ноги поднялись, глядим, истребители из облаков друг за другом выскакивают. Кто штопорит, кто

пикирует, кто спиралью вращается. Землю увидит, встряхнется как стриж и - стрелой на посадку.

Положив парашют, Лебедев достает папиросы.

- Ты закури, пока начальство не появилось. Рассердился полковник...

- А дальше что было?

- Дальше опять чуть со страху не умерли. Насчитали мы одиннадцать стрижей, а уж следом и наши как утюги падать начали. Вращались они солидно, не торопясь. И выводили не сразу, а над самой землей. Высота их от смерти спасла. Сейчас все машины уже на стоянках. Будет нам с ними мороки...

На рулежной дорожке зафыркал "виллис".

- Ну, развалил свою группу?! - сердито выкрикнул полковник Курочкин. Не нравится новая тактика - действуй по-старому. Бери двух "топмачтовиков" и бреющим по тому же маршруту прорвись. На подготовку к полету - тридцать минут.

Развернувшись, "виллис" обдал нас бензиновой гарью.

- Рассердился комдив, - прошептал сочувственно Лебедев. - Да ты не горюй.

...Огромное поле изрыто воронками, перепахано глубокими бороздами. Куда ни посмотришь - виднеются танки в самоходные пушки. Здесь их десятки. Обгорелые чудища замерли в самых различных позах, наклонив, словно хоботы, стволы искривленных орудий.

- Ух и побоище было! - удивленно проговорил Иванов. - Погляди, командир, как те два на таране сцепились. Даже башни удара не выдержали.

Впереди показался курящийся дымом лесок. В кустарнике замелькали ячейки позиций, солдаты, машины, орудия. Перед глазами взметнулась стена из сверкающих точек и дымных комочков. По фюзеляжу и крыльям глухой барабанной дробью застучали осколки и пули.

- На машине Сачко дымится мотор! - хрипло выкрикивает старший сержант Васильев. - У нас пробит фюзеляжный бак. Бензин вытекает на пол кабины, говорит он спокойнее.

"Пробит фюзеляжный бак! В нем основные запасы бензина. До цели уже не дотянем. Нужно вернуться. И как можно быстрей".

Палец давит на кнопку радиопередатчика:

- Всем возвращаться! Истребителям прикрыть отстающих.

Теперь - полный газ. Разворачиваю машину и лечу две минуты вдоль фронта. Скорость растет. Стрелка бензиномера почти зримо катится влево, регистрирует сильную утечку бензина. Под самолетом мелькают деревья. Теперь еще разворот. Курс - девяносто градусов. Опять мелькают снаряды и пули...

Кажется, фронт уже позади.

- Вырвались целыми. Как с бензином? - Голос у Иванова немножечко вздрагивает.

- Попробуем дотянуть. Минут на двадцать с гарантией. Лишь бы на форсаже моторы не отказали.

После посадки сразу же выключаю оба мотора и, используя инерцию самолета, выкатываюсь с бетонной дорожки на грунт. Из фюзеляжа и крыльев бензин вытекает как кровь - красноватыми струйками. Через минуту вокруг машины образуется пахучее озеро.

Еще один самолет на высоте двести метров пролетает над стартом и, чуть накренившись, выполняет мелкий вираж.

- Похоже, что Скрябин резвится, - уверенно говорит Иванов. - Звук у моторов нормальный, а с посадкой не очень торопится. Наверное, шасси повреждены.

Над лесом появляется третий "Бостон" со следом густого черного дыма. Над ним барражируют шесть истребителей. Выпустив шасси, он с ходу идет на посадку. Нам уже видно, что винт на правом моторе стоит неподвижно.

- Это Сачко. Опять досталось Иосифу, - с сожалением говорит Николай. Глядите, и Скрябин заходит за ним. Нормально колесики выпустил.

Приземлившись, обе машины становятся недалеко от моей. Вид у них страшный. В обшивке зияют рваные дыры. На черном от копоти самолете Сачко обтекатель мотора разбит прямым попаданием. На самолете Скрябина сорван руль поворота, отбита половина руля глубины.

- Ты чего не садился, пижон? - спросил его Иванов, обнимая за плечи.

- Сачко дожидался, - устало вымолвил Скрябин, стирая ладонью капельки пота со лба. - Моя машина хоть плохо, но управлялась. Моторы нормально работали. Горючего много. А у него с мотором неладно. Того и глядя загорится. Думаю, сяду, подломятся шасси, загорожу ему полосу. Куда он, бедняга, приткнется?..

Из леса на полосу выскочил "виллис" и, развернувшись, направился к нам.

- Куда вы?! Сгорите! - вскрикивает Васильев, бросаясь наперерез.

Осторожно объехав красноватое озеро, полковник Курочкин выпрыгивает из кабины.

- Разделали вас под орех, - прищурился он, поглядев на машины. Значит, опять не пробились к конвою. А он, наверное, к Либаве подходит, новые силы фашистам подбросит. Плохо у нас

получается, братцы. Неужто мы ничего не придумаем?..

- Придется усилить ночные удары, - сказал подошедший подполковник Борзов. - Интенсивность дневных перевозок у фашистов значительно снизилась. А ночью мы топим их еще мало. Нужно активизировать минные постановки и максимально использовать лунные ночи для крейсерства. Этим мы заставим противника вернуться к дневным перевозкам, а имеющееся время используем для отработки новых вариантов прорыва.

- Пока согласимся, - махнул рукой Курочкин. - Но только пока. Луна не надежный союзник. Через неделю, максимум полторы, она светить перестанет. К этому времени мы должны найти способ прорываться к противнику днем.

"18 сентября. Вчерашней ночью добился успеха наш командир подполковник Борзов. Вместе со штурманом майором Котовым они обнаружили в потопили крупный вражеский транспорт".

"21 сентября. Фашисты в панике бегут из Эстонии. Развивая успешное наступление, войска Ленинградского фронта вышли на ближние подступы к Таллину. Пятью экипажами мы срочно перелетели на аэродром Клопицы для нанесения ударов по удирающим из Таллина транспортам".

"23 сентября. От волнения не нахожу себе места. Упустили такую цель! На рассвете мы обнаружили крупный транспорт противника. Двухтрубный гигант шел в составе конвоя из трех транспортов и пяти кораблей охранения. Заметив конвой, мы ушли в темноту и оттуда детально разведали обстановку. Этот транспорт был самым крупным. Из пяти кораблей охранения три располагались неподалеку от него.

- Здорово фрицы его охраняют! - заключил Иванов. - Если утопим, их всех перевешают. Рискнем, командир? Цель-то уж больно заманчива.

И мы, как говорится, рискнули. На сближении фашисты нас даже не видели. Ни один пулемет не стрельнул. Торпеду бросили с дистанции шестьсот метров, с небольшим упреждением. И пошла она точно на транспорт. А дальше случилось невероятное. Заметили фашисты всплеск от торпеды и открыли по самолету ураганный огонь. Второпях они целились плохо, и трассы пролетали далеко в стороне. Перескочили мы через транспорт и увидели, что один из сторожевых кораблей полным ходом идет на торпеду и стреляет по ее следу из автоматов. А транспорт поплыл невредимым. И мы ничего не могли ему сделать".

"26 сентября. В течение нескольких суток войска Ленинградского фронта совместно с моряками Балтийского флота очистили от фашистов западное побережье Эстонии от

Таллина до Виртсу, захватили морские базы и порты, и мы вернулись к себе.

Улетая, на высоте двести метров приблизились к ленинградским окраинам. День был на редкость погожим. Осеннее солнце ярко освещало проспекты и площади, скверы и парки огромного города. По улицам проносились трамваи, автобусы, автомашины. Там и сям дымились трубы заводов. Потоки людей сновали по тротуарам, заполняли аллеи. А над Невой величаво возвышался Исаакий, подпирая закрашенным сферическим куполом синее небо.

- Ух красотища какая! - восхищенно проговорил Иванов. - Смотришь, и даже не верится, что здесь умирали от голода люди, а фашисты их круглые сутки из пушек расстреливали. Исчезла блокада, как сон, как кошмар, но народ ее никогда не забудет".

"27 сентября. Преследуя отступающих, войска Ленинградского фронта полностью заняли восточное побережье Рижского залива, можно сказать, прорубили для нас окно в Балтику. Теперь нам не обязательно прорываться через линию фронта на участке от Добеле до Расейняя, подвергаясь опасности быть уничтоженными, даже не долетев до балтийского берега. После вылета тридцать минут полета на север - и мы в Рижском заливе. А там - лети куда хочешь..."

"5 октября. Мощным ударом в направлении от Шяуляя на Плунге войска 1-го Прибалтийского фронта смяли противостоящего противника и начали быстрое продвижение на запад, к побережью Балтийского моря.

Полк летает почти непрерывно и днем и ночью. Каждые сутки мы топим не менее двух транспортов".

"9 октября. Ночью летали на крейсерство. Задание выполнено успешно..."

Погода над сушей была неважной: моросил мелкий дождичек, сквозь толстые облака луна не просвечивала. К концу первого часа полета Иванов вдруг сказал:

- Может, вернемся? Хоть разок отоспимся к утру.

В такую погоду мы все равно ничего не отыщем. Только ночь проболтаемся без толку.

Не высказав возражений, я решил пролетать еще полчаса и, если погода не станет лучше, прекратить бесполезную трату сил и ресурса.

Минут через двадцать дождь прекратился, в облаках появились просветы.

- Погодка-то вроде налаживается, - ожил мой штурман. - Хороши бы мы были, если б вернулись. И как у меня язык повернулся такое советовать!..

В стороне показался ущербленный лик луны. Казалось, это не диск, а лицо человека с компрессной повязкой на раздутой от боли щеке.

Снизившись до трехсот метров, летим над районом поиска. Искрятся на лунной дорожке волнистое море. Играет в воде золотистыми бликами. Вдали показался какой-то предмет. Длинным темным штрихом он впечатался в бисерно-медное поле. Может, корабль? А может, что-то другое?.. Секунда, другая - и штрих пропадает в неверном искрящемся свете. Очередная шутка луны, не осветившей обратный скат высокого водного гребня.

Полет уже длится два с половиной часа. Нам скоро пора возвращаться. Тело устало от непрерывного напряжения. В горле першит от сухости. В мозгу закипает обидная мысль: "Кажется, ничего не найдем. Обратно пройдем ближе к шведскому берегу".

- Командир, посмотри, что-то справа чернеет, - вялым голосом говорит Иванов.

Я тоже заметил в волнах черноту, но боюсь обознаться. Если мы оба видим, значит, нужно проверить.

Довернув, сближаемся по касательной. Чернота становится явственней, четче.

- Можно ложиться на боевой, командир. Это транспорт! - кричит Николай. - Курсом на север. Ход - узлов восемь.

Дистанция - километр. Теперь на фоне лунной дорожки контуры транспорта обрисовываются как на экране кино. Он однотрубный, на пять тысяч тонн. В воде сидит низко, значит, загружен.

Слева из темноты вылетают цветастые трассы. Это стреляет невидимый нам корабль охранения. Мелькая перед глазами, снаряды проносятся выше и ниже кабаны, ударяются в воду, высекая жемчужные брызги.

Дистанция - восемьсот. С транспорта в лоб ударяют огнем автоматы. Стрелки нас не видят и бьют наугад, осыпая пространство радужными искрами.

- Ну, молитесь, собаки, - говорит Иванов. - Бросил! - кричит он неистово.

- Торпеда пошла! Вижу след, - отвечает Васильев. Энергично хватаю штурвал на себя. Провалившись под самолет, контуры транспорта исчезают из виду. Крутым разворотом выхожу из створа луны. Сторожевик нас теряет из виду и прекращает стрельбу.

- Взрыв! Наверное, одновременно с торпедой взорвались котлы! - кричит возбужденно Васильев.

Над водой в лунном свете вздымается облако пара. Транспорт еще на плаву, но корма почти полностью скрылась под волнами.

- Покрутись, командир, в стороне, - просительно говорит Иванов. Хочется досмотреть, как он сгинет из глаз окончательно.

"14 октября. Наши войска вышли на побережье Балтийского моря, очистив от фашистов огромный район между Либавой и Мемелем. В Курляндии оказалась отрезанной крупная группировка противника. На прибрежных аэродромах уже находятся наши штурмовики, истребители и разведчики. Вместе с ними мы должны заблокировать с моря окруженную группировку.

Здравствуй, родная Балтика! Мы снова вернулись на твои берега".

"20 октября. Спать почти не приходится. Днем водим группы, а ночью летаем на крейсерство. Однако усталости нет. Наоборот, все воюют с подъемом, с задором, чувствуя близость полной победы.

Территория нашей Родины почти полностью очищена от врага. На западе мы подошли к границам Восточной Пруссии. Уже завтра наши войска будут громить фашистов в их логове, перебросят пожар войны на их землю. И мы готовы летать без сна и отдыха, лишь бы быстрее исполнилась наша мечта.

Сводки Советского информбюро каждый день сообщают о крупных победах балтийских летчиков. Мы будем бить врага на Балтике, пока не перетопим фашистов всех до единого".

"23 октября. Прощайте, боевые друзья! Уезжаю от вас не по собственной воле и буду стремиться снова вернуться..."

Было обидно. Всю ночь пролетали в дожде, в облаках. Домой пробирались буквально на животе, чуть не цепляя за верхушки деревьев. И ничего не нашли. Измученный до предела, я отказался от завтрака и сразу лег спать.

Проснулся внезапно, с каким-то тревожным предчувствием близкой беды. Дождь уже кончился. Через окно мне в лицо светило яркое солнце. Спать не хотелось. Стрелка ходиков подползала к восьми часам.

Одновременно появилось и чувство голода. Сразу вспомнил, что после полета ничего не ел. Тут же возникла мысль: "А может, позавтракать, пока официантки не разбежались?"

В комнату тихо вошел дневальный.

- Не спите?

- Как видишь.

- Я вас будить собирался. Командир полка вызывает. Приказали поднять.

- Тогда буди Иванова.

- Остальных велели не трогать.

Одеваясь, я ощущал неприятный, тревожный озноб. "Почему вызывают меня одного? Если на вылет, то всех бы подняли.

Значит, что-то случилось? Нужно быстрей собираться".

...На КП было тихо. Видимо, первая группа уже улетела. Подполковник Борзов одиноко сидел в своей маленькой комнате. Увидев меня, оторвал от ладоней усталую голову. От постоянной бессонницы глаза у него раскраснелись, под ними темнели мешки.

- Наверное, клянешь и меня, и моих прародителей? Дескать, нет в нем человечности. Днем и ночью гоняет и в хвост и в гриву. Даже поспать не дает. А я вот решил хоть разочек порадовать. Собирайся быстрей и лети в ВВС. Тебя в учебный полк назначают.

- В учебный? А как же война? - спросил я растерянно.

- Ишь ты! - засмеялся Иван Иванович. - Думаешь, тут без тебя не сумеем с фашистами справиться? На шутку не обижайся, - проговорил он участливо. Твое волнение я понимаю. Но так нужно. Наша победа не за горами. Ее уже видно. И хочется хоть под конец этой страшной войны сократить потери людей, особенно по неумению, по недоученности. Тебя посылают учить молодежь, в кратчайшие сроки передать ей свой опыт. Научить людей бить врагов - задача очень почетная. На эту работу рекомендовал тебя я. Знаю, доверие однополчан оправдаешь. А теперь собирайся быстрее. Штаб ВВС уже в Таллине. Самолет улетает в двенадцать ноль-ноль. Это приказ, и никто его не отменит.

"1 ноября. Третий раз за свою короткую жизнь я попадаю в этот небольшой город. Сюда приехал после училища, перед финской кампанией. Здесь воевал в начале Великой Отечественной. И теперь, перед самым ее окончанием, очутился в нем снова.

В полку меня приняли хорошо. Командир подполковник Борис Михайлович Левин и начальник штаба майор Александр Кузьмич Журавлев сразу ввели в курс событий.

Три эскадрильи почти ежемесячно принимают из летных училищ и отправляют на фронт свыше сотни пилотов, штурманов, воздушных стрелков и радистов. В полк прибывают выпускники, а уезжают обученные бойцы. Они еще не дрались с настоящим врагом, не нюхали пороха в шквале смертельной атаки, но здесь их навыки отшлифовали, отработали с ними приемы и способы боя, атаки, удара, которые применяют наши лучшие летчики.

У меня в эскадрилье двадцать машин, из них десять пикирующих бомбардировщиков Пе-2 и десять "бостонов" в варианте торпедоносцев. Летчиков-пикировщиков обучают мой заместитель капитан Быкорез и командир звена старший лейтенант Сохиев. С торпедоносцами занимается командир звена старший лейтенант Большаков.

Сегодня закончил знакомство с новым хозяйством и завтра начну свой первый рабочий день, день учителя летчиков - торпедоносцев и пикировщиков".

"3 ноября. Из кабины не вылезаю с рассвета и до темна. Выполняю показные полеты, контролирую качество отработки маневра, проверяю технику пилотирования по приборам в закрытой кабине. Летчики летают старательно, стремятся усвоить и отработать до тонкости каждый новый прием, перенять и запомнить все детали его выполнения. От непрерывного напряжения устаю до изнеможения, до умственной одури. После разбора полетов в ужина падаю на скрипучую койку и засыпаю.

Сегодня услышал по радио приятную новость. Информбюро сообщило: "Экипаж самолета под командованием подполковника Борзова потопил в Балтийском море транспорт противника".

Прослушал я сводку, и стало так радостно, будто сам в той атаке участвовал.

После разбора полетов задержал своих летчиков и рассказал им про полк, про товарищей, про боевые традиции".

"20 ноября. Наконец-то пришло письмо из полка:

"Дорогой командир! Всем коллективом благодарим за поздравления с 27-й годовщиной Великого Октября и сердечные пожелания дальнейших успехов в борьбе с фашистской нечистью.

Мы рады, что вместе с письмом получили твой адрес и сможем теперь вести переписку. А новостей у нас много, но сейчас мы спешим поделиться самой последней, наиболее приятной и радостной - тебя наградили четвертым, а меня третьим орденом Красного Знамени. Мы шлем тебе свои поздравления!

Еще сообщаем, что в нашей полковой семье Героев имеется солидное прибавление. Летчику Михаилу Шишкову, штурманам Ивану Бабанову и Михаилу Лорину присвоили звание Героя Советского Союза.

(Лично я очень рад за Мишу Шишкова. Он действительно молодец! В последнем полете досталось нам здорово, и Михаил покорил меня своей выдержкой, волей и смелостью.)

...Всем коллективом тебя обнимаем! Твой Н. Иванов.

6.X1 44 г.".

Да, в том полете экипажу Шишкова пришлось нелегко. Выполняя свободный поиск, они обнаружили три транспорта в охранении трех сторожевых кораблей.

Из транспортов наиболее крупным был головной. Его решили атаковать. Но и противник заметил их заблаговременно. Уже при сближении он открыл ураганный огонь На пути самолета сплетались сверкающей сетью пулеметные и автоматные трассы.

Один за другим врезались в обшивку машины осколки зенитных снарядов. Наконец подошли на дистанцию залпа. Иванов нажимает на кнопку электросбрасывателя. Но торпеда не отделяется. Она как ненужный балласт продолжает висеть на держателе около фюзеляжа. Проскочив рядом с транспортом, Шишков с маневром уходит от цели. Его лицо покрывается потом. В душе кипит ярость. Ведь только сейчас они рисковали собственной жизнью, а этот смертельный риск оказался бесплодным, и противник уйдет без возмездия...

- Атакуем конвой еще раз, - принимает решение Шишков. - Целимся по головному. Сброс аварийный. Попробуем снова прорваться сквозь зубы черта.

Отойдя за пределы видимости, он развернул машину и, маскируясь низкими облаками, начал сближение. Конвой появился опять в поле зрения. Он приближается. Нужно снижаться к воде. Оторвавшись от облаков, Михаил переводит машину в крутое планирование. Напряжение в экипаже достигает предела...

- Почему они не стреляют? Ведь видят же нас! Наверняка уже видят! воскликнул воздушный стрелок Китаев.

- Может, пакость какую придумали, а может, пока и не видят, - деловито ответил Шишков. - Спокойно. Подходим к дистанции сброса. Машина в режиме. Иванов, не зевай...

Противник, наверно, не ожидал такой дерзкой настойчивости и беспредельной отваги. Он, видимо, не предполагал, что советские летчики, только сейчас испытавшие напряжение бесцельной торпедной атаки, смогут повторно подвергнуть себя безумному риску сближения под интенсивным огнем шести кораблей. Поэтому внезапное появление экипажа Шишкова явилось для фашистов неожиданностью. Они открыли огонь лишь тогда, когда, сбросив торпеду, экипаж выходил из атаки...

Это была девятая победа старшего лейтенанта Михаила Шишкова.

"15 декабря. На днях проводил на фронт своих первых выпускников. Вместе с молодыми летчиками-пикировщиками уехал и наш командир звена старший лейтенант Харитон Сохиев.

Харитон - прирожденный бомбардировщик, с особым, присущим только ему летным почерком. На самолете Пе-2 он пикирует по-орлиному лихо, стремительно выводит машину у самой земли, моментально скрываясь из глаз за границами полигона.

- Убьешься ты, Харитон, - неоднократно журил его подполковник Левин, строго глядя в глаза красавцу нилоту. - Секунду промедлишь - и щепок не соберем...

- Умелый маневр на войне - это жизнь пикировщика, - с горячностью горца защищался Сохиев. - Прицелиться должен точнее, чем опытный ювелир, без малейшей ошибочки. А сбросил бомбы - немедленно исчезай с горизонта, как молния. Иначе собьют, прошьют автоматами, как на швейной машинке.

Долго писал Харитон рапорты с просьбой о разрешении вернуться на фронт, в родную семью гвардейцев-бомбардировщиков. И настоял на своем...

А у меня не выходит. Левин лишь хмурится и твердит: "И не суйся. Не отпущу. Здесь тоже боевая задача решается".

Однако, как бы я ни был загружен, мысли мои все равно в Паневежисе, в родном гвардейском полку. В его рядах сражаются боевые друзья и товарищи. Только там мое настоящее место".

"1 января 1945 года. Вот он и начался, еще один военный год. Наша армия изгнала врагов из Болгарии, Венгрии и Румынии, вывела из войны Финляндию, вступила на территорию Польши, вышла к границам Австрии и Чехословакии, ворвалась на землю Восточной Пруссии. Советские войска устремились к центральным районам Германии, в самое логово фашистского зверя. Победа близка. Теперь даже наши враги понимают, что клика Гитлера довела их до катастрофы, до позорного поражения..."

Тот год мы встречали в приподнятом настроении. В столовой на праздничный ужин собрались все офицеры. В центре зала красовалась пышная елка. Официантки и девушки из санчасти оплели ее ветви цветными гирляндами из бумаги, украсили картонными фигурками. Патефон гремел не смолкая...

- Давай погрустим немножко, Сашок! - предложил неожиданно штурман полка капитан Константин Виноградов. Оглянувшись на веселящуюся молодежь, он потихоньку запел:

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Землянка... Она в трех километрах отсюда, по ту сторону Волхова. Вместе со штурманом Шереметом, воздушным стрелком Ускребковым и техником Владимировым мы отрыли ее в тяжелые августовские дни сорок первого. В том же году, тридцать первого декабря, Петр Голенков, Диомид Кистяев и я возвратились в нее из вражьего тыла. Тогда тоже была новогодняя ночь, и в нашей землянке собрались прекрасные парни - летчики, штурманы, техники. Помнится, пели и про землянку, только слова у той песни были иные:

Огонек времянки,

Пару сухарей,

Много ли в землянке

Нужно для друзей...

Где они сейчас, эти славные парни?!

Вчера на лыжах ходил в наш овражек, рядом с деревней Юшки. Землянки осыпались, обветшали. В них пахнет сыростью. Разлетелись по свету хозяева летчики сорок первой отдельной. Многие не дожили до этого победного года погибли в неравных схватках с фашистами...

Прищурив глаза, Костя нежно выводит густым баритоном:

Ты теперь далеко-далеко.

Между нами снега и снега.

До тебя мне дойти не легко,

А до смерти - четыре шага...

Четыре шага... Смерть - это миг. На войне она непрерывно смотрит солдату в глаза, все время витает над его головою. И может быть, только шаг, только вздох отделяют его от гибели. Потому и тоскует он, глядя на огонек, вспоминая глаза и улыбку любимой...

Шурочка! Вчера получил твое поздравление и фотокарточку. Они лежат в кителе, в нагрудном кармане. Между нами действительно километры снегов. Ты и совсем далеко, и здесь, рядом, у самого сердца.

- Ну чего размечтался? Погрустили - и хватит, - улыбается Виноградов.

- Размечтался?.. Видишь мундштук? Мне его в новогоднюю ночь подарили. В Ленинграде, под сорок третий - блокадный. Полковник Преображенский один подарок на два экипажа вручил, и мы его поделили. Бунимович кисет себе взял, а я - мундштучок. Храню как реликвию, как талисман. Тогда я, конечно, не думал, что доживу до победного. Счастливым он оказался.

- Загадывать рано, - хмурится Костя. - До победы дожить еще нужно.

- Теперь доживу. Доживу обязательно. Только бы Левин упрямиться перестал и обратно в гвардию отпустил...

"19 марта. Снова весточка из полка. Молодцы ребятишки! Не забывают.

"Дорогой командир!

Извини за молчание. Очень мало свободного времени, поэтому я как можно короче проинформирую о новостях.

Во-первых, от нас уехал гвардии подполковник Борзов. Его перевели с повышением.

Во-вторых, полковая семья Героев снова умножилась. Это звание присвоено Александру Гагиеву, Ростиславу Демидову,

Василию Михайловичу Кузнецову (теперь он вместо Борзова назначен командиром полка) и Алексею Рензаеву.

В-третьих, ребята просят передать тебе самый горячий привет и наилучшие пожелания в работе.

Твой Н. Иванов".

Тогда, прочитав письмо, я почему-то сразу же вспомнил один из боевых эпизодов, относящийся по времени к сентябрю 1944 года.

...Разомкнувшись по фронту, пятерка торпедоносцев и "топмачтовиков" стремительно сближается с конвоем. Восемь истребителей прикрытия Як-9 маневрируют сзади и выше их. И вдруг из-за облаков появляются около двадцати вражеских ФВ-190. Наши истребители мужественно отбивают их первую атаку, но, связанные превосходящими силами противника, вступают в неравный воздушный бой и отрываются от торпедоносцев.

Прорвавшись сквозь зенитный огонь, экипаж Гагиева бросает торпеду по транспорту. И тут же его атакуют два "фокке-вульфа". Однако над морем фашисты стреляют с больших дистанций, и Гагиев маневром успевает уклоняться от огненных трасс. Над сушей враги осмелели и стали сближаться не открывая огня, видимо приберегая боезапас для последнего неотвратимого удара. Разгадав их замысел, воздушный стрелок Соколов подпустил их почти вплотную и, тщательно прицелившись, ударил из пулемета по ведущему "фоккеру". Окутавшись дымом, вражеский истребитель врезался в землю, а его ведомый отворотом вышел из атаки.

После посадки на аэродроме Гагиев и Демидов подбежали к кабине стрелка, вытащили из нее Соколова и крепко расцеловали. Усталые, но счастливые, они вошли на КП. Потопленный транспорт и сбитый вражеский истребитель - неплохой итог одного полета. Так закончился вспомнившийся мне эпизод из их богатой боевой биографии.

"10 апреля. У меня на столе небольшой треугольный конвертик. Еще одна весточка от гвардейцев. Но сегодня она омрачена глубокой печалью. Коля пишет, что 19 марта погибли командир 2-й эскадрильи гвардии майор Василий Александрович Меркулов и его штурман гвардии капитан Алексей Иванович Рензаев. На бумаге я не могу изложить всей боли, всей горечи от этой тяжкой утраты. Тяжко терять боевых друзей, с которыми начинал войну, когда до ее окончания осталось совсем немного..."

Вася Меркулов - плечистый, рослый богатырь с простодушным русским лицом. Скромный, уравновешенный, он даже в самых критических случаях не терял присутствия духа. А

уж когда приходится особенно туго, успевал не только решать и командовать, но и тихонько мурлыкать любимую песенку:

...Спит деревушка,

Где-то старушка

Ждет не дождется сынка...

...В тот день экипаж Меркулова на боевые вылеты не планировался, но Василию, как всегда, на земле не сиделось.

- Может, слетаю разочек? - уговаривал он командира полка Василия Михайловича Кузнецова. - Когда товарищи в воздухе, когда они лупят фашистов, мне этот отдых как пытка. Стыдно людям в глаза смотреть...

И вот четверка "бостонов" над морем. Низкая облачность прижимает машины к воде, но молодые пилоты Мосальцев, Подъячев и Головчанский уверенно держатся в плотном строю, ни на метр не отходят от ведущего самолета. Им приятно, когда командир, обернувшись, одобрительно улыбается или, шутливо пригрозив кулаком, отгибает вверх большой палец.

На исходе второго часа полета Рензаев увидел слева по курсу дымы.

- Идем на сближение! - передал Меркулов по радио и довернул свою группу. - Торпедоносцы, вперед!

Уже виден большой конвой из шести транспортов, плывущих в охранении девяти сторожевых кораблей и трех сторожевых катеров. "Огонек будет плотный!" - подумал Подъячев, маневрируя вслед за ведущим.

- Мосальцеву бомбами нанести удар по головному сторожевому кораблю! Подъячеву торпедой, Головчанскому бомбами атаковать головной транспорт! Я бью по транспорту, идущему следом за головным! Атака! - раздался в наушниках голос Меркулова.

Четкость команды, решительность интонаций как бы подбодрили ведомых, вселили уверенность в силах. А конвой уже почти рядом. Корабли ведут непрерывный зенитный огонь. Самолеты снижаются к самой воде, стараясь прорваться к цели под сверкающими ниточками трасс.

- Горит! Самолет командира горит! - раздается в эфире голос стрелка-радиста Гречина.

На самолете Меркулова из левого мотора пламя выплеснулось длинными языками. Но он не свернул с боевого курса. Словно огненный факел машина продолжала стремительное сближение. Дистанция 900... 600... 400 метров. Оторвавшись от фюзеляжа, торпеда уходит под воду. А пламя на самолете разгорается ярче и ярче. Качнувшись, он валится на крыло и врезается в воду. А рядом, в пятнадцати - двадцати

метрах, к небу вздымается столб из воды и дыма. Это торпеда Меркулова разворотила днище огромного транспорта.

- За командира! - раздается в эфире взволнованный голос, и бомбы Мосальцева взрывают сторожевой корабль.

- За командира! - вторят ему Подъячев и Головчанский, и от взрывов их бомб и торпеды еще один транспорт, разломившись, погружается в воду.

"...Так погибли Вася Меркулов и Алеша Рензаев. А Алеша даже Золотую Звезду получить не успел. Ведь звание Героя Советского Союза ему присвоили всего за тринадцать дней до этого вылета".

"15 апреля. Летали в Германию. Виделся в Грабштейне с однополчанами. Как же мне хочется быть вместе с ними, вместе дойти до победы!.."

В тот раз мы с командиром звена Геннадием Большаковым на двух самолетах летали в Мариенбург, отвозили на фронт группу летчиков. Пролетая около Кенигсберга, наблюдали картину штурма. Сам город был скрыт дымной тучей, над которой роями кружили штурмовики, пикировщики, истребители. Ее фиолетово-бурую толщу непрерывно пронзали сполохи хвостатых реактивных снарядов - эрэсов, вспышки бомбовых взрывов, огненные пунктиры снарядов.

- Это за Ленинград вам, гады фашистские! - проговорил Виноградов.

На обратном пути залетели к однополчанам в Грабштейн. Кенигсбергская операция только закончилась. Полку дали сутки на отдых. Увидев меня, Николай Иванов подскочил на диване, перемахнул через комнату, повис на плечах.

- Ты?! Насовсем?! - закричал он. - Значит, вернулся к нам в гвардию!

Узнав, что мы только пролетом, вздохнул:

- Не торопитесь, друзья. Хоть пообедайте с нами. Мы тут совсем замотались. Летаем и днем и ночью без перерыва. Шутка ли, заблокировать с моря такую махину! За пять дней уничтожили несколько транспортов. Впервые в истории морские торпеды на парашютах швырнули. И полный порядок. Транспорт с войсками фашистов разнесли в пух и прах...

Пообедали ми с друзьями, потолковали о новнстях и полетели домой. А там, в полку, словно частичку сердца оставила.

"2 мая. Перед строем полка прочитали приказ Верховного Главнокомандующего. Мы овладели Берлином! Наконец-то свершилось все то, что когда-то казалось недосягаемым, к чему так упорно стремились, рискуя всем, даже жизнью.

Когда майор Журавлев прочитал, что 1 мая наши войска полностью овладели столицей Германии - центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии, все закричали "ура", начали обниматься и целоваться. Чуть успокоившись, я еле пробрался к подполковнику Левину, чтобы уточнить распорядок дальнейшей работы.

- Видишь, как люди возбуждены?! - выкрикнул он, улыбаясь. - Полеты необходимо отставить. Можем что-то недосмотреть и радость народу испортить.

Ночью я долго не спал. Воображение рисовало картины последних боев в Берлине. В августе сорок первого мой первый минно-торпедный авиаполк проложил дорогу к Берлину и сбросил первые бомбы на столицу фашистского рейха. А сегодня наши солдаты водрузили над рейхстагом алое Знамя Победы..."

"9 мая. Телефонный звонок разбудил меня ночью. Прислонив трубку к уху, услышал голос дежурного радиста.

- Передано сообщение, - говорил он взволнованно. - Фашистская Германия побеждена! Акт о безоговорочной капитуляции подписан в Берлине...

Рывком поднявшись с постели, быстро оделся и накинул на плечи летную куртку. Сердце гулко стучало. Хотелось куда-то бежать, что-то делать...

Победа! В Берлине подписан акт о капитуляции. Значит, битва закончилась и уже не стреляют. Значит, те, кто остались живыми, уже не погибнут...

За окном раздался хлопок пистолетного выстрела. Следом еще и еще. И вдруг началась канонада. В трескотню револьверной стрельбы вплелся гром, пулеметных очередей и басовитые залпы зенитных орудий. Над землей стихийно покатился победный салют!.."

Эпилог

За окном непроглядная темень. Небольшая настольная лампа освещает стону пожелтевших листков дневника - кусочек моей биографии, мою боевую молодость.

На разложенных фотографиях - лица друзей. Молодые, сильные, смелые, они бились с врагами за счастье любимой Отчизны, громили фашистов на суше, топили их в волнах суровой Балтики.

Эскадрильей отважных называли когда-то отдельную сорок первую. Полком Героев именовали в те тяжкие годы первый гвардейский минно-торпедный Краснознаменный Клайпедский авиационный полк. Тридцать три его славных питомца удостоены звания Героя Советского Союза, а четверым это звание присвоено в других частях авиации ВМФ. Многие из крылатых богатырей не

дожили до победного дня. Их имена вписаны в летопись воинской славы.

...Отгремели бои. Зарубцевались военные раны. Каждый год ветераны полка собираются в Ленинграде. Убеленные сединами, они слетаются и съезжаются ко Дню Победы, чтобы увидеть друг друга, побывать на могилах друзей, вспомнить славную молодость, рассказать о делах и заботах.

По-разному сложились их судьбы после войны. Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Е. Н. Преображенский длительное время командовал авиацией Военно-Морского Флота. Он умер в 1963 году. До последних дней своей жизни много и плодотворно трудился на этом высоком посту Герой Советского Союза маршал авиации Иван Иванович Борзов, принявший командование авиацией Военно-Морского Флота после Евгения Николаевича Преображенского. Не дожили до сегодняшних дней дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Николай Васильевич Челноков, Герои Советского Союза Иван Дмитриевич Бабанов, Григорий Сергеевич Бажанов, Петр Львович Кошелев, Петр Федорович Стрелецкий.

По долгу службы мне часто приходится бывать в различных городах нашей необъятной Родины, и почти в каждом из них я вижу своих однополчан ветеранов балтийской крылатой гвардии.

Приезжая в Москву, я частенько встречаюсь с Героем Советского Союза генерал-лейтенантом авиации Петром Ильичом Хохловым. По состоянию здоровья он оставил военную службу и вышел в отставку, но до сих пор проводит большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

В Москве я навещаю и бывшего заместителя командира полка по политической части, ныне полковника в отставке Виктора Михайловича Калашникова. Он находится на заслуженном отдыхе.

Герои Советского Союза В. А. Балебин, В. А. Бударагин, Г. Д. Васильев, А. Я. Ефремов, И. Д. Иванов, Н. Д. Котов, В. М. Кузнецов, М. В. Лорин, И. Г. Шаманов, М. Ф. Шишков служат на различных предприятиях и в учреждениях, проводят большую общественную и военно-патриотическую работу.

В Москве на Сиреневом бульваре живет полковник запаса Алексей Захарович Пятков, а в Ленинграде - его бывший штурман Евгений Петрович Шевченко. Боевые друзья бережно сохраняют святое чувство фронтового товарищества и часто встречаются.

Продолжают службу в авиации Военно-Морского Флота Герои Советского Союза полковник А. М. Гагиев, полковник Р. С. Демидов, подполковник А. И. Разгонин.

После войны я снова командовал эскадрильей, учил

молодежь, передавал ей накопленный опыт. Но поршневые машины быстро состарились. Им на смену пришли реактивные самолеты. Техника усложнилась. Неизмеримо выросли высота и скорость полета. Получили дальнейшее совершенствование и средства наземного обеспечения полетов. Появились радиотехнические системы привода и посадки летательных аппаратов. Возникла необходимость изменения тактики, разработки и научного обоснования новых способов и приемов боевых действий при нанесении ударов по морскому противнику. Полученных ранее знаний и опыта уже не хватало. Жизнь заставляет снова учиться.

После окончания Военно-морской академии получаю назначение на Дальний Восток - командиром полка. Снова полеты, теперь уже над просторами Тихого океана, отработка новых приемов, боевые тревоги, учения.

...Аэродромы гудят днем и ночью. Летать нужно много, почти непрерывно: на личное совершенствование, на контроль командиров, на отработку новых тактических схем. Необходимо выкраивать время и для наземной учебы, для решения массы текущих служебных вопросов. Темпы жизни растут. На учете уже не часы, а минуты, секунды. Нужно везде успеть, все увидеть, все сделать...

Нельзя забывать и семью. Шурочка, дети находятся рядом со мной. Трудятся, учатся, не ропщут на неустроенность, на тяготы жизни.

А качество техники снова меняется. Самолет обгоняет звук, несет на себе ракеты и сложные электронные механизмы. Учеба в Академии Генерального штаба. Годы летят с космической скоростью. Их нужно прожить только с полной отдачей.

Заместитель командующего авиации флота. Теперь на меня возложена летная и боевая подготовка огромного воинского коллектива. Вершина мастерства военного летчика - умение без промаха бить врага в любых условиях дня и ночи. Этому нужно учиться не только в классе, на лекции, на тренажере, но обязательно в воздухе, в условиях, максимально приближенных к боевым. Нельзя забывать и военный опыт.

Мы помним те года лихие,
Когда пылало все кругом.
Атаки ваши огневые
Под многослойным артогнем...
И как под нами, содрогаясь,
Горели танки и мосты,
Когда к врагу мы прорывались
С пятиметровой высоты.

Разрывы темные снарядов
Кольцом сжимали нас порой.
Пространство то казалось адом,
Где пролетали мы с тобой.
И нужно мужество, поверьте,
Когда до цели две версты,
А ты летишь навстречу смерти
С пятиметровой высоты.
Машину пламя пожирает,
За ней струится дымный вал.
Рука разбитая сжимает
В крови измазанный штурвал.
Еще мгновенье - взрыв торпеды,
И в прах - фашистские кресты.
Так добивались мы победы
С пятиметровой высоты.

Один за другим уходят в запас ветераны. А нужно успеть передать молодежи все наши знания, умение, опыт. Кадры на смену приходят отличные. Молодежь растет грамотная, сильная, закаленная физически и духовно. Она воспитывается на героизме и мужестве старшего поколения. И мы не теряем времени. Упорно готовим смену, достойную памяти тех, кто отдал свою жизнь за нашу Советскую Родину, за счастье всего человечества.